

A31
H 61

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

СОКРОВИЩА ТАЙН

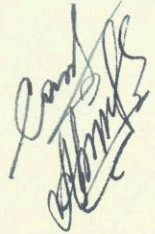
Ав. 230217
И БИ Низами Ганджеви
Сокровища Ница Тайн
1982 3221 м.

230217

получено
вручку Могреевичу
день 65 годовщины
Вооруженных сил СССР

Раинов В.А.
Салидов С.С.
Ахундов Э.И.

Секретарь цех. п/б
тех. отдел и ОРИС
Информ. группа
Секретарь цех.
ком. орг.

22.02.03.

спонг 2015

К 840-ЛЕТИЮ
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

60117

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЭ

СОКРОВИЩНИЦА ТАИН
ХОСРОВ И ШИРИН
ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕРНАМЕ

БАКУ—1982

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

**СОКРОВИЩНИЦА
ТАИН**

Ғ. Кӱс рәсәһе
Azərbaycan Dövlət Uşaq
KİTABXANASI
INV. № 230217

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫЧЫ»

Перевод с фарси

К. А. ЛИПСКЕРОВА И С. В. ШЕРВИНСКОГО

Научный редактор, автор вступительной статьи и примечаний
проф. РУСТАМ АЛИЕВ

НИЗАМИ И ЕГО ПОЭМА «СОКРОВИЩНИЦА ТАИН»

Низами принадлежит к числу тех избранных художников слова, творчество которых нельзя вместить в какое-нибудь одно из их произведений. Низами необъятен, каждое из его творений представляет собой целый мир, наполненный прекрасными образами, благородными чувствами, блестящими идеями, а главное — высоким гуманизмом, утверждением непреходящей ценности человеческой личности, ее духовного мира.

Предлагаемая читателю поэма «Сокровищница тайн» («Махзан ал-асрар») стоит как бы особняком в «Пятерице» Низами, значительно отличаясь по своей структуре, композиции от остальных его поэм. Единственно, что объединяет «Сокровищницу тайн» с другими эпическими произведениями Низами, это ее идейное содержание, основная задача автора, которая заключается в изложении его глубоко продуманной концепции гуманизма.

Однако если в других поэмах — «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендер-наме» — этическое, эстетическое и социальное содержание, гуманистические взгляды поэта раскрываются посредством высокохудожественных образов, ярких, красочных картин, то в «Сокровищнице тайн» эти идеи преподносятся автором в дидактической форме, в виде страстной проповеди, увещаний и поучений.

Основная цель поэта — поделиться с читателями своими глубоко продуманными, выстраданными идеями о лучшем переустройстве мира, нравственном воспитании людей в духе справедливости, благородства. Поэт выступает здесь как защитник интересов обездоленных трудящихся масс, простого народа — творца всех жизненных благ, — всех несправедливо обиженных и испытывающих гнет, насилие, нужду и невзгоды. Но этот дидактизм не означает, что поэт преподносит свое учение в виде холодных, моралистических сентенций, набивших оскомину ходячих

истин, скучных назиданий. Всем известно, что такие наставления справедливы и полезны, но их никто не читает и не любит, как никто не любит горькие пилюли. «Сокровищница тайн» принадлежит к числу тех дидактических творений, о которых В. Г. Белинский говорил: «...они... выходят из живого и пламенного рассудка, берут у поэзии все ее краски, говорят душе образами, а не отвлеченными идеями. В основе их глубокое миро-созерцание и благородный юмор, форма дышит красками вдохновенной поэзии, мысль мощно охватывает читателя и высказывается резко и определено». (В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, М.-Л., 1947).

Для иллюстрации и более доходчивой аргументации своих проповедей, обращенных к царям и правителям, власть имущим, сильным мира сего, поэт вводит в сюжетную ткань своих «бесед» высокохудожественные рассказы-притчи, в которых вплоть до мельчайших деталей воссоздается реальная картина быта и нравов того времени. Перед читателем проходят, сменяясь, образы царей и пахарей, правителей и простых тружеников, разворачивается широкое реалистическое полотно, рассказывающее о жизни не только Азербайджана, но и всего Ближнего и Среднего Востока. Поэтому неудивительно, что «Сокровищница тайн» приобрела огромную популярность не только на родине поэта, но и далеко за ее пределами. Эта поэма на многие столетия предопределила дальнейшее развитие философско-дидактического жанра в литературах многих народов Ближнего и Среднего Востока и вызвала к жизни множество подражаний. Среди них можно отметить такие выдающиеся образцы, созданные под непосредственным влиянием «Сокровищницы тайн», как «Матла ал-анвар» («Восход светил») Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325), «Раузат ал-Анвар» («Сад лучей») Хаджи Кирмани (1281—1352), поэму с аналогичным названием Джалала ад-Дина Джафара Фарахани (ум. 1335), «Мунис ал-абрар» («Друг праведных») Имад ад-Дина Кирмани (ум. 1371), «Гулшан-и абрар» («Цветник праведных») Катиби Туршизи (ум. 1335), «Тухфат ал-ахрар» («Дар свободных») Абд ар-Рахмана Джамии (1414—1492), «Манзар ал-абсар» («Место зренья пронизательных очей») Казии Занджани (XV в.), «Мазхар ал-асрар» («Место явления тайн») Амира Хашима Кирмани (ум. 1541), «Машхад-и Анвар» («Усыпальница лучей») Газзали Машхади (1530—1572), «Мазхар ал-асрар» («Место явления тайн») Диваи Лахиджи (ум. 1595), «Маджма ал-абкар» («Свод девственных мыслей») Урфи Ширази (1555—1591), «Матла ал-анвар» («Восход светил») Мир Мухаммада Бакир Дамада (ум. 1631), «Машрик ал-анвар»

(«Восход светил») Абд ар-Рахима Гургхпури Таммана (ум. 1856) и другие. По неполным подсчетам Е. Э. Бертельса, на персидском языке имеется более сорока подражаний «Сокровищнице тайн».

Из «ответов» на поэму Низами на тюркских языках следует отметить в первую очередь знаменитое сочинение великого узбекского поэта Алишера Навои (1441—1501) «Хайрат ал-абрар» («Диво для праведных»), «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн») Мир-Хайдара Маджзуба Хирави (XV в.), «Гулшан-и анвар» («Цветник лучей») Яахий-бека Дупагини (ум. 1575), «Сухбат ал-абкар» («Беседа благочестивых») Невизаде Атаи (1583—1634) и т. д.

Конечно, влияние великого творения Низами не исчерпывается этими подражаниями, которых на персидском, тюркских, урду и других языках насчитывается свыше ста. Гуманистические идеи, провозглашенные в «Сокровищнице тайн», проникли во все сферы общественного сознания и сыграли колоссальную роль в этическом и нравственном развитии и воспитании многих поколений.

Творчество каждого художника всегда в той или иной степени — продукт его эпохи, результат накопленного предшествующего опыта, традиций, социально-экономических факторов, эстетических и этических воззрений, обусловленных в свою очередь конкретными историческими особенностями, присущими в каждую эпоху той или иной общественно-экономической формации. Творчество Низами тоже не является в этом плане исключением.

Низами был выходцем из средних слоев городского населения, и в его творчестве в значительной степени нашли свое отражение интересы его класса, требования и чаяния передовых людей его времени. Родился Низами в 1141 г. в городе Гяндже (ныне Кировабад), тогдашней столице Аррана — самостоятельного княжества, занимавшего часть территории современного Азербайджана.

Эпоха, в которую жил и творил поэт, представляет собой один из самых интересных и знаменательных периодов в истории нашего народа. XII век явился для многих стран Ближнего и Среднего Востока поистине «золотым веком», вершиной развития производительных сил, ремесел, торговли, а также литературы, науки, искусства и общественной мысли. Это было время бурного роста городов и классового расслоения среди городского населения. В стране кроме Гянджи и столицы другого удельного княжества Ширваншахов — Шемахи имелся целый ряд крупных го-

родов, таких как Ардебиль, Тебриз, Байлакан, Барда, Баку, Дербент, Шамхор, Шабаран и другие, насчитывавших сотни тысяч жителей. Рост городов повлек за собой, с одной стороны, переход к оседлой жизни огромной массы кочевников и быстрое развитие зачатков крупной промышленности, а с другой стороны, — имущественное расслоение среди городского населения. Неслучайно, как это было показано советскими учеными, в частности, И. П. Петрушевским и А. М. Беленицким, наиболее сильное и организованное сопротивление монголам оказало именно городское население. «Сообщения источников убеждают нас, что повсюду в Средней Азии, Иране, Азербайджане, Армении наиболее активными и инициативными борцами против войск Чингиз-хана были народные массы, особенно низы городского населения (ремесленники и городская беднота), более сплоченные и организованные (в цехах), нежели сельские жители. Известна руководящая роль горожан в обороне ряда городов, таких, как Сыгнак, Шам (Ташкент), Мерв, Герат, Байлакан, Гянджа, Ани и другие. Горожане, нередко вопреки воле своих феодальных владетелей (как в Сыгнаке, Гяндже, Байлакане, Ани), крепко защищали свои родные города от завоевателей. Даже раз покоренные горожане часто вновь поднимали восстания в Мерве, Херате, Хамадане». (И. М. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.-Л., 1960, с. 29). В городах средневекового Азербайджана быстро развивались различные виды промышленности. Текстильное, металлообрабатывающее, гончарное и другие ремесла находились на высоком для того времени уровне, которого Европа смогла достигнуть примерно лишь в начале XVI в. Ремесленники в городах объединялись по цеховым признакам. Постепенно происходила дифференциация в недрах самого класса ремесленников. Владельцы мастерских, мастера и подмастерья уже стояли на разных ступенях общественной лестницы.

Особо привилегированный слой городского населения Азербайджана составляло в то время купечество, в руках которого были сосредоточены большие денежные средства. Это позволяло купцам вести обширную транзитную торговлю со многими странами Востока и Запада.

Другой характерной чертой Азербайджана домонгольского периода был подъем сельского хозяйства. Страна, основу земледелия которой составляло искусственное орошение, была покрыта сплошной сетью наземных и подземных каналов. Ежегодно возводились новые дамбы, рылись тысячи кюлизов и колодцев, сооружались подземные галереи большой про-

тяженности. Вместе с этим повышалась и сама культура земледелия, что способствовало ежегодному приросту сельскохозяйственной продукции.

В социальном отношении в стране также происходили большие сдвиги. К середине XII в. в стране полностью исчезли остатки рабовладельческой формации и рабский труд уже не играл сколько-нибудь существенной роли в общественном производстве. Развитие феодального способа производства и феодальных производственных отношений шагнуло так далеко, что уже начался процесс исхода крестьянства в город.

Не менее важным признаком социальных сдвигов было «обуржуазивание» самих феодалов, которые покидали свои земли и втягивались в городскую жизнь. На это их толкала прежде всего нужда в услугах ремесленников и купцов. Эти феодалы и владельцы крупных наделов, проживавшие в городах и образовавшие там особый класс «земско-городской знати», как их называл И. П. Петрушевский, сами начинали заниматься торговлей, в том числе транзитной.

Ощутимые изменения происходили и в области идеологии и культуры тогдашнего феодального общества. Как известно, к началу XII века ортодоксальный ислам, господствовавший над всеми общественными институтами, успел испытать немало атак со стороны многочисленных учений, провозглашенных передовыми мыслителями и философами, поэтами и писателями, теософами и религиозными реформаторами.

Учения Халаджа и Ибн-Сины, Хаяма и Насира Хосрова, система образного мышления Фалаки Ширвани, Хагани, Байлакани, Абуль-л-Ала Гянджеви, верования различных сект, возникших в недрах официальной религии, наконец, проникновение во все сферы идеологической жизни самого распространенного в то время учения — суфизма и введение его в рамки официального ислама Мухаммедом Газали (ум. 1111 г.), ярко свидетельствуют о постепенном ослаблении старой и зарождении новой идеологии. Поскольку, как отмечено выше, в Азербайджане и сопредельных странах эпохи Низами развитие феодальных отношений достигло весьма высокого уровня, то была создана почва для формирования основ более высокой общественно-политической формации и соответствующей ей идеологии. Однако этому не суждено было сбыться из-за нашествия монголов, которое приостановило поступательное развитие общества в странах Ближнего и Среднего Востока на несколько столетий.

Культурный, экономический и общественно-политический подъем в домонгольский период обусловил и переориентацию в этических и духов-

ных потребностях, эстетических вкусах, философских и социально-политических воззрениях. Возрастает интерес к отдельному человеку, к личности, отчетливо проявляется стремление к освобождению ее от пут социального и религиозного гнета. Признание независимости человека от прихоти сверхъестественных сил, утверждение самоценности его внутреннего мира вызвали к жизни новые тенденции в литературе и искусстве. Философы и поэты вступили на путь воспевания и обоготворения человека, защиты его интересов, предвосхитив идеи Ренессанса, наступившего в Западной Европе лишь несколько веков спустя.

Необходимость воплощения новых идей Низами осознал очень рано. Уже в его касыдах и газелях значительное место занимают философская тематика, этические проблемы. Поэт размышляет о существующем миропорядке, о месте человека в этом вечно меняющемся мире, о его внутреннем долге и ответственности перед собой и временем, о роли художественного поэтического слова и т. д.

Мы видим, что в лирике Низами — его газелях, касыдах, кыт'а и четверостишиях — уже встречаются термины «мардоми» (мэрдоми), «адами» (адэми), которые впоследствии поэт использовал, излагая свое учение о гуманизме, нашедшее законченное выражение в «Сокровищнице тайн». Слово «Адам» в арабском и персидском языках, как и в языках народов христианского мира, первоначально было собственным именем легендарного прародителя рода людского — Адама. В дальнейшем произошла субстантивация имени, и в сочетании с «бэни» (род. пад. множ. ч. от ибн — сын) оно начало обозначать «люди», «человеческий род». Именно в таком смысле употреблено слово «бэни-Адам» в Коране. В персидском языке впоследствии появились другие эквиваленты данного словосочетания в форме адами (адам+йай нисба) — «происходящий от Адама», «род человеческий», «человек»; «Адамизад» — «рожденный от Адама», «человек». Однако Низами часто употребляет это слово и в значении абстрактного существительного. В этом же значении он часто использует исконно персидское слово «мардоми» (мэрдом+йай) — абстрактное существительное, адекватное по своему значению термину «гуманность», «гуманизм».

Прежде чем приступить к изложению своего учения о «мардоми» или «адами», поэт дает философское обоснование проблемы, выдвигает четкие логические предпосылки, из которых вытекают его концепции. Анализируя опыт предшествующих поколений, Низами прежде всего констатирует

давно известную истину, ставшую излюбленным предметом в философской поэзии, что наш мир — это мир бренный и быстротечный. Богатство и власть, роскошь и мишура, наслаждение мирскими благами, ощущение собственного превосходства над другими, радость победы — словом, все то, что обольщает людей, не одаренных мудростью и светом чистого разума, все это — суета сует. Человечество, с тех пор как оно осознало себя, стремится к долговечности. Но большинство людей до сих пор пребывает в невежестве и поэтому не может найти настоящего средства, истинного пути для осуществления этого осознанного стремления. Мирские соблазны обычно оказываются сильнее разума, призванного возвысить человека над всеми остальными творениями всевышнего. Поддаваясь этим соблазнам, подчиняясь своим низменным страстям и тем самым опускаясь до уровня обычных животных, большинство людей стремится любыми средствами удовлетворить свои желания в материальном плане. Движимые алчностью и жадностью, обуреваемые злобой, властолюбием, гордостью, одни правители собирают войска и нападают на соседей, разрушают города, губят ни в чем не повинных людей, каждый из которых — создание всевышнего. Другие властители творят произвол и насилие, грабят и отнимают у слабых и беззащитных плоды их труда. Они делают это лишь для того, чтобы возвести себе дворцы с серебряными потолками и мраморными полами, набить до отказа свою казну золотом и драгоценностями. Третьи путем обмана, лжи, воровства копят богатства, но не подызуются ими и не употребляют их на благо других, а держат их в тайниках, пока сами бесславно не умрут.

Для иллюстрации этих положений поэт приводит многочисленные примеры из истории. Излюбленными героями его притч являются могущественные легендарные иранские цари (Фаридун, Джамшид, Нуширван), а также султаны из династии Сельджукидов. Поэт, с одной стороны, показывает бренность, быстротечность жизни и бессмысленность стремления к могуществу, богатству, власти и величю, а с другой — утверждает бессмертие, высшую ценность справедливых и благородных деяний. Власть, мирские блага, роскошные дворцы, несметные сокровища, несокрушимая военная сила — все это ни на шаг не приближает их обладателей к бессмертию, ибо после смерти властителя все эти блага сразу теряют всякую ценность.

Единственное, что может приобщить человека к вечности, это его созидательный труд, добрые и полезные деяния. Человек — венец природы,

он не слепой исполнитель воли провидения. Каждый человек — это целый мир «с чистотой и мутью», он и творец и творенье, он и «пробный камень», и «золото», и «золотых дел мастер».

Если силою разума и воли человек будет стремиться к тому, чтобы очиститься от мути, избавиться от низменных страстей, то он достигнет величия пророков; может превзойти ангелов. Подлинная миссия человека заключается в том, чтобы бескорыстно служить людям, творить добро, созидать. Забота о других, служение людям и обществу, — вот в чем Низами усматривает настоящую человечность.

Знаменательно, что у Низами характер назиданий о служении людям, о созидательном труде меняется в зависимости от того, к кому они обращены. Так, если поэт обращается к простым людям, то он всюду подчеркивает, что труд не только облагораживает человека, но и помогает сохранить свое человеческое достоинство, избавляет от необходимости унижаться перед властью имущими. Об этом красноречиво повествуется в притче «О Соломоне и крестьянине» и в «Повести о старике кирпичнике». Крестьянин с гордостью отвечает всемогущему царю Соломону:

Есть вода у меня: на спине моей мало ли пота?
И мотыга со мной. Это — пальцы. О чем же забота?
Не пекусь я о пальцах, мне область ничья не нужна,
И пока я дышу, моего мне довольно зерна...
Человеку, о царь, все дает голубой небосвод,
Все, чего он достоин, себе он под небом найдет.

Так же дорожит своей независимостью и старик кирпичник, который всю жизнь «гнул без усталости спину». Он так отвечает любопытствующему прохожему:

Я за труд свой взялся, потому что в нем вижу поруку,
Что не стану к тебе за подачкой протягивать руку.
Я не нищий, о нет, и с алчностью не гляжу я вокруг,
Ем я хлеб, что добыт лишь трудом этих старческих рук.

Когда же поэт адресует свои добрые советы сильным мира сего, то их содержание уже другое. Поэт проповедует справедливость и правосудие, призывает правителей заботиться о своих подданных, о стране, искоренять произвол и насилие, гнет и жестокость.

Следует отметить, что эти проповеди, назидания и все учения о «мардоми» главным образом рассчитаны на царей и правителей, вершителей земных судеб. Страстный пафос, которым проникнута «Сокровищница тайн», выражает стремление поэта склонить разум властителей, от воли которых зависела судьба обездоленного и угнетенного народа, к своему учению о человеколюбии и гуманизме. Весь жар души вкладывал поэт в свои пламенные стихи, чтобы пробудить лучшие чувства у своих ценных читателей, побудить их править в духе справедливости, быть милостивыми к своим подданным, к тем, на чьем труде зиждется каждое царство.

Должен городу с войском ты блага желать, и на это
Город с войском ответят. Плохого не будет ответа.
Угнетающий царство его разрушает, а тот,
Кто внимателен к людям, к его процветанию ведет.

Свои проповеди Низами каждый раз подкрепляет красочными рассказами, заимствованными из жизнеописания прежних царей и шахов, осуждая их за насилие и жестокость и восхваляя за справедливость и милосердие. При этом поэт постоянно подчеркивает, что справедливые и добродетельные властители вознаграждаются дважды: и на этом свете, и в загробной жизни. Если царь защищает своих подданных, печется о их благополучии, то от этого выигрывают и царь, и подданные, ибо счастье властителя основано в конечном счете на благополучии народа, а его благоденствие в свою очередь зависит от мудрого и справедливого правителя. Подобные проповеди поэта по своему содержанию полностью совпадают с философским учением современных европейских мыслителей о холизме («целостности»), суть которого сводится к тому, что общество — единый организм. Если функция какого-либо его органа будет нарушена, то от этого неизбежно пострадает весь организм в целом. Если правитель творит насилие над теми, кто производит все материальные блага, то это сказывается на всем обществе; если подданные задавлены гнетом, разорены, унижены, то в стране не может быть благоденствия. Если вражеская конница потопчет нивы, возвращенные трудолюбивым крестьянином, то от голода пострадают не только сами крестьяне, но и правящая верхушка — правители, полководцы.

Поэтом Низами со всей силой и страстностью призывает царей и шахов, ханов и эмиров отказаться от насилия, притеснения и грабежа

трудящихся. С этих проповедей поэт и начинает свою книгу. Весьма знаменательно, что даже вступительная часть «Сокровищницы тайн», традиционно посвященная славословию Аллаха и пророка, значительно отличается от аналогичных вступлений, которые мы видим у других поэтов того времени. Низами, обращаясь к пророку, призывает его восстать из мертвых и очистить религию от «грязи» религиозных деятелей, вызволить ее из нечистых рук духовенства, которое торгует именем Всевышнего. Далее, в первой беседе поэт описывает достоинства человека и обосновывает благородную миссию, уготованную ему. Во второй беседе поэт уже переходит непосредственно к изложению принципов своего учения, призванного защищать интересы подданных, воспитывать в сильных мира сего такие качества, как справедливость, совесть и прочие добродетели. Беседа так и называется: «Наставление шаху о справедливости». Обращаясь к своим венценосным читателям, поэт убеждает их:

Притесняя подвластных, ты править страной не сумеешь,
Лишь призвав правосудье, ты царством своим овладеешь.
То, в чем нет справедливости, твой не умножит доход,
То, в чем нет правосудья, как ветер тебя унесет.
Справедливость — гонец, кто спешит наш обрадовать разум;
Тот работник, кто в царстве все нужное сделает разом.
Справедливость твоя укрепляет сверкающий трон.
Если ты справедлив, вечно будет незыблемым он.

Для иллюстрации истинности своих взглядов поэт приводит поучительный рассказ о шахе Нуширване, прозванном Справедливым, и о его визире. Эта притча впоследствии стала классической — она получила широкое распространение и вошла в фольклор многих народов Востока. Повесть о Нуширване и его визире — это аллегорический рассказ о беседе двух сов, которые обитают в развалинах. Столковывая их беседу, Низами устами визиря внушает правителям, что жестокость и деспотизм всегда приводят к разрушению, разорению, являются причиной всяческих бедствий. Прозревший от слов визиря, шах восклицает:

Притесняя других, на себя обратил я позор,
Сам себя я гнету, хоть иных мой гнетет приговор.
Да изведаю стыд, проходя по неправым дорогам!
Устыдась пред собой, устыдиться я должен пред богом.

С этого дня, как повествует Низами, с шахом произошла чудесная метаморфоза:

В том краю он сейчас же тяжелый калым уничтожил,
И поборы, и гнет, и насилие он там уничтожил.

Разостлав правосудье, насилие ковер он свернул,
Блюл он заповедь эту, покуда вовек не уснул...

Эта тема продолжается в четвертой беседе, которая называется «О благожелательном отношении шаха к подданным». В преамбуле поэт, осуждая близорукость тех, кто уповает на свое могущество и власть, провозглашает, что единственное и подлинное счастье, к которому должны стремиться люди — это добро, справедливость, правосудие.

Человеческий разум и светлая доблесть — одно.
Надо всем правосудье. Всех доблестей выше оно...

Ты не злой, небосвод. Лишь о благе раздумывай ты.
Помни вечно о бедах, что к людям спешат с высоты.

Лишь добро проявляй, отдаваясь крутящимся годам.
Лишь такое имущество радует верным доходом.

Основное назначение беседы и сопутствующего ей рассказа («Повесть о старухе и султанине Санджаре») — устрашение своих всемогущих читателей. Будучи проникновенным, понимая до тонкостей людскую психологию, Низами прекрасно сознавал, что его пожелания-поучения легко могут остаться гласом вопиющего в пустыне. Поэтому поэт старался устрашить правителей всевозможными божескими карами и адскими мучениями.

Разоблачая неправедные деяния султана Санджара устами несчастной старухи, несправедливо пострадавшей от бесчинства слуг и заместников султана, поэт восклицает:

Города посмотри-ка: в развалинах наша страна,
Хлебопашец ограблен, оставлен тобой без зерна.

Ты припомни свой рок, приближень кончины исчисли,
Где от смерти стена? Вот на что ты направил бы мысли!

...Стрелы всюду не сыпь, иль дождешься недоброго часа!
Есть припасы молитв у несчастных, лишенных припаса.

Далее Низами говорит о том, что Санджар не внял призывам старухи и за это судьбою ему «урок был губительный дан». Такой пример, по замыслу Низами, должен был заставить призадуматься правителей, склонить их к справедливому правлению, ибо:

Справедливость — лампада. Лампады пугается тень.
Пусть же с завтрашним днем будет дружен сегодняшний день.

В поэме внимательный читатель может найти и глубоко выстрадавшие Низами, передовые для своего времени мысли о единстве человека и окружающей его природы, о необходимости беречь природу, не причинять бессмысленно зла нашим «меньшим братьям».

Согласно Низами, вся природа — это единый, цельный организм, и причинение вреда какой-либо части этого организма неизбежно наносит ущерб всей природе и в конце концов оборачивается против самих людей. Поэтому человек должен заботиться о животных, растениях, о земле, которая кормит людей, о чистоте источников и водоемов. Чтобы наглядно подкрепить свою мысль, поэт приводит рассказ о царе Фаридуне и газеленке. Царь на охоте преследует газеленку, но одновременно пленен его красотой и изяществом, и вот царский конь не может догнать газеленку, и стрелы летят мимо цели. Царь упрекает своего коня и стрелу, но они, неожиданно обретя дар речи, вещают ему, что нельзя бездумно уничтожать бессловесную и беззащитную тварь, что истребляя в угоду своей прихоти животных, человек уничтожает красоту и богатство мира, частью которого он сам является. Как видим, здесь Низами предвосхитил современные идеи об экологическом единстве живой природы и окружающей среды, о взаимосвязанности и взаимообусловленности всех сложных процессов, происходящих на планете.

Особое место в «Сокровищнице тайн» занимает изложение идей Низами о сущности поэзии, о роли поэтического Слова в судьбах мира. Этой теме посвящены беседы «Речь о превосходстве слова» и «Превосходство

речи, нанизанной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам».

По мысли автора, слово было первым твореньем божьим, именно с него началась история нашего мира:

В час, как с тайны предвечной упали тумана покровы,
Стало первым явленьем — сиянье великого слова.

Слово в сердце проникло, к неведомой жизни спеша,
В глину вольное тело вместить пожелала душа.

Многообразна роль слова в жизни человеческого общества, трудно проследить и охватить взглядом все ипостаси, в которых выступает слово:

Ведай: слово — начало и ведай, что слово — конец.
Многомудрое слово всегда почитает мудрец.

Венценосцы его венценосцем всевластным назвали,
Мудрецы же его доказательством ясным назвали,

И порою оно величавость дает знаменам,
И порою его прихотливый рисует калам...

Мы лишь в слове живем. Нас объемлет великое слово.
В нем бесследно сгореть наше сердце всечасно готово.

Низами высказывает свои сокровенные мысли о высоком назначении поэзии. Он сурово осуждает тех поэтов, которые ради благ земных «разражаются речью пустой». Для истинного поэта в награду за служение истине будет дан дворец, который «приюта роскошной земного». Благородная людская память, добрые дела, которые произрастут, как верна, из брошенных в души людей слов, вот высшая награда для бескорыстного художника:

И становится благом напев его дышащих слов,
И любовью становится множества он языков.

В одной из вступительных глав поэмы («Первое тайное собеседование о воспитании сердца») Низами рисует картину райского сада, прекрасного гармоничного мира, где восторжествовала лучезарная любовь,

где нет больше зла, обмана, корысти, низменных страстей. Поэт дает понять читателю, что такой мир достижим и на земле, если человек сумеет возвыситься духом, а главное — трудиться на благо грядущего, а не пребывать в пассивной покорности судьбе:

Оправдания не надо, не этого ждут от тебя,
Не безделья, в слова разодетого, ждут от тебя.

Идейное и художественное богатство «Сокровищницы тайн» поистине необъятно. Тех мыслей, глубоких наблюдений, ярких запоминающихся образов, которые Низами щедро рассыпал на страницах своей поэмы, хватило бы с лихвой не на один десяток поэм. Сам Низами хорошо понимал, что из-под его пера вышло нечто из ряда вон выходящее, что его поэма открывает новые горизонты в развитии поэзии и общественной мысли:

Необычные вещи сегодня показаны мною,
Новый очерк им создан, и каждая стала иною!

Обращаясь к читателю, поэт призывает его глубоко проникнуть в содержание поэмы, ее сокровенный смысл.

Вникни в книгу мою. Книга будет чужда и странна.
Но прими ее ласково. Близкою станет она.

В ней слова, что цветы насаждённого правильно сада,
В ней лишь только свое, ничего ей чужого не надо.

Все в ней создано лучше, чем в мире и суши и вод.
Эта книга свежей и древней, чем лазоревый свод.

И с окраской она всей сверкающей шири не сходна,
И она с языком, существующим в мире, не сходна...

Стройное и законченное учение Низами о гармоничном, справедливом общественном устройстве, его философские, социальные, эстетические взгляды, высказанные впервые в «Сокровищнице тайн» и облеченные

в блестящую, высокохудожественную поэтическую форму, — все это ставит поэму в ряд величайших творений человеческого гения. Многие поколения читателей перечитывали и будут перечитывать шедевр Низами, с восхищением и изумлением видя, как далеко поэт опередил свою эпоху, как прозорливо устремил он взгляд в будущее, как последовательно и смело утверждал он идеи справедливости, красоты, добра и правды:

Ты не бойся погибнуть. Правдивым ты будь до конца,
Побеждает правдивый по воле благого творца...

Знай: сияние правды душой Низами овладело
И великою правдой его озаряется дело.

Предлагаемый читателю перевод поэмы сделан видными советскими поэтами-переводчиками К. А. Липскеровым и С. В. Шервинским. Надо отметить, что сам текст поэмы насыщен сложными метафорами, образами, сравнениями, изобилует восточными именами, терминами.

Как отмечал Е. Э. Бертельс, «поэзия Азербайджана в XII в. пользовалась особым стилем, который можно было бы условно назвать «орнаментальным». Характерная черта его — стремление к максимальному повышению веса каждого слова в строке путем введения многочисленных фигур, широчайшего использования игры словами, чему в значительной мере содействует полисемантическая лексика персидского литературного языка того времени». (Е. Э. Бертельс. Великий поэт азербайджанского народа. — В кн.: Низами. Пять поэм. М., 1946, с. 21—24).

Словарь Низами вообще исключительно богат, а образная система его произведений сложна и порой многозначна. Низами стремился максимально использовать все возможности, заложенные в слове, обыграть его значения, оттенки употребления, омонимию. Нередко двустипшие представляет собой как бы ребус в миниатюре, и чтобы разгадать этот ребус, надо уловить все ассоциации, намеки, скрытый подтекст, правильно истолковать метафоры, что под силу далеко не каждому читателю.

Все сказанное вдвойне справедливо в отношении «Сокровищницы тайн», которая, по общему признанию, является наиболее сложной по стилю и трудной для понимания поэмой Низами.

К этому надо добавить, что в творчестве Низами нашли широкое отражение передовые достижения наук того времени — астрономии, меди-

цины, физики, математики. В частности, «Сокровищница тайн» изобилует географическими названиями, астрономическими сведениями о движении звезд и планет, ссылками на восточные легенды и мифы, именами литературных героев из известных произведений того времени (Шах-наме Фирдоуси и др.). Поэтому многие места поэмы чрезвычайно трудны для восприятия современного читателя. Как справедливо отметил Е. Э. Бертельс, поэма «в сущности требует не только перевода, но и пространного комментария, раскрывающего всю глубину ее содержания и беспримерную тонкость построения. Поэма «Сокровищница тайн» — одно из труднейших произведений на персидском языке. Это ощущалось и учеными Востока, создавшими ряд толкований к этой книге» (Е. Э. Бертельс. Низами. Изд-во АН СССР, М., 1956, с. 85—86).

Поэтому настоящее издание снабжено подробными комментариями, поясняющими текст, а также словарем собственных имен, названий и слов, требующих перевода.

СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН

ВСТУПЛЕНИЕ

«В прославленье Аллаха, что благом и милостью
щедр» —¹
Вот к премудрости ключ, к тайнику сокровеннейших
недр².

Размысленья начало и речи любой завершенье —
Имя божье, и им ты закончи свое наслажденье.

Вечно существовавший, явившийся ранее всех,
Пережить долженствующий существование всех.

В изначальной пред-жизни старейшиной бывший
над нею,
И каламу времен ожерелье надевший на шею, —³

Он раздернул завесу со скрытых завесой небес,
Сам сокрытый под высшей из прячущих тайну завес.

Он — создатель ключей, где щедрот его влага
струится,
Зачинатель всего, что с его бытием единится.

Он для пояса солнца из яхонтов создал убор,
Наряжает он землю, на воды наводит узор.

Учит пище духовной питающих глубь неземную,
Воздвигает он день для снедающих пищу дневную.

Бусы знаний он нижет на тонкую разума нить,
Он для разума — свет, его глаза не даст он затмить,

Ранить лбы он велит правоверным в усердных
 поклонах,
 Он дарует венцы на земных восседающим тронах.

Не дает он сбываться тому, что людьми решено,
 Преступленье любое по воле его прощено.

Устроитель порядка среди гама пришедших
 в смятенье,
 Он источник для тех, кто заранее знает решенья.

Первый он и последний по качествам и бытию,
 Он на жизнь и на смерть обрекает державу свою.

При всесилье его, что в обоих мирах не вместится,
 Все, что в нас и при нас, лишь коротким мгновением
 мнится.

В долговечной юдоли вселенной, помимо творца,
 Кто воскликнуть бы мог: «Для кого здесь сиянье
 венца?»

Все, что было и не было, все, что высоко и низко,
 Может быть и не быть, от не сущего сущее близко.

Даже мудростью тех, кто воспитан с предвечных
 времен,⁴
 Этот трудный вопрос и доньше еще не решен.

Из предвечности знание его — о морская пучина!
 Как безбрежная степь, вековечно оно и едино.

Что первейшее в нем, не имело начала вовек.
 И последнее в нем окончанья не знало вовек.

Саду плоти твоей от него животворная влага,
 Свет нарциссам твоим — от него исходящее благо.

Все, где действует жизнь, проявляя свое естество, —
 Лишь служенье раба перед вечным господством его.

Вековечен лишь он, остальному грозит перемена.
 Он один — пресвятой, никакого не знающий тлена.

Благодарности полный, его многотысячный хор
 Славословит на шапке земли и на поясе гор.

За завесою света скрывались щедроты творенья, —
 Сахар был с тростником, были с розой шипы
 в разобщенье.

Но лишь дал он щедротам цветенье, щедроты лия,
 Тотчас цепь бытия разрешилась от небытия.

В неумном стремленье к двум-трем деревьям
 «разоренным»⁵
 Было небо в смятенье, неясное в несотворенном.

Узел, мысль сожигающий, не был еще разрешен,
 Локон ночи тогда был ладонями дня полонен.

Только жемчуг небес нанизал он в ряды узорочий,
 Пыли небытия не оставил на локонах ночи.

Из кругов, что на небе его изволением легли,
 Семь узлов завязал он, деля ими пояс земли.⁶

Стало солнце в кафтане являться, а месяц в халате:
 Было этому белое, этому черное кстати.⁷

Тучи желчный пузырь из морских он исторгнул глубин.
 Светлый Хызра источник из злчных извлек луговин.⁸

Утра полную чашу он пролил над темною глиной,⁹
 Только камня устам не достался глоток ни единый.

Из огня и воды, их мельчайшие части смешав,
Создал яхонта зерна и жемчуга жирный состав.

Ветер слезы земли, лихорадя, загнал нездоровый¹⁰
В печень камня, и яхонт родился, как печень, багровый.

Божьей щедрости сад в процветанье привел небосвод,
Птицу речи он создал, что небу на радость поет.

Пальме слова он финики дал, что отрадны для духа,
Жемчуг он языка не оставил без раковин слуха.

Посадил за завесу безмолвную голову сна,¹¹
Им и водному телу одежда души придана.

Кинул пряди земли он на плечи небесные прямо,
Непокорности мушку навел на ланиту Адама.¹²

С лика золота он отпечаток презрения смыл,
Крови лунные розы он тучкой весеннею смыл.¹³

Ржу воздушную снять поручил он светилам лучистым,¹⁴
Душу утренних ветров он травам доверил душистым.

В глине бьющую кровь там, где печень сама, поместил,
Где биение сердца, биенье ума поместил.

В утешение губ приказал появиться он смеху,
Посадил он Венеру на пение, ночи в утеху.¹⁵

Полночь — божий разносчик, он мускус продаст
дорогой,¹⁶
Новый месяц — невольник со вдетою в ухо серьгой.

О стопу его речи, чьи силы от века велики,
Камень лоб раздробил у шатра, что достоин владыки.¹⁷

Легковесная мысль вокруг него исходила пути,
Но с пустыми руками от двери пришлось отойти.

Много троп исходив, сокровенной не вызнали тайны,
Равных с ним не нашли, все дела его — необычайны.

Появился и разум, его я на помощь призвал, —
Но постиг свою грубость и сам же его наказал.

Тот, в кого острием его циркуль однажды вонзился,¹⁸
Тот, как месяц, навек к постижению его устремился.

Кто на небе седьмом восседает, — стремятся к нему,¹⁹
Кто по небу девятому ходит, — стучатся к нему.

Небосвода вершина в уборе его ожерелий,
Страстью недра земли изначально к нему пламенели.

Каждый именем жив всемогущим благого творца,
Вечность к трону его ступенями ведет без конца.

Особливо богаты дарами уставших в дороге²⁰
Возмездители божьи, чьи вервием связаны ноги.

Те сердца, что как души святой чистотою горят,
Только прахом лежать притязают у божьих врат.

Но из праха у врат его зернышко вышло такое,²¹
Что пред садом его сад Ирема — сказанье пустое.

Так и прах Низами, что изведаль поддержку его, —
Нива зерен его и единства его торжество.²²

ПЕРВОЕ МОЛЕНИЕ. О НАКАЗАНИИ
И ГНЕВЕ БОЖИЕМ

Ты, который во времени быть повелел бытию!
Прах бессильный стал сильным, окреп через силу твою.

Знамя вьется твое над живущею тварью любовью,
Сам в себе существуешь, а мы существуем тобою.

Ты вне родственной связи, родни для тебя не найдешь,
Ты не сходен ни с кем, и никто на тебя не похож.

Что одно существует вовек неизменно — не ты ли!
Что истленья не знало и впредь неизменно — не ты ли!

Все мы гленны, а жизнь, что не знает предела, — тебе!
Всесвятого, всевышнего царство — всецело тебе!

Прах земной повеленьем твоим пребывает в покое,
Держишь ты без подпоры венчанье небес голубое.

Кто небес кривизну наподобье чоугана возвел?
Соли духа не ты ли подсыпал в телесный котел?

Если сменою ночи и дня управляешь ты въяве,
То воскликнуть «я — истина!» ты лишь единственный
вправе.¹

И когда б в мирозданье покой не пришел от тебя,
К твоему бы мы имени влечься не стали, любя.

Благодати твоей снизойти лишь исполнилось время,
Нагрузила земля себе на спину тяжкое бремя.

Если б землю не создал ты с благами стольких
щедрот,
То под грузом земли человек надорвал бы живот.

Поклонения бусы твое лишь нанижет веленье,
Поклоенье — тебе лишь, запретно другим поклоненье.

Лучше вовсе молчать тем, кто речь не ведет о тебе,
Лучше все позабыть, если память пройдет о тебе.

Кравчий ночи и тот перед чашей твоею смутится,²
Славит имя твое на рассвете поющая птица.

Выйди, сдернув завесу, единый во всем искони,
Если я — та завеса, завесу скорее сверни.³

Небосвода бессилье лишь ты небосводу покажешь,
Узел мира от мира единственный ты лишь отвяжешь.

Знак теперешних дней уничтожь, будь судьбою ты сам,
Новый образ принять повели ты небесным телам.

Изреченным словам прикажи ты к перу возвратиться,
Снова займу земли прикажи ты в ничто обратиться.

Блага света лиши достоянье поклонников тьмы,
Отведи от случайного в сущность проникших умы.⁴

Столик шестиугольный своим раздоби ты ударом
И расправься решительно с девятиножным мимбаром.⁵

Ларчик ясного месяца в глину ты нашу забрось,
Круглый камень Сатурна в Венерину чашу забрось.

Ожерелье рассыпь, от которого ночи светлее,
Птице ночи и дня ты крыло обмотай не жалея.

Эту глину, прилипшую к телу земли, соскреби!
Тот кирпич, образующий тело земли, раздоби!

Пыли ночи вели ты с чела у небес осыпаться,
Пусть Чело низойдет, а Шатру не вели подыматься.

Долго ль будет звучать этот новый напев бытия?
Хоть бы ноту из прежних вернула нам воля твоя.

Опрокинь же и выбрось согласие всемирного строя,
Вью неба избавь от кружения сфер и Покоя.

Пламя неправосудья — насилья огнем остуди,
Ветер волей своей ниже пыли земной посади.

В пепел ты обрати звездочетов ученых таблицы,
Почитателям солнца вели, чтоб закрыли зеницы.

Месяц ты уничтожь, не достигший еще полноты,
О, отдерни завесу с пустой и ничтожной мечты!

Чтоб явили они божества твоего непреложность,
И свою пред тобой засвидетельствовали ничтожность.

Мы — рабы, нерасцветший цветок в опояске тугой,
Мы — цветы с нетелесною плотью. Мы живы тобой.

Если пролил ты кровь, то за это не платишь ты пени,
Тот, кто в петле твоей, и подумать не смей о замене.

Можешь ночи стоянку по воле своей продлевать.
Закатившийся день поутру ты приводишь опять.

Если даже на нас ты и сильно прогневан, для жалоб
Среди нас никому ни охоты, ни сил не достало б.

Ты душе человеческой разум и свет даровал,
Ты испытывать сердце язык человеческий призвал.

Небо движется, полюс недвижим твоим изволеньем,
Влажен сад бытия, не обижен твоим изволеньем.

Взгляд шиповника нежный прозрачен в предутренний
час, —
Но не воздух, а пыль твоих ног — исцеленье для глаз.⁶

За завесою светит последнего лотос предела;⁷
Славословить тебя — языка человеческого дело.

О единстве твоём не умолкнет твой раб Низами,
Он в обоих мирах — только пыль пред твоими дверьми.

Так устрой, чтобы мысли его лишь тебе отвечали,
Ныне вью его ты избавь от капкана печали.

ВТОРОЕ МОЛЕНИЕ. О МИЛОСЕРДИИ И ВСЕПРОЩЕНИИ БОЖИЕМ

В мире не было нас, ты же был в безначальности
вечной.
Уничтожены мы, ты же в вечности жив бесконечной.

Твоего изволенья коня запасного ведет
Мир в круженье своем, а попону несет небосвод.

Мы — бродяги твои, о тебе мы, бездомны и нищи,
Носим в ухе кольцо, словно дверь в твоём горнем
жилище.¹

Мы тобой таврены, а собаку со знаком чужим
Государь не допустит к державным охотам своим.

Ты же нас допустил, ибо сад твой всевечный над нами,
Мы — с ошейником горлицы, псы мы с твоими таврами.

От создателей всех отклонили мы наши сердца,
Нас лелеешь один, не имеем другого отца.

Наше ты упованье, и ты устрашение наше.
Будь же милостив к нам и прости прегрешение наше.

О, подай же нам помощь, помощника мы лишены,—
Если ты нас отвергнешь, к кому ж мы прибегнуть
должны?

Что же вымолвил я? Что сказал языком я смиренным?
Лишь раскаянья смысл в изреченном и неизреченном.

Это сердце — откуда? Свобода свершенья—отколь?
Кто я сам? К твоему всевеличию почтенье — отколь?

Как пустилась душа в этом мире в свой путь
скоротечный!
Как стремительно сердце впивало источник предвечный!

Тщась познать твои свойства, у нас ослабели умы,
Но хадис «О постигшем аллаха» усвоили мы.²

Речь незрела у нас, своего мы стыдимся усердья,
За незрелость ее да простит нас твое милосердье!

Прибегаем к тебе мы, ничтожнее нежели прах,
Прибегаем к тебе, на тебя уповая, аллах.

Утешителей друг, ты утешь нас по милости многой!
О, беспомощных помощь, своей поддержи нас
подмогой!

Караван удалился, оставшим вослед посмотри,
Ты на нас, одиноких, как добрый сосед посмотри!

Нет подобных тебе. Не в тебе ли защита, в едином?
Сирых ты покровитель, — к кому же иному идти нам?

Совершая молитву, мы взор обратим на тебя.
Если ты к нам неласков, то кто ж приласкает любя?

Чьи к тебе протянулись с таким упованием руки?
Кто стонет, как мы, чьи сильнее душевные муки?

Слезно молим тебя: отпущение дай нам грехов,
Будь опорой пришедшим под твой защитительный кров!

Чрез тебя Низами и господство узнал и служенье.
Ныне имя его вызывает в любом уваженьи.³

Дарованью приветствий наставь его скромный язык,
Сделай так, чтобы сердцем твое он величье постиг!

В ПОХВАЛУ БЛАГОРОДНЕЙШЕГО ПОСЛАННИКА

«Алиф», только лишь был он на первой начертан
скрижали.¹
Сел у двери, ее же пять букв на запоре держали.

Дал он петельке «ха» управленье уделом большим,
Стали «алифу»: «даль» ожерельем и поясом «мим».

И от «мима» и «даля» обрел он над миром главенство,
Власти царственный круг и прямую черту
совершенства.

Осеняемый сводом из сих голубых изразцов,
Благовонным он был померанцем эдемских садов.

Таковы померанцы: они настоящей порою
Созревают сперва, а потом зацветают весною.

«Был пророком» — хадис, что со знаменем вышел
вперед,
Поручил он Мухаммеду кончить пророков черед.²

Хризолитовым перстнем стал месяц с желтеющим
светом,
А Мухаммеда знак — драгоценным его самоцветом.

В ухе мира висит его «мима» золотое кольцо,
И покорно Мухаммеду мира двойное кольцо.

Ты измерил пространства, тебе и мессия слугою,
Все — твои благовестники, все они с вестью благою.

Ты, не ведая букв, языком говоришь огневым,
Ты, в ком «алиф» Адама близ «мима» мессиева зрим.

Прям, как «алиф», он клятв не нарушит, пречестный
меч честных,
Первый он и последний, всех выше посланцев небесных.

На окружности мира всех точек он ярких ярчей,
Он утонченный смысл всех на свете тончайших речей.

Всем, что он изрекал, возвеличены званий страницы,
Измеряется небо охватом его поясницы.

Пусть главы никогда не венчал он гордыней мирской,
Пред мирскою гордыней он все ж не склонился главой.

Целомудренных сонм у него за завесой в гареме,
Целомудрие он удовольствовал яствами всеми.

Прах ступней его с глаза дурные поступки сотрет,
С Мекки дань собирает его на чужбину уход.³

Немота его — речь, он безмолвием сердце чарует,
Все сжигает порочное в том, кому дружбу дарует.

Чрез него нам отраднo над смутой своей торжество,
Хоть и смуту принять неминуемо нам от него.

Был главою он всех, все главы приводил он
в смятенье,
Был он полюсом, тяжким по весу и легким в движенье.

Он с божественным светом свечу своим сердцем
возжег
Безначальности и бесконечности понял урок.

Солнце, жизни исток, чье лишь он оправдал
Назначенье,
Полумесяца меньше, светившего в день вознесенья.

В эту ночь вознесенья все знаки он власти обрел,
Сел в венце и при поясе на высочайший престол.

Там он вольно вздохнул, где ему был приют уготован,
Белый, скачущий ночью, был конь им той ночью
подкован.

Словно ждали поэты, чтоб он возвратился скорей,
И стихи за уздечку держали, как пегих коней.

Но когда уже всех обскакали те пегие кони,
То удел Низами — лишь забота о конской попоне.⁴

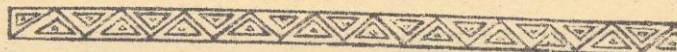
О ВОЗНЕСЕНИИ ПРОРОКА

Полунощной порой, лишь полдневного светоч владыки
Из недвижности вышел, и мир озарился великий,

Стали солнцу носилками очи небес девяти,
А Венера с Луною огни обязались нести.

Он в святилище здешнем оставил все стороны света,
Бросил семь поясов и все шесть направлений
предмета.

День покинули стопы его, отлетевшие прочь,
На его появление раденьем ответила ночь.

Слиплись веки у тех, что с глубинами тайн незнакомы,
Он меж тем скакуна повернул, удаляясь от дремы.

Вместе с клеткой плотской из земной унеслась западни
Птица сердца туда, где покой и блаженство одни.

Птицы, даже и ангелы с ним не тягались в полете,
И радел небосвод, скинув платье с лазоревой плоти:

У божественной птицы и клетка расправила крылья,²
Оболочка его, легче сердца, неслась без усилья.

Шаг за шагом, когда возносился он прочь от земли,
Ввысь и ввысь, небеса его в страхе смиренном несли.

И глядели насельцы обоих миров на пророка
И в поклоне земном головами склонялись глубоко.

Он последней ступени коснулся ногой, но за ней
Поднялся и еще на божественных сто ступеней.³

Скакуна с его стойлом высоким внизу он оставил,
О попоне заботу оставшимся здесь предоставил.

Он жемчужиной стал, обретенною в море земли,
Небеса же ее до венца божества донесли.

Ночью темной, как амбра, жемчужину неба ночного
Бык небесный похитил, изъяв из ноздри у земного.⁴

И когда наступил путешествию должный конец,
Близнецы ему дали свой пояс и Рак свой венец.

Неба Колос расцвел при одном появлении пророка,
Этот Колос, расцветший от Льва, он отбросил далеко⁵

Чтоб измерить, насколько той ночи цена велика,
На Весах ее вес проверяла Венеры рука.

Но столь грузную гирию не взвесить такими весами, —
Легче гири тяжелой весы оказались сами⁶

И пока пронесился пророк меж сияющих звезд,
Чашу противоядия излил Скорпиону на хвост.⁷

Вдаль метнул он стрелу, где его проходила дорога,
Ею был уничтожен губительный вред Козерога.

Стал Иосифом в Кладезе, солнцу подобно, пророк,
Стал Ионою Рыб, ибо Кладезь от них недалек.⁸

И лишь в знаке Тельца он поставил Плеяды престолом,
Сразу войско цветов разбросало палатки по долам.

И лишь в горном саду на лужайке раскрылся цветок,
Наступил на земле расцветания вешнего срок.

После с неба седьмого повел он почтительно речи,
У пророков прощенья просил, что зашел столь далече.

Звездный занавес неба шаги разрывали его,
На плече своем ангелы знамя держали его.

Полночь мускус наполнил дыханья его неземного,
Полумесяцем в небе коня его стала подкова.

В эту темную ночь даже молния в беге своем
Не могла бы поспеть за его быстроногим конем.

Словно сокол с шажком куропатки, с пером
Уносился Бурак, лучезарен, к небесным глубинам,
голубиным;

Вечный «лотос предела» — сорочки пророка перед,⁹
Край девятого неба задел он, свершая полет.

Стала днем эта ночь — дня прекрасней земля
не знавала!
Стал цветок кипарисом — прекрасней весны не бывало!

Из нарциссов и роз, что в небесном саду разрослись,
Глаз-нарцисс лишь один насурмлен был стихом:
«Не косись!»¹⁰

Лишь девятым небес по ступени достиг бирюзовой
Цвет нарцисса, руками подхваченный снова и снова,—

Его спутники вдруг побросали щиты в забыты,
Поломали воскрылья, развеяли перья свои

А пророк чужестранцем, чья долго тянулась дорога,
В дверь смиренно кольцом постучал на пороге чертога.

И, завесою скрыты, тотчас охранявшие дверь
Пропустили его, — одинок он остался теперь.

Шел он дальше без спутников, по неизвестной дороге,
Сам теперь он не ведал, куда приведут его ноги.

А другие остались и внутрь не проникли за ним,
Он же вдруг изменился: не прежним он был, а иным.¹¹

Засияли венцом его ноги на темени мира,
И девятое небо ликуя с ним жаждало пира.

И по буквам девятого неба провел он калам,
С рукава у небес он списал сокровенный «алям».¹²

Длилось мерно дыханье в своем обиталище тесном,
Обладатель души подвигался в обличье телесном.

Наконец он и края девятого неба достиг, —
И остались в пророке душа лишь и сердце в тот миг.

К дому сути своей поспешало весомое тело,
Очи стали такими, что нет изумленью предела.

Очи, коим доступен предвечный божественный свет,
Мы представить не в силах, и слов подобающих нет.

Свой возвышенный путь продолжал он, исполнен
величья, —
От себя он отбросил завесу земного обличья.

Лишь на путь запредельный вступил он, его голова
Поднялась, чтоб ее не стеснял воротник естества.

Высочайшие помыслы сердца, чей свет беспределен,
Там достигли привала, где всякий привал уж беспечен.

За завесу проникнуть стремленье объяло его,
Но смятенье пред местом вперед не пускало его.

И откинула вскоре завесу рука единенья,
И небесный стал виден дворец через дверь поклоненья.

И нога голове уступила способность войти, —
Ничего совершенней душа не могла бы пайти!

Он ступил, но стопа не ступала: исчезла основа,
Он подпрыгнул, но места не мог обрести никакого.

Как значение из слова, пророка был выявлен свет.
Было принято «слово» и сказано было «привет!»

Чудо вечного света, который вовек не убавить,
Лицеизрел он очами, — но их невозможно представить!

Лицеизренью его были чужды случайность и суть,
За случайность и суть далеко перешел его путь.¹³

До конца, безусловно, как мудрые молвят неложно,
Бога он лицеизрел: лицеизрение бога возможно.¹⁴

Да не будет же скрыто, что на небе видел пророк.¹⁵
 Да ослепнет сказавший, что бога он видеть не мог.

Он не зрел божества никакими иными глазами,
 Видел этими самыми, видел земными глазами!

Вне пространства и места он эту завесу узрел,
 Он вне времени шел, в недоступный проникнув предел.

Каждый, кто ту завесу узреть получил дозволение,
 Был допущен туда, где отсутствуют все направления.

Есть и будет Аллах, но в каких-либо точных местах
 Нет ему пребыванья, и кто не таков — не Аллах.

Отрицая незыблемость божью, порвешь ты с исламом,
 Бога с местом связуя, невеждою будешь упрямым.

Бог вино замешал, эту чашу пригубил пророк
 И на прах наш не вечный из чаши той вылил глоток.

Вечносущего милость его провожала дыханье,
 Милосердие его исполняло пророка желанья.

Губы сластью улыбки изволил украсить порок,
 Правверных к молитве своим он призывом привлек.

Каждый помысл пророка изведал богатство свершенья,
 И увидел пророк всех желаний своих исполненье.

Стал он мощен, побыв в той обители рядом с творцом,
 И к мирской мастерской, возвратясь, обернулся лицом.¹⁶

Горный путник любовь нам в подарок принес
 благодатно,
 Он в мгновенье одно отлетел и вернулся обратно.

Ты, чьи речи печатью замкнули наш смертный язык,
 Ароматом своим животворно ты в души проник.

Пусть же щедрость твоя, о всевышний, не знает
 предела, —
 Помоги Низами до конца довести его дело.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Он украсил все девять небес и седмицу планет,
 Был последним посланцем, последним пророком
 Ахмед.

Разум — прах под ногами его, без предела и срока
 Мир, и тот и другой, к торокам приторочен пророка.¹

На лужайках услад гиацинту свежей не цвести,
 В море тайн драгоценней жемчужины ввек не найти.

Девой звездной встает гиацинт среди неба дневного,²
 В алом яхонте солнца его изначальна основа.

Сахар губ не желал он в улыбке раскрыть никогда,
 Чтобы жемчуг его у жемчужниц не вызвал стыда.

Сердца тверже, чем камень, вовек не поранил он
 грубо, —
 Как же камень пророку мог выбить жемчужину зуба?

Но одной из жемчужин лишил его камень врага,³
 Отделил от него, обездолив его жемчуга.

Из темницы ларца от него унеслась драгоценность, —
 Удивляться ль, что в камне тогда родилась
 драгоценность?

Было каменным сердце у камня, безумствовал он,
 Был поступок его лихорадочным жаром внушен.

Стал рабом небосвод, и твой пояс на вые его,
Улыбается утро от солнца лица твоего.

Мир тобою спасен, во грехе пребывавший от века,
По твоей благодати священной сделалась Мекка.

Благовонному праху последним приютом дана,
Целиком благовонной арабская стала страна.³

Чудодейственной прах твой, чем ветер царя Соломона,
Что скажу о садах? — лучше рая их злчное лоно⁴

Кааба, тот ковер, где Аллаху вознес ты хвалы,
Жаждет розовой влаги испить из твоей пиалы.

В этом мире твой трон, и твоя здесь сияет корона,
Небеса — твой венец, а земля — основание трона.

Тени нет у тебя, ибо сам ты — величия свет,
Света божьего отблеск, — иди же, препон тебе нет!

На четыре основы твое оперлось мусульманство,
Пять молений на дню — твоего ноубаты султанства.⁵

Ты причина, что прах покрывают цветы и трава,
Ты причина, что спала с очей чужестранцев плева.

Не твои ли шаги, распустившею волосы ночью,
По небесному своду полу провлачили воочью,⁶

И в полу небосвода и золото и жемчуг текут,
И рубаху небес залатал уже солнца лоскут.

Ветер утренний, вея, своею рукою пречистой
Растирает в жемчужнице утра состав твой душистый.

И повсюду, где веет тот ветер, — смятенья полна,
Амбры темная рать уж бросает свои знамена.

Если запах той амбры отдашь, согласившись на
мену,
За два мира, то знай: ты назначил дешевую цену.

Дивен «лотос предела» — и им твой престол окаймлен,
А девятое небо — слуга, тебе ставящий трон.⁷

Свет предвечности первый душе твоей влился в оконце
Что девятое небо? — пылинка в сияющем солнце!

Если б зеркала круг не был утром предвечным воздет,
То на низменный прах не упал бы твой истинный свет.⁸

Сливший в лоне два мира, лежишь ты, землю
покрытый, —
Ты не клад драгоценный, — зачем же таишься
зарытый?

И такие сокровища в низменном прахе лежат!
Вот откуда обычай глубоко закапывать клад.

Эта бедность — руина, где клад твоей сути таится,⁹
Тень твоя мотыльком на свечу твоей сути стремится.

Цель твоя — небосвод с луговидным изгибом его,
Дужка горней бадьи — лишь веревка ведра твоего.¹⁰

Двое — черный и белый, — что вечно по кругу
стремятся,
Извещают тебя, что в дорогу пора подыматься.

Разум ищет здоровья, и врач исцеляющий — ты.
Диво, месяц пленившее, в небе блуждающий — ты.

Ночь для чающих в день обрати всемогущим веленьем
Озари Низами нескудеющим благоволеньем!

ВОСХВАЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ты, с мединским плащом и мекканской вуалью! Доколе
Солицу сути твоей укрываться во тьме и неволе?¹

Если месяц ты, дай нам хоть тоненький лучик любви!
Если розой расцвел, нас в божественный сад позови!

У заждавшихся срока уж губ достигает дыханье,
Мы зываем к тому, кто зывающих слышит возванье.

Правь к Аджаму коня, расставайся с арабской
страной, —²
Ждет буланный дневной, наготове почной вороной.

Этот мир обнови, о, устрой благоумро державу,
По обоим мирам ты разлей свою добрую славу.

Сам монету чекань, чтоб эмир их чеканить не стал,
Сам молитвы читай, чтоб хатиб их читать перестал.

Прах твой лоно земли благовонием розы овеял,
Только ветр лицемерья сегодня тот запах рассеял.

Отними ты подушку у тех, кому сладок покой,
Ты мимбар от нечистых священным обмывом омой.

Дивы в дом забрались, — прогони же ты их, прогони же!
В закром небытия ниспровергни ты сонм их бесстыжий!

Им убавь содержанье, — и так набивают живот!
Отними их наделы — довольно им грабить народ!

Все мы — тело. О, будь нам душою, и станет светло
нам.

Если мы муравьи, ты для нас окажись Соломоном.

Таковы их повадки: и делают в вере пролом,
И они же потайно в засаде сидят за углом.

Ты над стражею главный — а где каравану защита?
Ты начальствуешь центром — и знамя лишь в центре
развито?³

Кликни праведным воинам клич боевой: «О Али!»,
Возгласи: «О Омар!», чтоб стопы Сатаны не прошли.⁴

Ночь волос распusti вокруг сиянья луны, о владыка,
Из потемок плаща подыми ты сияние лика.

Препоясайся в бой, — малочисленны эти ханжи.
Вредоносной исламу, их клике конец положи!

Дней пятьсот пятьдесят мы проспали, проснуться
нам впору,⁵
Близок мира конец, поспешай ко всеобщем сбору.

Из могилы восстань, прикажи Исафилу задуть
Тех светильников пламя, что в небе свершают свой
путь.⁶

За завесою тайн в одиноком пребудь отрешенье.
Мы заснули давно — час настал твоего пробужденья.

Этот дом погибает, махни же рукой, отойди.
От погибели дома, — но за руку нас поведи.

Все, что ты одобряешь, достойно всегда оправданья,
И никто на тебя наложить не намерен взысканья.

Если взором ты будешь глядеть благосклонным на нас,
Все, что нам на потребу, доставить ты сможешь тотчас.

Круг перстом обведи, указуя предел расстоянью,
Чтобы сущее все оказалось твоим достоянью.

Кто участвовать мог бы в вершимых тобою делах,
Чтоб помилован был уместившийся в горсточке прах?

Только занавес тайны рукой твоей будет откинут,
Власяницы свои оба мира совлечь не преминут.⁷

Прежде мозг Низами о тебе был тоскою томим, —
Ныне вновь оживлен благовонным дыханьем твоим.

Верность в душу поэта вдохни в этом мире коварства
И его нищете подари Фаридуново царство.⁸

ВОСХВАЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ты в короне посланцев жемчужина выше сравненья!
Тем даруешь венцы, кто возвышен по праву рожденья.

Те, кто здесь рождены или в чуждых пределах живут,
В этом доме толпясь, твоего покровительства ждут.

Тот, кем бейт бытия был во имя посланника начат,
Знал, что имя его только рифмой конец обозначит.¹

Мир в развалинах был, но когда указанье пришло,
Вновь тобой и Адамом отстроено было село.

В воздвигаемом доме мы лучшей красоты не встречали,
Чем последний кирпич и вода, налитая вначале.

Ты — Адам, ты и Ной, но превыше, чем тот и другой,
Им обоим тобою развязан был узел тугой.²

Съел Адам то зерно, где исток первородного срама,
Но раскаянье слаще варенья из роз для Адама.

В покаянный цветник благовонье твое пролилось,
И лишь пыль твоей улицы — сахар адамовых роз.

Лишь по воле твоей роз раскаянья сердце вкусило,
Так раскаялись розы, что сахаром их оросило.

Мяч покорности богу в предвечности был сотворен,
На ристалище сердца посланником брошен был он.³

Был Адам новичком, — с чоуганом еще незнакомый,
Мяч он клюшкой повел, этой новой забавой влекомый.

Но когда его конь устремился пшеницу топтать,
Мяч пришлось ему бросить и в угол ристалища стать.⁴

Ной живую водой был обрадован, мучась от жажды, —
Но изведаль потоп, потому что ошибся однажды.

Колыбель Авраамова много ль смогла обрести? —
Полпути проплыла и три раза тонула в пути.⁵

Лишь Давиду стеснило дыханье, он стал поневоле
Низким голосом петь, как певать не случалось дотеле.⁶

Соломона был нрав безупречен, но царский удел,
Лег пятном на него, и венца он носить не хотел.

Даже явное видеть Иосиф не мог из колодца, —
Лишь веревку с бадейкой, которой вода достается.

Хызр коня своего повернул от бесплодных дорог,
И полы его край в роднике животворном намок.

Увидал Моисей, что он чаши лишен послушанья,
И о гору «Явись мне» сосуд он разбил упованья.⁷

Иисус был пророком, но был от зерна он далек,
А в пророческом доме не принят безотчий пророк.⁸

Ты единственный смог небосвода создать начертанье,
Тень от клюшки один ты накинул на мяч послушанья.

На посланье — печать, на печати той буквы твои.
Завершилась хутба при твоём на земле бытии.

Встань и мир сотвори совершеннее неба намного,
Подвиг сам соверши, не надейся на творчество бога.

Твой ристалищный круг ограничен небесной чертой,
Шар земной на изгибину клюшки подцеплен тобой.

Прочь ничто удалилось, а бренность не вышла на
поле, —
Так несись же, скачи — все твоей здесь покорствуют
воле!

Что есть бренность? Из чаши похитит ли воду твою?
Унести твою славу по силам ли небытию?

Ты заставь, чтоб стопа небытья в небытье и блуждала,
Чтобы бренности руку запястие бренности сжало.

Речь дыханьем твоим бессловесным дана существам,
Безнадежную страсть исцеляет оно как бальзам.

Разум, вспомоществуем твоим вдохновенным уставом,
Спас нам судно души, погибавшее в море кровавом.

Обратимся к тебе, обратясь к девяти небесам,
Шестидневный нарцисс — украшеньё твоим волосам.⁹

Наподобье волос твоих мир всколыхнется широко,
Если волос единый падет с головы у пророка.

Ты умеешь прочесть то, чего не писало перо,
Ты умеешь узнать то, что мозга скрывает нутро,

Не бывало, чтоб буквы писал ты своими перстами,
Но они никогда не стирались чужими перстами.¹⁰

Все перстами сотрется, лишится своей позолоты, —
Только речи твои не доставили пальцам работы.

Стал лепешкою сладкою прах из-под двери твоей,
Улыбнулись фисташкою губы, кизила алей.

Хлеба горсть твоего на дороге любви, по барханам,
Это на сорок дней пропитанья — любви караванам.

Ясный день мой и утро спасенья везде и всегда!
Я у ног твоих прах, ибо ты мне — живая вода.

Прах от ног твоих — сад, где душа наполняется
миром,
И гробница твоя для души моей сделалась миром.

Из-под ног твоих пылью глаза Низами насурмлю,
И попону коня на плечо, как невольник, взвалю,

Над гробницей пророка, подобный душе беспорочной,
Поднимусь я как ветер и пылью осяду песочной.

Чтобы знатные люди из праха могли моего
Замешать галию и на голову вылить его.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ЦАРЯ ФАХРАДДИНА БАХРАМШАХА СЫНА ДАУДА

В этом времени созданном мире, как точка в кругу,
Пребываю я пленным и с центра сойти не могу.¹

С ног мне пут не сорвать. Я твоей добротой обеспечен.
Я под сенью твоей, сам же фарром царей не отмечен.

В прах сыпучий земли я ногами глубоко залез,
Между тем мои руки — в суме переметной небес.

С головою склоненной я шел размыслений тропюю,
Молча шел со склоненной до самых колен головою.

Пролилось на колени сиянье лица моего,
И зеркалом души они стали от света его.²

Был я мыслями весь погружен в созерцанье зеркала,
А зеркало очей окружающий мир созерцало, —

Не блеснет ли зеркало иное, сияньем маня,
Не сверкнет ли откуда нежданный огонь для меня?

И лишь только мой разум, прийти к заключенно
способный.
Мир вокруг обежал и разведкой проверил подробной,

Между разумов высших мой разум увидел царя,
Раздающего саны, живущего благо творя.

Шаха с дланью победной, счастливой звездой
всемогущей,
Мира розовый куст, под лазоревым сводом цветущий

В Хызре дух Александра, суждений прозрачный родник,
И вождя звездочетов, что в смысл Альмагеста проник.

В нем первейшую цель мои очи сейчас же узрели,
В нем, к кому обращается стих, именуемый «Цели»,³

Чей венец — небосвод, чьей печатью владел Соломон.
Мудрый царь Фахраддин, слава мира и гордость
времен!

Он рожден от Давида, и стало для сына законом,
Чтоб его самого величали царем Соломоном.⁴

Стяг Исхака высоко его иждивением взвнт,
Если есть ему враг, то единственно — исмаилит.

Все пределы земли восхищает не знающий страха,
Центр небесных кругов, тот, что именем горд
Бахрамшаха.

Он — и тот, осененный Бахрамом и тоже Бахрам,
Ловчий, бывший онагров, онагром же прозванный сам.⁵

Им кичатся владыки, затем, что он прочих могучей,
Он — прославленный веком знаток наивысшего лучший

Трон султанов он занял и занял халифов престол,
Одолел византийцев, абхазцев к покорству привел.

Из живущих людей справедливостью самый богатый,
Самый щедрый из щедрых, пытливостью самый
богатый.

Небосвод — твоя вера, державство — звезда в небесах,
Не жемчужница ль царство, не жемчуг ли — ног
твоих прах!

Он ручей, он и море, в них рыб и жемчужин немало,
Нет прозрачней ручьев и обильней морей не бывало.

Этот ртути источник по длани его наречен,⁶
Как и ртуть, постоянно бежит и колышется он.

Тот смеющийся лал, украшающий пояс пророка⁷,
В пояс горний попав, поднимается лалом с Востока.

С ним затеять борьбу не захочет никто никогда, —
Из окна голубого на дерзкого грянет беда.

Колокольчика звоном литавру небес он расколлет
И сосудец луны — только дунуть в него соизволит!

Сердце весело в нем, зачинает он ладно дела,
Человечен душой, завершает изрядно дела.

Щедрость — чаша твоя, с нею кравчий — рука
нераздельна,
Век в ней будет вино, ибо шахова жизнь беспредельна.

Благородство людей и деяния их — от тебя.
Свет у мира в очах, все сияние их — от тебя.

Дар за даром, победы у неба берешь без опаски,
Сразу девять утроб тяжелы от одной твоей ласки.⁸

Уши рыб, что внизу и вверху, рады створками стать,⁹
Тех прекрасных жемчужин, что будут твой меч
украшать.

Ясный месяц, что ночью свой меч над землею возносит,
Только меч твой завидит — и щит, опозорившись,
бросит.

Меч твой светлый — струя, что как воды Евфрата
чиста,
Ею разлит сосуд, где врагов твоих жизнь налита.

Тот, кто гневом затоплен твоим, упоенный покоем,
Будет паводком смыт, если б он оказался и Ноем.

Кей-Хосров ты умом, твою чашу наполнил Джамшид,
Мотыльком на свече — на лице твоём солнце сгорит.

Будь же в храбрости львом — ведь и храбрый с тобою
не спорит,
«Львом» — сказал я? Ошибся: и льва твоя сила
поборет.

Ты из племени львов, что по зарослям частым живет,
Всех опаснее ты, пред тобой лишь дрожит небосвод.

Закаленному в битвах, отважному сердцу какому
Ополчаться на брань, чтоб тягаться с тобой
по-пустому!

Для всего, что родится под сводом небес голубых,
Власть одна непреложна: могущество дланей твоих.

Много знатных людей ты поставил на власть,
как правитель,
Но единственно ангел тебе самому покровитель.

Начертала судьба: «Он последний в круженье
времен
На земле твоей ветер семь букв написал: «Соломон».

Бог, который дает благородство, и силу, и славу,
Дал тебе, государь, разуменье всего и державу.

Благодатные дни твои в золото пыль обратят,
Лишь помянем тебя — и становится сахаром яд.

Без тебя Фаридун пусть вино твое выпьет, — однако
Все же вытянуть сможет змею из плеча у Заххака.

Пей вино! У тебя есть и кравчий и музыка, — пей!
Ты снедаем печалью, — о, вспомни о власти своей!

Ты охрана державы, султанов приют и опора,
И мечом и венцом обладаешь ты, чуждый укора.

Ты с мечом необорным сюда самовольно пришел,
И венец захватил, и насильственно сел на престол, —

Как законный халиф, соблюдаешь, однако, законы,
Забираешь венцы, раздаешь, кому следует, троны.

Выше царских венцов оконечность меча твоего, —
Как же дани не брать с государей, признавших его?

Трон получит глава, на которую встанешь пятою,
Осчастливлено сердце, где занято место тобою.

В птицу счастья, в Хумай, при тебе обратилась сова,¹⁰
Приближаясь к тебе, станет как бы ступней голова.¹¹

Вновь на правильный путь те, кто сбились с пути,
 обратились,
 Слышны жалобы, жалобы: жалобы все прекратились.

Рахш твой — мира оплот; у него к одному из копыт
 Недруг твой четырьмя — как подкова — гвоздями
 прибит.

Семь небес — лишь ларец, где, как жемчуг, — души
 твоей блага.

Восемь райских садов — твоего лишь полотнище стяга.

Если лба не наклонит пред волей халифа гордец,
 То сейчас же уздечкой на нем обернется венец.

Все ты знаешь на свете, постиг ты науки не все ли?
 Ты душа двух миров, что в одном сочетаются теле.

Ухо щедрости тронь, благонаравью людей научи,
 Дай дыханью зажечься о пламя словесной свечи!

Ты раба своего удовлетвори почетным халатом,¹²
 Книгу — дар Низами — ты согласи овей ароматом.

Пусть он тучен от слов и духовными яствами сыт,
 За столом у тебя все же нищим и тощим сидит.¹³

Рудники — без рубинов, и нет уже в море жемчужин,
 Дай рубин им из уст, из руки твоей жемчуг им
 нужен.¹⁴

А тому, кто завистлив, чья злоба кипит, горяча,
 Дай рубин наконечников стрельных и жемчуг меча.

Если счастья звезда над тобою на небе зардела,
 Будь во славу твою окончанье начатого дела.

Будь один одарен, а другой уничтожен тобой;
 Я — тобой одарен, уничтожен — твой недруг любой.

Пусть победа твоя, словно стяг, держит голову прямо,
 Враг же голову клонит к земле, наподобье калама.

О ПОЛОЖЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ ЭТОЙ КНИГИ

Я, которым прославлена свежая роза моя,¹
 В розах шахских садов распеваю звучней соловья.

Я дышу лишь тобой, и все жарче и все полновесней,
 Словно в колокол, бью я своей призывающей песней.

Для напева слова мне никто бы не смел указать,
 Говорю только то, что мне сердце велело сказать.

Необычные вещи сегодня показаны мною.
 Новый очерк им создан, и каждая стала иною.

Много утренних зорь о премудром раздумывал я.
 Из колдующих зорь ныне сшита завеса моя.

В ней высокий удел и покорное нищенство слиты,
 И сокровища тайные этой завесой укрыты.

Этот сахар не видел слетевшихся мошек. Я мал,
 Словно мошка, но все же я сахар чужой не сбирал.

Этот мир недоступным окажется даже для Ноя,
 Даже Хызр свой кувшин разобьет у сего водопоя.

И, взыскуя прекрасного, нужных искал я примет.
 Стал я жребий метать и благой получил я ответ.

В двух краях книги две засверкали. В своей благодати
 Два на них Бахрамшаха свои положили печати.²

Книга первая — золото. Новый открылся рудник.
 А вторая — жемчужина. Дар из пучины возник.³

Ты — для всех из Газны понесла свое знамя.
 Другая —
 На румийском дирхеме чекан поместила, сверкая.

Хоть звенит звонким золотом прежний блестящий
 дирхем,
 Мой дирхем золотой ты сравнить не сумеешь ни с чем.

Пусть моих караванов не так многочисленны вьюки,⁴
 Но сдаю свой товар я в прекрасные, в лучшие руки.

Вникни в книгу мою. Книга будто чужда и странна,
 Но прими ее ласково. Близкою станет она.

В ней слова, что цветы насажденного правильно сада,
 В ней лишь только свое, ничего ей чужого не надо.⁵

Все в ней создано лучше, чем в мире и суши и вод.
 Эта книга свежей и древней, чем лазоревый свод.

И с окраской она всей сверкающей шири не сходна,
 И она с языком, существующим в мире, не сходна.

Для стола твоего эти яства готовились мной,
 Их прими, государь, их никто не касался иной.

Коль они хороши, то да будет тебе в них услада,
 Если нет, то и помнить о яствах подобных не надо.

Ты читай мою книгу, блистая меж звездных гостей,
 Со стола своего ты мне кинь хоть немного костей.

Я ведь только твой пес, и расстался я с роком угрюмым
 Услужая тебе этим лаем покорным и шумом.

Мне немало владык благосклонно внимало, но я
 Их оставил. Тебе предназначена служба моя.

Будет время, я знаю, на верного глянешь ты с верой,
 И, приблизив меня, наградишь меня полною мерой.

Хоть в чертог, где живут только те, чьи сверкают
 венцы,
 Для хвалений вседневных пришли отовсюду певцы.

Оценить Низами кто из них не сумел? Одиноко
 Он стоит пред певцами, стоит перед ними высоко.

На стоянке одной повстречался я с ними в пути.
 На один переход я их все же сумел обойти.

Мой язык, что алмаз. Это меч мой, — тебе ведь он
 вedom,
 Я им головы снес, всем за мной появившимся следом.

Этот меч Низами, многим головы сбросивший с плеч,
 Не стареет. Ведь он — притупленья не знающий меч.

Хоть мне равных и нет и удел мой высок настоящим, —
 Но для ног Низами есть предел еще выше стоящий.

Я к зениту лечу, хоть его и высоки сады,
 Но вкушу я, быть может, своих помышлений плоды.

И, быть может, твоим благосклонным утешенный
 словом,
 Возле ног твоих царских склонюсь я под царственным
 кровом.

Чтоб достичь небосвода, за пыль твоих стоп ухвачусь.
 До созвездий крутящихся как же еще я домчусь?

Быть с тобой два-три месяца так я хотел, чтоб
 хвалами
 Твой порог осыпать. Но суровыми, злыми делами

Занят горестный мир; я в кольце, и заказан мне путь,
 И тугое кольцо я не в силах сейчас разомкнуть.⁶

Чтобы быть мне с тобой, чтобы встать мне у тронных
подножий, —
Мне казалось, о шах, из своей мог бы выйти я кожи.

Но хоть множество львов на дорогах предчувствовал я,
Хоть мечей и кинжалов сверкали везде лезвия,

На путях, преграждаемых злыми клинками, — с тобою
Пребываю душой. Утверждаю тебя я хутбою.

Направляю к тебе я бегущую воду речей.
Я — недвижный песок, славословья звенящий ручей.

Я — пылинка. Ты — солнца на утреннем небе явленье.
Я молюсь на заре. Да услышится это моление!

Сердце — море. В нем жемчуг. Мой жемчуг сияет
огнем,
Этот жемчуг — подвески на поясе царском твоём.

Ночь твоя пусть вовек ярче звездных блестит
узорчий!
Пусть твои жемчуга озаряют течение ночи!

Пусть тебя в сей обители бедствий не мучает гнет!
Пусть другая обитель тебе еще ярче блеснет!

РЕЧЬ О ПРЕВОСХОДСТВЕ СЛОВА

В час, как начал надзвездный свои начертанья калам,
С первой буквы о слове он начал рассказывать нам.¹

В час, как с тайны предвечной упали тумана покровы,
Стало первым явленьем — сиянье великого слова.

Слово в сердце проникло, к неведомой жизни спеша.
В глину вольное тело вмесить пожелала душа.

И небесный калам, золотые сплетая узоры,
Мудрым словом раскрыл мировому познанию взоры

Если б не было слова, то кто бы о мире сказал?
Слов поток развернулся; всезнающий, не был он мал

Слово страсти — душа. Мы — лишь только дыхание
слова.
Мы приходим к нему под сияньем всезвездного крова.

Нити связанных мыслей, ночную развеявших мглу,
Много слов привязали к стремительной птицы крылу.

В том саду, над которым предвечные звезды повисли,
Что острее, чем слово толкующих тонкие мысли?

Ведай: слово — начало и ведай, что слово — конец.
Многомудрое слово всегда почитает мудрец.

Венценоscopy его венценоscopyем всевластным назвали
Мудрецы же его доказательством ясным назвали.

И порою оно величавость дает знаменам.²
И порою его прихотливый рисует калам.

Но яснее знамен оно часто вещает победы,
И калама властней вражьи страны несет оно беды.³

И хоть светлое слово не явит благой красоты
Почитателям праха, чьи праздные мысли пусты, —

Мы лишь в слове живем. Нас объемлет великое слово.
В нем бесследно сгореть наше сердце всечасно готово.

Те, что были, как лед, засветили им пламеник свой,
А горящие души его усладились водой.

Каждый плод с их стола — ты приникнуть к нему
 поспеши —
 Он не только лишь слово, он свет вдохновенной души.

Это слово — душа. Ключом глины ее исторгали.³
 Мысли кажет оно. Зубы сердца его разжевали.

Ключ речений искусных не стал ли водою простой
 От певцов, что за хлеб раздражаются речью пустой?

Но тому, для кого существует певучее слово,
 Дан прекрасный дворец. Он приюта роскошней земного.

И к коленам своим наклоняющий голову — строг,
 Не кладет головы он на каждый приветный порог.

Жарким сердцем горя, на колена чело он положит,
 И два мира руками зажать он, как поясом, сможет.

Если он, размышляя, к коленам склоняет лицо,
 Он в раздумье горячем собой образует кольцо.

И, свиваясь кольцом, в бездну вод повергает он душу,
 И затем, трепеща, вновь ее он выносит на сушу.

То в кольце созерцанья горит он, спешит он, —
 и вот
 Он вдевает кольцо даже в ухо твое, небосвод!⁴

То в ларец бирюзовый — уменья его и не взвесить! —
 Только шарик вложив, из него достает он их десять.⁵

Если конь его мчится и взлета страшна высота,
 Его дух, замирая, его лобызает уста.⁶

Чтоб достичь рудника, где свои добывает он лалы,
 Семь небес он пробьет, совершая свой путь небывалый.⁷

Как согласных детей, он слова собирает, — и рад
 Их к отцу привести. Их отец — им излюбленный лад.

Свод небесный идет, изгибаясь, к нему в услуженье;
 Тяжкой службы тогда незнакомо певцу унижение.

И становится благом напев его дышащих слов,
 И любовью становится множества он языков.

Тот, кто образ рождает и мчится за образом новым,
 Будет вечно прельщаться его вдохновляющим словом.

Пусть его Муштари чародейств поэтических чтут,
 Он подобен Зухре. Им повержен крылатый Харут.

Если речи поклада для дерзостных станет добычей,⁸
 Речь унизят они; это всадников низких обычай.

Их набегι готовы мой разум разгневанный сжечь!
 Украшатели речи лишают достоинства речь.

Сердца плод, что за душу певец предлагает победный,⁹
 Разве это вода, что за пищу вручает нам бедный?

Уничтожь, небосвод, этот ряд нам ненужных узлов,
 Препоясавших пояс! Щадить ли метателей слов?

Ты мизинцем ноги развязать каждый узел во власти,
 Наши руки бессильны. Избавь нас от этой напасти!

Те, что ждут серебра, а за золото на смерть пойдут,¹⁰
 Лишь одно серебро, а не золото людям несут.

Кто за деньги отдаст то, что светит светлее, чем
 пламень,
 За сияющий жемчуг получит лишь тягостный камень.

Что еще о «премудрых»? Ну, что мне промолвить о них?
Хоть восходят высоко, они ведь пониже других.

Тот, носивший парчу, тот, кто шаху казался любезным,
Все же в час неизбежный куском подавился
железным.⁹

Тот, кто был серебром, тот, кто к золоту ртутью
не льнул,
От железа Санджара — ведь он — серебро! —
ускользнул.³⁰

Речью созданный мед отдавать за бесценок не надо,
Не приманивай мошек. Для них ли вся эта услада?

Не проси. Ведь за верность без просьбы получишь
дары.
Для молитвы в стихах нужно должной дожждаться поры.

До поры, как Закон не почтит тебя благостным светом,
Не венчайся ты с песней. Смотри же, запомни
об этом!

Возведет тебя песня на лотос предельных высот,
И над царствами мысли высоко тебя вознесет.

Коль закон осенит твою песню высокою сенью,
В небесах Близнецы не твоей ли оденутся тенью?¹¹

Будет имя твое возвеличено. Ведает мир,
Что «владеющий ладом в эмирате речений — эмир».¹²

Небосводу не надо к тебе наклоняться. В угоду
Светлым звездам твой стих будет блеском сродни
небосводу.¹³

С головою поникшей ты будь, как подобье свечи
Днем холодный всегда, пламенеющим будь ты в ночи.

Если мысль разгорится в движенье и жарком и верном,
Станет ход колеса, как движение неба, размерным.

Без послешности жаркой свою облюбовывай речь,
Чтобы к выбору речи высокое небо привлечь.

Если в выборе медлишь и ждешь ты мучительно
знанья,
Лучший лад обретешь ты: дадутся тебе указанья.

Каждый жемчуг на шею ты не надевай, погоди!
Лучший жемчуг, быть может, в своей ты отыщешь
грудь.

Взвивший пламя подобное — шар у дневного светила
Отобрал, — и луна, с ним играя, свой мяч упустила.¹⁴

Хоть дыханье его не горело, не мчалось оно,
То, что создано им, все ж дыханьем горящим полно.¹⁵

В вихре мыслей горя, он похитил — об этом
ты ведай —
Все созвездья, хоть сам пристыжен будет этой победой.

Из крыла Гавриила коня он себе сотворил,
И перо-опахало вручил ему сам Исафил.

Пусть посевов твоих злой урон от нашествия минет!
Пусть конца этой нити никто у тебя не отнимет!

Ведь с инжиром поднос стал ненужным для нас
потому,
Что все птицы из сада мгновенно слетелись к нему.¹⁶

Прямо в цель попадать мне стрелою певучей
привычно.
На меня посмотрите. Творенье мое — необычно.

Я в полуночной мгле, что была распростерта кругом,
 Был в саду соловьем. Но мечтал я о саде другом.

С кровью сердца сливал я звучание каждого слова;
 Жар души раздувал я под сенью полночного крова.

И, прислушавшись к слову, свою я оценивал речь,
 И смогли мои мысли меня к этой книге привлечь.

И услышал я голос: «Ты с мыслями спорить не смеешь,
 То возьми ты займы, что отдать ты бесспорно
 сумеешь.»⁴

Почему на огонь льешь ты воду приманчивых дней,
 И запасный твой конь — буйный ветер мгновенных
 страстей?

Буйный прах позабудь, будто в мире узнал он кончину,
 Но огонь ты отдай огневому, благому рубину.

Быстрых стрел не мечи, ведь сужденье
 разумное — цель.
 Плеть свою придержи. Неужель бить себя, неужель?

Но настала пора. Оставаться нельзя неправдивым.
 К двери солнца приди водоносом с живительным
 дивом.

Пусть твой синий кувшин наши взоры утешит сполна;⁵
 Пусть он повесть хранит, и да будет отрадна она!

От пяти своих чувств, от злодеев своих убегая,
 Путь у сердца узнай: иль не знать ему нужного края?»

Тем, чье чистое племя к девятому небу пришло,
 Гавриила пресветлого дивное веет крыло.

От обоих миров отвратить поспешивший поводья,
 Встретив нищенство сердца, благие увидит угожья.

«Сердце — глина с водой». Если б истина в этом была,
 Ты бы сердце такое у каждого встретил осла.⁶

Дышит все, что живет, что овеяно солнечным светом.
 Будь же сердцем горяч; бытие твое только лишь
 в этом.

Что есть уши и очи? Излишек природы они.
 Видят только лишь плен, только синие своды они.

Ухо — правды не слышит, как розы тугой сердцевина
 Очи разум смущают, они — заблуждений причина.

Что же розы с нарциссами чтишь ты в саду бытия?
 Пусть каленым железом сжигает их воля твоя.

Словно зеркало — глаз: отразится в нем каждый
 ничтожный.
 Он лишь в юности тешится мира отрадою ложной.

Знай: природа, что миру твой сватает разум, —
 должна
 Сорок лет ожидать. Денег раньше не сыщет она.

Все же за сорок лет, чтобы стать пред желанным
 порогом,
 Много денег она разбросает по многим дорогам.

Ныне друга зови. Заклинанья иные забудь
 Сорок лет подойдет, и тогда лишь всезнающим будь.

Руки сердца прости и гляди с ожиданием в дали.
Пусть разделит печаль тот, кто будет опорой в печали.

Не грусти! Вот и друг; он твою разделяет печаль.
Грусти шею сверни. Вместе с другом к отрадам
причали.

Распростертый в печали, подобной томленью недуга,
Помощь добрую сыщешь ты в помощи доброго друга

Если дружат друзья так, что будто бы дышат одним,
Сто печалей, умчась, никогда не воротятся к ним.

Голько первое утро забрезжит мерцающим светом,
Крикнет утро второе, и звезды погасит при этом.

Знаем, первое утро не будет предшествовать дню,
Если дружба второго его не поможет огню.

Коль один ты не справишься с трудностью трудного
дела,
Тотчас друга зови, чтобы дружба о нем порадела.

Хоть не каждый наш город богат, как блистательный
Хар, —
Каждый найденный друг — небесами ниспосланный
дар.

Нужен каждому друг; с ним пойдешь ты в любую
дорогу.
Лучший друг — это друг, что приходит к тебе
на подмогу.

Два-три чувства твои не премудры; они не друзья;
Их кольцом ты стучишь только в дверь своего бытия

Руки вдень в торока устремленного сердца! Отрада
Быть добычею сердца. Ему покоряйся. Так надо.

Царь девятого неба к тебе нисходящий в тиши,
Создал видимый мир, создал светлое царство души.

Следом души людей были созданы миром нездешним,
И души устремленье смешал он с обличем внешним.

Эти двое обнявшихся создали сердце. Оно
На земле воцарилось. Так было ему суждено.

И дано ему царством великим владеть, повсеместным.
И телесное все сочетается в нем с бестелесным.

Не Канопом ли сердца людской озаряется лик?⁷
Облик наш, как душа, повелением сердца возник.

Лишь я стал размышлять о пылающем сердце, мой
разум
Принял масло в свой пламенник. Многое понял он
разом.

Дал я слуху веленье: «Прислушайся к сердцу! Спеши!»
Сделал душу свою я открытой веленьям души.

Красноречье свое напитал я возвышенным знаньем,
В душу радость вошла, а томление стало преданьем.

И взирал я не холодно. Стал я по-новому зряч,
Пламя сердца пылало, затем-то и был я горяч.

Узы сбросил я с рук. О земном я не думал нисколько.
Возросла моя мощь, а грабителей сердца не стало.

Бег мой сделался быстрым, никто не поспорил бы
с ним,
К двери сердца, спеша, я пришел переходом одним.

Я направился к сердцу, мой дух — по дороге к исходу.
Полдень жизни пришел. Жаждал этого год я от году.

Я в священной максуре, и я размышляю. Мой стан
Словно шар изогнулся, а был он похож на чоуган.⁸

Где тут шар, где чоуган, где пределы согнутого
стана?
Вот кафтана пола, а прижался к ней ворот кафтана.

Из чела сделав ноги, я голову сделал из ног,
Стал я гнутым чоуганом, и шаром казаться я мог.

Сам себя позабыв, покидал я себя все охотней,
Сотня стала одним, и одно мог увидеть я сотней.

Смутны чувства мои. Я один. Отправляюсь я в путь.
Мне чужбина горька; одиночеством сдавлена грудь.

Мне неясен мой путь, где-то нужная скрылась дорога,
Возвращенья мне нет и благого не вижу порога.

И в священном пути застывала от ужаса кровь,
Но, как зоркий начальник, поводья схватила любовь.

Стукнул в дверь. Услыхал: «Кто пришел в этот час
неурочный?» —
«Человек. Отопри! Я любовью ведом непорочной».

Те, что шли впереди, отстранили завесу. Они
Отстранили мой облик. Все внешнее было в тени.

И затем из большого, в богатом убранстве чертога
Раздалось: «Низами, ты пришел! Что же ждешь
у порога?»

Я был избран из многих. Мне дверь растворили, и вот
Голос молвил: «Войди!» Миновал я разубранный вход.

Был я в свете лампад, был я в блеске большого покоя.
Глаз дурной да не тронет сиянье такого покоя!

Семь халифов блистали под ярким лампадным огнем,
Словно семь повестей, заключенных в сказанье одном.⁹

Царство больше небес! Царство властного мощного
шаха!
Как богат дивный прах, подчиненный столь дивного
праха.

Вот в селенье дыханья—вдыханье. На царственный
трон
Царь полудня воцел: управлял всеми властными ой.

Красный всадник пред ним ожидал приказанья,
а следом
Прибыл в светлой кабе некий воин, готовый
к победам.

Горевал некий отрок, разведчик, пред царственным
стоя,
Ниже черный стоял, пожиратель любого отстоя.

Был тут мастер засады, умело державший аркан,
И, в броне серебра, чей-то бронзовый виделся стап.

Были мошками все. Быть свечой только сердцу дано.
Все рассеяны были, но собранным было оно.

И свой отдал поклон я владыке прекрасному — сердцу,
Душу отдал свою я султану всевластному — сердцу.

Взял я знамя воителей жаркого сердца, и лик
Я от мира отвел: новый мир предо мною возник.

И сказало мне сердце: «Ты сердце обязан прославить.
Дух твой, птицам подобный, гнездо свое должен
оставить»

Я — огонь. Все иное считай только дымом и сном.
Соль лишь только во мне. Нету соли во всем
остальном.

Я сильнее кипариса с его многомощною тенью.
И над каждой ступенью вздымаюсь я новой
ступенью.

Я — сверкающий клад, но Каруну не блещет мой
свет.
Вне тебя не дышу, и в тебе я не кроюсь, о нет!»

Так сказало оно. И словес моих бедная птица
Позабыла о крыльях. Пришла ей пора устыдиться

И в стыде, преклоненный, руками закрыл я лицо,
И в учтивости ухо я рабское принял кольцо.

Благ, кто сердцем владеет. И вот я опять, как бывало,
Услыхал: «Низами!» Это небо меня прославляло.

Быть подвижником стойким — удел моего бытия.
И, склоняясь перед властным, подвижником сделался я.

ПЕРВОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ (О ВОСПИТАНИИ СЕРДЦА)

И наставник высокий, как будто смирял он коня,
От узлов девяти был намерен избавить меня!

Эти девять узлов он решил отстранять понемногу,
На веревки конец он поставил уверенно ногу.

Чтоб узлы перебрать, — все узлы, что достойны хулы, —
И тогда он с веревки последние срежет узлы.

И владеющий сердцем, в желанье высоком, едином
Мне на помощь прийти, — стал отныне моим
господином.

В двух обширных мирах начал он мне указывать путь,
Захотел потому-то он в душу мою заглянуть.

Хоть от нас он достойного часто не видит вниманья,
Все же нас никогда своего не лишит состраданья.

Если я, недостойный, почтительность мог позабыть
Научил он меня неизменно почтительным быть.

От подобного мне не пустился он в бегство. О новом
Он беседовать стал. Бедный прах удостоил он словом

Из колодца, из мрака он вызволил душу мою,
Словно спас он Иосифа в чуждом, далеком краю.

Погасили огни многозоркой, внимательной ночи,
И чуть видной зари раскрывались блестящие очи.

Поднимался светильник, и яркого ждали огня,
И сапфирный покров стал багряным предвестником дня.

Взял наставник лампаду — мерцала отрадио
лампада, —
Дал мне руку, и вот мы направились к зарослям сада

Из полы моей тотчас он вынул колючки иглу,
И несчетные розы в мою набросал он полу.

Я смеялся, как рот приоткрытый тюльпана; с размаху,
Словно роза, в восторге свою разорвал я рубаху.

Был я крепким вином из прекрасных пурпуровых роз.
Был затянут мой пояс, как пояс затянутых роз.

Я вину был подобен, вину, что отрадно кинело;
Я был розой, чья радость найти не умела предела.

Я меж роз пробирался, спешил я, спешил я туда,
Где меж веток и листьев, журча, зарождалась вода.

И лишь только Любовь добралась до прекрасного края,
Там, где веяла верность, благой аромат разливая,

Дуновенье любимой в речениях, полных красы,
Оживило мне душу, подобно дыханью Исы.

И мой конь побежал неспешным, умеренным бегом,
Ветерков предрассветных предавшись прельстительным
негам.

Я услышал: «Кичливый, с коня ты сойди своего,
Иль я тотчас тебя увезу из тебя самого».

Я, подобный ладье, уносимой поспешной рекою,
Внемя веянью рая, пришел к золотому покою.

И, поток увидавши, немедля сошел я с коня
И направился к берегу. Жажда томила меня.

Был поток, словно свет, зная, вовеки не ведал он бури.
Сновидения Хызра не знали подобной лазури.

И как будто во сне, вдоль жасминных он тек берегов;
И дремали нарциссы, усеяв прибрежный покров.

Этот край был причастен лазури небесного края;
Перед амброю здешней склонялось дыхание рая.

И ползучие розы — услада отрадных долин —
Высоко поднимались, порой обвивая жасмин.

Этим розам свой мускус охотно вручили газели,
А лисицы — свой мех, чтоб колючки колотья не
смели.

И пред розой прекрасной стыдливо склоняясь, понугай,
Украшал опереньем такой новосозданный рай.

Понугай, сладкий сахар — вот образ, являющий
травы,
Коль съедят их газели, то станут, как львы, величавы.

Свежий ветер склонил над прекрасною розой главу.
Молодая газель возле розы щипала траву.

Златоцветы слились; на своем протяженьи немалом
Они стали для амбры большим золотым опахалом.

Зелень тешила взоры, ведь взоры в ней радость берут.
Травы змей ослепляли: всегда их слепит изумруд.³

Всюду розы с жасмином для мыслей засаду сплетали.
Соловьи с сотней горлинок рифмы по саду сплетали.

Однодневная лилия — счастье для местности сей —
Подняла свою длань, будто поднял ее Моисей.

Дикий голубь лесной, что воркует всегда на рассвете,
Увидал, что вся высь в голубинном раскинулась цвете.

На листке черной ивы рукою надежд ветерок
Описать прелесть розы в душистом послании смог.

И всему цветнику приносила весна благодарность.
Розы никли к шипам: ведь за мягкость нужна
благодарность.

Был жасмин словно тюрок; шатром разукрасил он сад.
Над шатром полумесяц вознес он до самых Плеяд.

Сердцевины тюльпанов — индусского храма эрпаты,
Все тюльпаны в молитве великою тайной объяты.

Белый тюрк жасмина и черный из Индии маг —
Свет звезды Иемена и веры неправедной мрак.⁴

Сад воздвиг знамена золотого и красного цвета.
Весь меж ними виднелась, глубокой лазурью одета.

Воды белкой казались, и были они — горностай.
Горностай рядом с белкой — отрадою взора считай.⁵

Ветви сада из света, что слали небесные дали,
У подножий деревьев на землю дирхемы бросали.

Пятна света в тени — золотого сиянья уста,
И песок славословил прекрасные эти места.

Гиацинта лобзанья терзают фиалку; а к розам
Льнут колючки, и розы внимают их нежным угрозам.

В златоцвете колчане не сыщется колющих стрел;
Но щитом золотым все ж прикрыть он себя захотел.

Заколдована ива, дрожит, но тюльпана кадило
В дым ее облекло: чародейство оно проследило.

Весь цветник трепетал, и казалось, вот-вот улетит;
И казалось, жасмин в легком ветре куда-то спешит.

И поднялся тростник, раздавать сладкий сахар
готовый;
Желтый конь лозняка, — будто в кровь опустил он
подковы.

Дальше дикая роза — нам спеси ее не пресечь —
С пролетающим ветром вела торопливую речь.

Стал небесный простор зеленее листка померанца.
В этот миг захотела рассвета рука померанца.

Разукрасил свой стяг небосвод бирюзовый, но тут
С ним решил состязаться прекрасной земли изумруд.

Каждый узел ковра, что земля распростерла для пира,
Был душою земли, был и сердцем надземного мира.

Будто в свете рассвета промолвила счастья звезда,
Наклоняясь к земле: «Будь всегда молодою! Всегда!»

Или небо велело сойти своему изумруду
Не к кораллам зари, а к земли воскрешенному чуду?

Весь источник сверкал, взоров гурий являл он привет.
Из источника солнца добыл он сверкающий свет.

И прибрежные травы свершили свои омовенья
С благодарной молитвой за светлые эти мгновенья.

Птице в веянье розы печаль Соломона слышна,
И Давидову песню, грустя, затянула она.

На ветвях кипариса за ранюю новая рана:
Их когтит куропатка за смерть золотого фазана.⁶

Сад указ разгласил, пожеланный своих не тая:
«Да убьет злого ворона сладкий напев соловья».

Совы скрылись; ну что же, ведь это их рок
обычайный.
Знать, погибли за то, что владели опасною тайной.⁷

Веял мягкий Сухейль на зеленый раскинутый стан;
И земля — не шагреня; вся земля — это мягкий сафьян.

Встретить утро спеша был тюльпан преисполнен
горенья.
Сердце тяжело забилось: приводит к беде нетерпенье.

Тень ветвистой чинары, влюбленная в стройный
тюльпан,
Длань к нему протянула: ей дар врачевания дан.

Лепесточек жасмина, похожий на месяца ноготь,
Ноготь ночи унес, целый мир захотел он растрогать.

Появился Иосиф, небес позлащая предел.
В подбородке жасмина он ямку с высот разглядел.

Как еврей, вся земля в ярко-желтом касабе. Белея,⁸
Заблестела вода, как блестящая длань Моисея.

И земля вместе с влагой составила снадобье. Мгла
Благодатной земле все добытое вновь отдала.⁹

Свет, разросшись, велел ветру свежему снова и снова
Тень деревьев гонять по смарагдам земного покрова.

Тени! Солнца уста! Был и слитен узор и красив,
И расчесывал ветер прекрасные волосы ив.

И поспешные тени мгновенно сменялись лучами,
И лужайки, смеясь, их своими ловили ключами.

Я к алоэ стремился, к нему-то и мчался мой конь,
Стал душистой курильницей пурпурной розы огонь.

Соловью стала роза зеленой мечети мимбаром.
Стал фиалковый пояс для розы пленительным даром.

Птица с песней Давида — всем сердцем ее восприми!
Роза с речью прекрасней речей самого Низами.

ПЛОД ПЕРВОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

Ветер смял покрывало, что мой прикрывало рассказ.
Сердце встретило розу, чей облик — отрада для глаз.

Видит сердце мое, видит розу с улыбкою сладкой;
Сахар с розой она победила мгновенною схваткой.¹

И в смятенье был месяц, узрев этот белый касаб,²
С этим блеском бороться? Для этого слишком он слаб.

Ниспаданием локонов скрыта ее поясница.
Как прельстительна вся! Лишь во сне это может
присниться,

Тот, что узрит ее, не удержит восторженных слез.
Сколько слез пролилось из-за столь восхитительных
роз.

В ней и сахар и соль. Хоть красавиц на свете немало.
Для красавиц других больше сахара в мире не стало.

Ей пленять опьяненных, как свежему саду, дано,
Оньянит и отшельников крепкое это вино.

Алый рот — табархун; он багрящем неожиданным
и смелым
Оттенил белый сахар. Пленен был он сахаром белым.

О, тростник, полный сахара, розе пославший привет!
О сухой леденец! О душистый и влажный шербет!

И душа на алоэ, на родинку нежно взирала,
Амбру с мускусом родинка в ракушке дня растирала.

И, завидуя прелести свежей такого пятна,
Темных пятен узор для себя сотворила луна.

Жарче солнца всю душу сжигали блестящие очи.
Не луной — лалом уст озарялось все таинство ночи.

К ней обозы сердец на фарсанги тянулись, но путь
Был, что рот ее узкий. Кто к розе сумел бы прильнуть?

Растерзать все сердца эта роза была бы во власти.
И утратил я сердце, и сердце распалось на части.

Рот прекрасный — что речь, и улыбка — вот сахар его.
Лик подобен молитве, а в черных глазах колдовство.

Этот пурпурный рот — словно ларчик тайных
жемчужин.
Все же он приоткрыт; для беседы он также ведь нужен!

И любовь поглядела на ларчик, на жемчуг, на взор,
И для дел лицедейства, спеша, расстелила ковер.

Облик, зримый для глаз, снять с меня вмиг она
захотела,
И на шее души узелочек распутала тела.

И, казалось, во мне человеческих не было сил,
И воды бытия для себя я уже не просил.

Колдовавший мой разум увидел возникшего Дива.
«Заковать бы его!» — пожелал я, исполнен порыва.

Сердце страстью горело, печалям глубоким грозя,
Но источник сиянья ведь глиной замазать нельзя?

Да, лишь только печаль над печалью склоняется
нашей.
Исцеляют хмельных только новою винною чашей.

Что ты морщишь свой лоб? Ты на мне видишь
множество ран?
Но ведь ты не проведал, что сад мне живительный
дан.

Сад мне небом вручен, а тепло его — блещущим оком
Был мне розой рассвет, были слезы — отрадным
потокком.

И, укрытый за тканью меня окружавших завес,
Был мне подлинным другом. Он послан был волей
небес.

Многодневно чело на свои опускал я колени,⁵
Чтобы нить путеводная злые рассеяла тени.

И теперь я пошел по прямому, благому пути.
Друг мой, следуй за мною, за мною ты должен идти.

Ты не избран вести. Нужен опыт вседневный, богатый.
Все доверь Низами, — это опытный, верный вожатый.

ВТОРОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ (О НОЧНОМ НАСЛАЖДЕНИИ)

Повелитель сердец начал пиршество в некую ночь;
Побеседовать с равными был он в ту пору не прочь.

Ночь сияла зарей, и на небе мерцали Плеяды.
И к молитвам отзывчивой скоро достиг он услады.

И собрания прелесть была бы всем вёснам в упрек,
И услада была неизбежна, как благостный рок

Ароматы курильниц в оконца дыхание бросив,
Говорили о ткани, вешавшей, что прибыл Иосиф.

Ночь велела уйти всем отрядам охранных частей
И всех мошек смела. Да ничто не тревожит гостей!

Как за тканью узорной напевы звучали — о диво!
Знатоки песнопений, дивясь, восклицали: «О диво!»

Руки кравчих в шелках. Блещет золотом каждый
кувшин.
И в жемчужные чаши расплавленный льется рубин.

Гасла печень сгорая, и гасли светильники ночи.
Пламень сердца пылал, словно пламени рдяные очи.¹

И на плоских курильницах, блеском ласкающих взгляд,
Аромат создал сладкое, сладкое жгло аромат.

Сахар с розой в сосудах творил животворные чары.
Свет свечей, колыхаясь, бросал золотые динары.

Было там и вино, что нас тешит и гасит печаль,
Рот и очи любимой и сахар несли, и миндаль.

Рот и очи смеялись. И счастьем любовным и ликом
Восхищалась Зухра, предаваясь беседе с Маррихом.

Обещанья любовные слышал влюбленный, и смех
Стал собирать с милых уст подаянье полночных утех.

Леопарду подобная, мускус душистый газели
Вниз бросает Зухра. Косы черные льва одолели.

Друг схватил ее ворот, его драгоценный рукав
Бросил искры каменьев, к пленительной шее прирав.

Словно кравчий — свеча. Пламень — чаша.
И кружится пьяный
Мотылек, и вином уже залиты все дастарханы.

Сна не стало, о нет, он сгорел, как сгорел мотылек.
И свеча благодарна, и клонит она фитилек.

И Зухра, запыхав, и созвучий предавшись уладам,
Жадный слух веселила стремительным, радостным
ладом.

Два мышленья друг другу давали мгновенный ответ,
Брал светильник, света, у другого светильника свет.

То, что многим давало медлительной жизни течение,
Другом другу дарилось в одно золотое мгновение.

Посылали дары — ведь восторга нельзя превозмочь! —
Сердце — сердцу, дух — духу и плоти — влюбленная
плоть.

Иль из пышных чертогов, которые к пиршеству звали,
Все, в чем нет бытия, за предел бытия побросали?

Птица радости ввысь полетела с отрадным письмом,
Чтоб Зухры благодатной обрадовать радостный дом.

Пламень птицы рассвета, попавшей на вертел,
прохладу
Даровал двум влюбленным, смиряя разлуки досаду.

Словно пепел погибший, был скрытый рассвет
недвижим,
Месяц был полонен, и застыл свод небесный над ним.

В дверь кольцом не стучали. Чужой! О, да будет
далек он!
Обвивал шею милого нежной красавицы локон.

Что дверное кольцо, хоть мало оно очень? Смотри!
Меньше перстня обычного стала душа Муштари.²

Те, что схожи с пері, те, что будто назначены негам,
Все свободные души сломить порешили набегом.

Средь жасминов и роз, чтобы души попадали ниц,
Все колючки они заменили шипами ресниц.

О плоды! Ведь сердца не вкушали столь сладких
ни разу.
Млели души. Пері не подобны ли гибкому вязу?

Сладкий ротик — орешек! И взоров миндаля.
И предлог
Для лобзанья — фисташка, и нежный над нею пушок!

В ночь, что слаще пупка, волховали: колдун
Вавилона —
Черный взор, да индус — прелесть родинки. Бойся
полона!

Ведь от родинки черной, от взоров, таящих обман,
Вся земля — Вавилон, и любая страна — Индостан!

Взгляд ответил на взгляды, и сердце в решении скором
В путь священный пошло, чтоб склониться пред
блещущим взором.

Но язык быстрых взоров опасней был множества
стрел,
Кудри были запутанней всех человеческих дел.

Каждый взгляд был, как лучник, влюбленный,
и нежный, и смелый.
Тяжко сердце разили еще не летящие стрелы.

Не дыханье ль Исы оживляло сердца? И могут
Из комков красной глины бежал воскрешающий
ключ.³

Запах роз и жасмина струился влюбленным в угоду
И попона служенья легла на плечо небосводу.

Сахар сладких ланит и миндали рассыпавший лал...
О, какой сладкий сахар на лице прекрасном лежал!

Каждый взгляд открывал в целый мир неожиданно
дверцу.
В каждой черной реснице был храм, предназначенный
сердцу

Был у белой щеки черный локон безмерно красив!
Словно мускус лежал на серебряных листиках ив.

Подбородок округлый был с нежною ямкой. Но что же
Ты сравнил бы с лицом? На него только солнце
похуже.

Авраамовы кудри — к светилу приникли они.
Исмаила глаза, а ресницы — кинжалам сродни

Но ресницы чаруют, и милая блещущим ликом
Все сердца опьяняет: душистым он стал базиликом.

Поцелуи томят, убивают. Ну что ж? Ведь уста,
Как Иса, воскресят — чаша жизни не будет пуста.

Капли пота на розе влюбленного радуют взгляды.
Это — жатва луны, и блестят они, словно Плеяды.

Растворилась калитка на воротае гурни. Свет,
Что нежнее зари, нежным взорам направил привет.⁴

Каждый муж многоопытный, каждый бездумный,
немудрый
Обезумел от света, что бросил кумир чернокудрый.

Говорили глаза; коль смолкала усталая речь;
Им хотелось уста от их связанной речи отвлечь.

Золотое вино в светлой чаше — нарцисс. Ароматом
Все оно заполняло в чертоге большом и богатом.

Разум быстро хмелел. Круг за кругом прошел он,
и вдруг
Все терпенье, увя, у него ускользнуло из рук.

Все уста пировавших полны были только лишь смеха,
Было трудно вздохнуть... бесконечная длилась утеха.

Не смиренным найти в этих звуках источник услад.
Только буйным звучал этой песни возвышенный лад.

И сумел этот лад в полнозвучном и мерном рассказе
О Махмуде сказать и сказать о прекрасном Аязе.⁵

И стихи Низами разбросали и сахар и хмель,
Воспевая перь, за газелью поющих газель.

ПЛОД ВТОРОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

Жизни той, что цвела на разостланном богом ковре,¹
Вновь не стало. Смотри: сколько смей в этой вечной
игре.

Ухо сердцу писало о всем, что даровано слуху.
Взор склонялся к земле, всем явлениям близкий
по духу.

Сахар сладость утратил от смеха тюрчанок, а глаз
Горячее сверкал, видя гурий, настроивших саз.

И мой тюрк, — мой месяц в касаве сверкающем
белом²
Разорвал мое сердце набегом внезапным и смелым.

Полумесяц, на темень махнувший с презреньем рукой,
Нам бессменно сиял, осветив наш отрадный покой.

Если взор ее быстрый во взор мой кидался с размаху,
Вся душа, преклоняясь, мгновенно подобилась праху:

Так светила она, что свеча истекала в слезах,
А светильник мигал и от горестной зависти чах.

Пусть чинила она мне любую обиду, я в этом
Видел только лишь благо, и ночи казались мне светом.

И она предо мною сияла прибрежным цветком,
Я, смиренно склоняясь, расстился пред ней ручейком.

Но в те ночи с любимой, лобзанья вкушая с ней вместе,
Словно фиников сладость, не вял я таинственной
вести.

Я не ведал, что месяц, которого сладостней нет,
Тайный месяц скрывал, — тот, который воистину свет.

Был влюблен я в себя, но любим был я месяцем
дальним,
Он грустил обо мне, но меня заставлял беспечальным.

Сердце в страсти шептало: «О, если бы пламенный
день
Нашей ночи не сжег, не спугнул ее сладкую тень!»

Но ведь ночи мои не сулили покоя. С испугом
Вдаль гляжу: в судный день их сочту ли ходатаем,
другом?

Жду я ночи, сияющей в солнечном, в дивном огне!
Но желанная ночь мне не видится даже во сне.

Лишь в подобную ночь мне была бы доступна отрада
Я возжаждал ее, и других мне ночей уж не надо.

И шепчу я: «Господь, ты мне все помоги превозмочь,
Лишь бы только увидел я эту горящую ночь!»

Эта ночь — озаренье, над тягостной тьмою победа,
Эта ночь — словно ночь для надзвездных путей
Мухаммеда.

Чтобы яхонт добыть, месяц роет небесный рудник,³
Дивной ночи желая, к кирке он с упорством приник.

День, что только и дышит своей неприязнию к ночи,
Также к ночи благой устремляет горящие очи.

Я проснулся, и солнце, свой меч на дороге зари
Поднимая, промолвило: «Небо, мне дверь отвори!»

И от пламени солнца, узрев эти рдяные розы,
На айвана ковер пролил я бесконечные слезы.

В небе облако встало. Омыло оно с высоты
Ткань, скрывавшую солнце, — душистых деревьев
листы.

В голубом водоеме, запруженном солнцем, кувшины
Мы разбили б свои, уцелеть бы не смог ни единый.

Небосвод, полный звезд, отказался от их серебра,
Молвив: «Чистого золота уж наступила пора!»

Утро быстро проснулось и в свете сверкающем, алом
Вслед кровавой заре побежало с блестящим
кинжалом.

Битвы с ним я страшился. И тотчас же бросил свой
щит,
Сделав душу щитом. Злое утро смертельно разит.

Перепрыгнув ручей, на мою оно душу напало,⁴
И ночной звездный мост предо мною оно разломало.

И зажглось мое сердце и так закричало, горя:
«Разве ты — отомщенье? Иль ты — воздаянье, заря?»

Знал я много услад, видел нежные очи, бывало,
Я лампы имел, озарявшие ночи, бывало.

Но те ночи ушли, тех лампад мне не видится свет;
Их как будто бы не было, нет их уж более, нет!

Так ужаль мою грудь, ты, мне бывшая сладким
напитком,
Ты, что нежила сердце, предай меня сладостным
пыткам.

На несветлого сердцем направь свой безжалостный
меч,
Ведь того, кто сожжен, без труда можно пламенем
жечь!»

Так не мог удержать я ни горького плача, ни стона,
И кровавые слезы заря полила с небосклона.

И сгорел светлый день от моей беспросветной тоски.
Ключ светила замерз, и холодные сжал я виски.

Но хоть яд я вкушал, небеса мои ведали муки,
И ночная змея светлый камень мне бросила в руки.⁵

И когда растворился я в светлом сиянье зари,
Я забыл обо всем и услышал: «Душой воспарь!»

Те, чьи взоры могли многоцветной достичь колыбели,⁶
Света больше, чем зори, принять в свои души сумели.

Как бесславны твои беспросветные ночи! Огнем
Им гореть со стыда перед новым ликующим днем.

Я постиг эту ночь, я постиг этой ночи призванье.
Мне в моем постиженье мое помогало познание.

Ткань завесы безмолвия! Мир одиночества — ночь!
А свеча — наше зренье. Нам сумрак дано превозмочь.

Розы страстных ночей, их душистый джуляб и алоэ —
Многих раненных в сердце беда и мучение злое.

То, что благом ты счел, то, чему оказал ты почет, —
Было только преддверьем той ночи, которая ждет.

Тот, кто в сумраке был, в том, что негру подобно,
под сводом
Был изъеденным ржавчиной, предан был скрытым
невзгодам.⁷

Но зарей, что к свече так влеклась, как любой
мотылек,
Свет свечи заблестел, и к прозренью меня он повлек.

Так возьми же свечу, хоть она угрожает ожогом.
Светоч взял Низами. Этот светоч вещает о многом.

РЕЧЬ ПЕРВАЯ. О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

До поры, как любовь не явила дыханье свое,
В бездне небытия не могло засиять бытие.

Но счастливцев великий в своей непостижной отчизне
Захотел бытия, и завесы раздвинул он жизни.

Он был сыном последним воздушных, летучих перей,¹
Первым сыном людским в озарении первой зари.

Получил он от неба халифства величье, но следом
Свой утратил он стяг. Вслед за тем вновь пришел он к
победам.²

«Он творцом был научен». О, сколько в нем чистого
есть!³

«Бог месил его глину». Какая безмерная честь!⁴

Он и чистый и мутный, хоть золото в нем засияло.⁵
Он и камень для пробы, и он же — пытливый меняла.

Он — любимец крылатых, смутивший их райский
покой.
Со щеками в пушке, этот юноша — образ людской.

Взять запястье Адама! Для каждой души это —
счастье!
На предплечье его семь небес ниспослали запястье.⁶

Две больших колыбели Адама баюкать могли:
В нем все помыслы неба и все помышленья земли.

В пышный блеск бытия облекает он пленных темницы.
Кравчий духов бесплотных, летит он к ним с легкостью
птицы.

В завершенье творенья для мира он был порожден.
Всемогущества бога является первенцем он.

В сорок дней он дитя; мир познания младенцу не
дорог.
Он — великий мудрец, если лет ему минуло сорок.⁷

Он предвестник любви, он, любовь, порождая, возник.
Он, как розовый куст благодатного рая, возник.

Это — взора всезрящего отблеск; исполнен он света;
Это — птица с ветвей, что над миром раскинулись
где-то.

Птиц небесных привлек он к своим поучений зерну.
И глядят они вниз, постигая всю их глубину.

Но ведь он в небесах за пшеничное зернышко, зная,
Что на землю сойдет, отдал все наслаждения рая.

Он попался в силоч, хоть одно лишь он видел зерно.
О, как было мало, о, как было ничтожно оно!

И пришел он с молитвою в мир бытия, и в поклоне
Все склонилось пред ним. На земном воцарился он
лоне.

Он для всех был кыблдой, он для всех был в сиянии
зрим.

Лишь один возмутившийся пасть не хотел перед ним.⁸

Лепестки, что он сыпал, что прежде в Эдеме блистали,
Стали негой для всех, а для дьявола — углями стали.

Но без рода людского он счастья не знал бы совсем.
Для него, одинокого, цвел бы напрасно Ирем.

У кого бы другого была столь великая сила,
Чтобы дел человеческих горе его не сломило.

Было сердце его страстью к светлой пшенице полно.
Как пшеницы зерно, от огня расколосось оно.

И стремленье уйти и забыть о лазоревом крове,
Есть пшеницу земную — и сладко все было и внове.

Ни отца, ни детей. Как зерно, должен он прорасти
И в камнях быть измолотым. Ждал он такого пути.

Только брошенный в землю, надеждою стал он
Светлоликим он стал. Ведь прощен был он силой
земною,
иною.

И на тело его зной набросил пшеничную тень.⁹
Как на лунной шагрени, на ней был замечен ячмень.

Ячменю и пшенице-ужель не постыла их ссора?¹⁰
Вновь ячмень загрузил. Ведь пшеница отрадной для
взора.

Лишь в эдемском саду съел неожиданно пшеницу Адам
Вскрылось сердце его, и желаньем он был уж не там.

Как унижен он был; жаждал этого демон двурогий.
Съел пшеницу Адам, и свернул он с надежной дороги.

К тяжелой жесткости сердца пшеничное клонит зерно.¹¹
Тяготенье к пшенице. К безумью приводит оно.

И лишь только пшеница всеобщую стала едою,
Рот раскрыла она, угрожая всеобщей бедою.

Где истоки души? Миновал им назначенный срок.
Да, пшеничное зернышко — это опасный силоч.

Ешь лепешки ячменные. Надо ль к иному стремиться?
Вспомни участь Адама: его обманула пшеница.

Обладающий сердцем! Ты дьяволу молви — не лги!
Мощный лев шаханшаха, не стань ты собакой слуги!

Не свершай омовений; сперва ты избавься от срама
Прегрешений своих; в этом следуй примеру Адама.

Будь водою ты легкой, которою славятся доли.
Ведь вода не тяжелая много ценнее тяжелой.¹⁶

Только тонкостью стана людской обольщается глаз.
Только легкие души ценны и желанны для нас.

Ветер мира свершает движенья свои круговые,
Ты, что Каф, недвижим. Где ж порывы твои огневые?¹⁷

Иль в стремлении к розе шипов одолеть ты не смог?
На себя не гляди, как фиалки склоненный цветок.

Ты лишь только собой населяешь земные просторы,
На себя самого направляя беспечные взоры.

В этом доме обширном ты каждый одобрил предел,
Но ты в доме — ничто. Ведь не этого все ж ты хотел?

Сам в себя ты влюблен, перед зримым в восторге
великом.

И, как небо, ты зеркало держишь пред блестящим
ликом,

Если б соль свою взвесил, ты спесь бы свою позабыл;
И тогда бы за все небесам благодарен ты был.

Позабудь притеснение. Отправься в иную дорогу.
Что есть люди, скажи? Устремляйся к пресветлому
богу.

Ты познай его благость, лишь этим себя мы спасем.
Ты познай свою скверну и небу признайся во всем.

Если ты устыдишься, к молитвам в слезах прибегая,
Милосердной и щедрой окажется сила благая.

ПОВЕ́СТЬ О ПАДИШАХЕ, ПОТЕРЯВШЕМ
НАДЕЖДУ И ПОЛУЧИВШЕМ ПРОЩЕНИЕ

Некий муж, справедливый и чтимый в обширной стране,
Справедливость не знавшего как-то увидел во сне

И спросил: «Что творец совершает в своей благостыне
С днями злости твоей в ночь, тебя охватившую ныне?»

Тот ответил: «Когда смертный час я готов был
принять,
Я весь мир оглядел: мне в томленье хотелось узнать,

Кто бы смог указать мне надежды благою дорогу
Иль поведать, что милость великому свойственна богу.

Но ни в ком из живых сострадания не встретилось мне,
И помочь в моих бедах желанья не встретилось мне.

Стал я иве подобен, в испуге охваченный дрожью,
Пристыженный, смущенный, и я милосердию божью

Всей душой предался, только в нем свой увидев оплот.
На кручение воды я бесплодный оставил расчет.¹

И промолвил творцу: «Я стыжусь, я познал унижение,
Посрамленному, боже, любое прости прегрешение.

Хоть я воле твоей не внимал до последнего дня,
Хоть отвергнут я всеми, но ты не отвергни меня.

Иль, карая меня, шли любого ко мне лиходея,
Иль мне помощь подай, обо мне в милосердые радея!»

И покинутых друг, избавляющий их от тревог,
Тяжкий стыд мой увидел и мне благосклонно помог.

Отвечая стенаньям, благой преисполнен заботы,
Он приподнял меня и свои оказал мне щедроты».

Тот, кто ведал раскаянье, грешные мысли гоня,
Будет первым из смертных в неистовствах судного дня.

Тот, кто взвешивал ветер, забудет свои упования;
Он в убытке всегда, он узнает лишь только страданья.

Если ветер ты взвешивал долгие годы, не год —
Сколько знал ты убытка и сколько узнаешь невзгод!

Камень с жемчугом взвешивать страсти твои да
устанут!
Пусть весы будут пусты, а дни твои полными станут!

Этот камень земли ты на мыслей весы не клади;
Ведь земля — шарик глиняный, тешиться им погоди.

Лишь дирхем — жалий мир, что в тебе поселяет
желанья,
Все, чем дышишь в миру, — твоего легковесней
дыханья!

Все, что в жизни находишь, что в ней обретаешь —
отдай;
Все, пока на земле ты еще пребываешь — отдай,

Чтобы в день воскресенья ты был бы от груза
свободен,
Чтобы ты не молчал, чтоб, ответив, стал небу угоден,

Чтоб ты не был в долгу у детей, свой утративших
кров,

Чтобы совесть твою не тягчили стенания вдов.

Брось потертый ковер, уходи из обителя мгlistой.²
Дорожить ли полой, что давно уже стала нечистой?

Иль, чтоб странником стать, собери свой дорожный
припас,
Иль, вослед Низами, скройся в тишь от назойливых
глаз.

РЕЧЬ ВТОРАЯ. НАСТАВЛЕНИЕ ШАХУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

О властитель, чьи мысли царят над любым из царей,
Что несметным венцам шлет жемчужины многих морей,

Если ты — государь, ты ищи драгоценного крова;
Если ты — драгоценность, венца ты ищи неземного.

Из предвечного света, которым овеян простор,
На тебя не один благодетельный бросили взор.

Ты ценнее всего. Словно городом, правишь ты миром.
Все, что ныне на свете, тебя почитает кумиром.

О, какую страну владеешь безмерною ты!
О, гордись, над страной возвышаешься верною ты.

Времена твои выйдут из круга столетий; с тобою
Не сравнится вселенная ширью своей голубою.

Знаем: зеркало в небе заря поднимает, чтоб ты
В золотом этом зеркале царские видел черты.

Колыбель небосвода затем и забыла про бури,
Чтобы ты, как дитя, отдыхал в безмятежной лазури.

Ты — Иса наших душ, птица сердца, и скажет любой,
Что сравнить тебя можно, бесспорно, лишь только
с тобой!

Солнце в пламени страсти твоим восторгается ликом,
Потому-то оно и сверкает в пыланье великом.

Месяц так истощился! Он был уж совсем невелик.
Но опять он сияет: он снова увидел твой лик.

Ты превыше других. Наслаждайся всем жизненным
миром.
Все печали отбрось. Не склонен словно раб ты пред
миром.

Будь ко всем снисходителен, будь благодарнее вод.
Будь, как ветер свободный, свободен от тяжких забот.

Будь спокойной землею. Страстей не поддайся
насилию.
Если землю встревожить, земля станет черною пылью.

Преклони пред создателем жаркую душу свою.
Вот как царствовать, царственный, должен ты
в нашем краю.

Жду ответа, о шах! Отвечай же, вопросам внимая.
Где находимся все мы? Где скрыта обитель иная?

Все известно душе, что возвышенной веры полна,
И о мире ином все доподлинно знает она.

Этот мир ты обрел. Ты о вере подумай. Быть может,
Область веры найдешь, и она тебе в мире поможет.

Если ж мир ты отдашь, чтобы веру купить, — никогда
Не внимай слову дьявола: может нагрязнать беда.

Знай, крупца алмазная веры, ведущей из плена,
Камня магов грузней, хоть он был бы увесистей мена¹,

Камень темный отдай, а сверкающий камень возьми:
С ним и золото веры, что блещет, как пламень, возьми

Тот, дающий припасы — ну, трудно ли нам это
взвесить? —
Взяв припас твой единый, припасов пошлет тебе
десять.²

Состоянье свое поместить как бы лучше ты смог?
Сколько прибыли верной на свой ты положишь порог!

Стало долгом твоим воспитание праведной веры.
Мудрецы правосудные к этому приняли меры.

Вознеси правосудье, и всех осчастливишь людей.
Угнетателей свергни. Об этом бесценно радей.

Должен городу с войском ты блага желать, и на это
Город с войском ответят. Плохого не будет ответа.

Угнетающий царство — его разрушает, а тот,
Кто внимателен к людям, его к процветанью ведет.

Знай, развязка придет, и пред ней, не знававшей
преграды,
Пусть твои будут мысли всему, что содеял ты, рады.

Дай спокойствие всем. Никому не чини ты обид.
Что за ними придет? Что за ними почувствуешь? Стыд.

Пьяный разум уснет, и, беды не увидев причину,
Правосудья ладья в неизбежную канет пучину.

Если б скорбным и бедным зажал ты безжалостно рот,
Если б отнял ты силой имущество нищих сирот,

Для себя отыскать ты какие бы смог оправданья
В день суда, на который придут все земные созданья?

Лик свой к вере направь, и опору найти будешь рад;
К солнцу стань ты спиной, не молись ему, словно эрпат.

Это — желтый мышьяк иль подобие блещущих кукол,
Что явил небосвод,—тот, что жизнью людей убаюкал.⁶

Под завесой пустой, что висит на гвоздях девяти,
Все — игра этой куклы. Иди по иному пути.

Вышли ветер на мир. Чтоб лампада соблазнов
угасла,
Своего в ней ни капли не должен оставить ты масла.

Разве мы — мотыльки? Мир блестит, но не думай
о нем.

Не бросай же свой щит перед этим ничтожным огнем!

К той завесе, к которой Иса возлетел без усилия,⁴
Ты стремись, чтоб ты сам за спиной мог почувствовать
крылья.

Кто подобно Исе бросит душу в надзвездный полет,
Тот весь мир завоеует, По праву его он возьмет.

Притесняя подвластных, ты править страной
не сумеешь.

Лишь призвав правосудье, ты царством своим
овладеешь.

То, в чем нет справедливости, твой не умножит доход,
То, в чем нет правосудья, как ветер, тебя унесет.

Справедливость — гонец, что спешит наш обрадовать
разум.

Тот работник, что в царстве все нужное делает разом.

Справедливость твоя укрепляет сверкающий трон.
Если ты справедлив, вечно будет незыблемым он.

ПОВЕСТЬ О НУШИРВАНЕ И ЕГО ВИЗИРЕ

На охоте одной Нуширван был конем унесен
От придворной толпы: с пышной знатью охотился он.

Только царский визирь не оставил царя Нуширвана.
Был с царем лишь визирь из всего многолюдного стана.

И в прекрасном краю, — там, где все для охоты дано
Царь увидел селенье. Разрушено было оно.

Разглядел он двух сов посреди разрушений и праха.
Так иссохли они, будто сердце засохшее шаха.

Царь визирю сказал: «Подойдя друг ко другу, они
Что-то громко кричат. Их беседа о чем? Разъясни!»

И ответил визирь: «К послушанию сердца готово.
Ты спросил, государь. Ты ответное выслушай слово.

Этот крик—некий спор; безотрадно его существо,
Этих сов разговор, не простой разговор—сватовство.

Та — просватала дочь, и наутро должна ей другая
Должный выкуп внести, и внести ни на что не взирая.

Говорит она так: «Ты развалины эти нам дашь
И других еще несколько. Выполнишь договор наш?»

Ей другая в ответ: «В этом деле какая преграда?
Шахский гнет не иссяк. Беспокоиться, право, не надо.

Будет злобствовать шах, — и селений разрушенных я
Скоро дам тебе тысячи: наши просторны края».

И, услышав про то, что предвидели хищные совы,
Застонал Нуширван, к предвещаньям таким неготовый.

Он заплакал навзрыд, — он, всегдашний любимец удач.
За безжалостным гнетом не вечно ли следует плач?

Угнетенный, в слезах, закусил он в отчаянье палец.
«Ясно мне, — он сказал, что народ мой — несчастный
страдалец.

Мной обижены все. Знают птицы, что всюду готов
Я сажать вместо кур лишь к безлюдью стремящихся
сов.

Как беспечен я был! Сколько в мире мной сделано
злого!
Я стремился к утехам. Ужель устремлюсь я к ним
снова?

Много силы людской, достоянья, людского я брал!
Я о смерти забыл! А кого ее меч не карал?

Долго ль всех мне теснить? Я горю ненасытной
алчбою.
Посмотри, что от жадности сделал с самим я собою?

Для того полновластная богом дана мне стезя,
Чтоб того я не делал, что делать мне в жизни нельзя.

Я не золото, — медь, хоть оно на меди заблестало,
И я то совершаю, что мне совершать не пристало.

Притесняя других, на себя обратил я позор.
Сам себя я гнету, хоть иных мой гнетет приговор.

Да изведаю стыд, проходя по неправым дорогам!
Устыдись пред собой, устыдиться я должен пред богом.

Притеснение свое я сегодня увидел и жду,
Что я завтра позор и слова поруганья найду.

В судный день ты сгоришь, о мое бесполезное тело!
Я сгораю, скорбя, будто пламя тебя уж одело!

Мне ли пыль притеснения еще поднимать? Или вновь
Лить раскаянья слезы и лить своих поданных кровь!

Словно тюркский набег совершил я, свернувши
с дороги.
Судный день подойдет, и допрос учинится мне строгий.

Я стыдом поражен, потому повергаюсь я в прах.
С сердцем каменным я, потому я с печалью в очах.

Как промолвлю я людям: «Свои укоризны умерьте!»
Знай: до судного дня я в позоре, не только до смерти.

Станут бременем мне те, кого я беспечно седлал.
Я беспомощен! Помощь мне кто бы сейчас ниспослал?

Устремляться ли в мире к сокровищам блещущим,
к самым
Дорогим? Что унес Фаридун? Что припрятано Самом?

Что указы мои, что мое управленье, мой суд
Мне навеки вручат? Что надолго они принесут?»

Взвил коня Нуширван. Сожигал его пламень суровый.
От огня его сердца коня размягчились подковы.

И лишь только владыка примчался в охотничий стан,
Запах ласки повеял. Приветливым стал Нуширван.

В том краю он сейчас же тяжелый калым уничтожил!
И поборы, и гнет, и насилье он там уничтожил.

Разостлав правосудье, насилья ковер он свернул.
Блюл он заповедь эту, покуда навек не уснул.

Испытаний немало узнал он под небом, — и веки
Он смежил, и добром поминать его будут вовеки.

Нашу юность благую мы отдали миру. За что же
Нам он старость дает и ведет нас на смертное ложе?

Ведь всегда молодым оставался прославленный Сам,²
Хоть склонял свои взоры он к сына седым волосам.

Синий купол бегущий свой круг совершает за кругом,
В вечном споре с тобою, твоим быть не хочет он
другом.

То он в светоча мира мгновенно тебя обратит,
То в горшечника глину надменно тебя обратит.

На двуцветном ковре быстроменного мира, в печали³
Все, что дышат на нем, все стремятся в безвестные
дали.

По равнине идущие молвили: «Счастливы те,
Что по морю плывут, — все твердят о его красоте».

Те, что на море страждут, сказали: «О если бы ныне
Мы могли находиться в спокойной безводной пустыне!»

Все, живущие в мире, встречают опасные дни.
На воде и на суше злосчастия терпят они.

Юных дней караван на заре поднимается рано,
Но ведь кончится путь. Не сберечь нам поклаж
каравана.

От верблюдов отставший, из города юности ты
Будешь изгнан в предел, где стареют людские черты.

Но на всех утомленных во тьме наступающей ночи
Из нездешних пространств уж глядят благосклонные
очи.

Трон покинь. Ведь тщеславье опаснее многих сует.
Это — черная тень, от тебя заградившая свет.

Ты отдался успехам, конца им не зная и края,
Ты живешь и играешь, о горестях будто не зная.

Синий купол, вращаясь, похож на забаву, но он
Не для наших забав, не для наших утех укреплен.

До пришествия разума в мире царила беспечность.
О, какая в тебе благодатная сила, беспечность!

Ясный разум взглянул на вершину созданий творца,
И владычество радости тотчас достигло конца.

Не от знанья беспечна мелькающих дней
скоротечность.
Безрассудства, возникнув и множась, рождают
беспечность.

О беспечность, очнись, очини поскорее калам,
И царапай листок, и предайся отрадным делам.

Будь меж теми, чья мудрость известна от края
до края,
Стан людей просвещенных с отрадой рукой обнимая.

Шип, приятный розе, не будет содействовать злу.⁴
Даже он аромат гиацинту насыплет в полу.

Судный день подойдет, и конец будет нашего света,
И пустыню на суд приведут в этот день для ответа.

И промолвят: «О злая! Ведь кровь ты лила без конца
И зверей и людей. Ты людские терзала сердца!»

Как же ключ животворный в тебе мог возникнуть
когда-то?
Как смогла ты принять изобильные воды Евфрата?»

Так воскликнет пустыня, своей не осилив тоски:
«Я злодейств не свершала. Моя неповинны пески.»⁵

За накрытым столом я немного просыпала соли
И смешала с сердцами пустынной возжаждавших доли,

Чтобы быть мне со всеми, кто в праведный двинулся
путь,
Чтобы к гуриям рая могла я с отрадой прильнуть».

И раздастся решенье: «Пустыня, песками играя,
У запястий ножных запоет всем красавицам рая».

Если с добрым мы дружим, то добрый нам выпадет
час;
И поможет нам друг, и все нужное будет у нас.

Где же скрылись все добрые? Встречусь ли я хоть
с единым?
Стол, что медом прельщал, ныне сделался ульем
пчелиным.

Где ж теперь человечность? Ужель удалилась навек?
Человека любого страшится любой человек.

Где ж познание то, что в сердцах человечьих блистало?
Человеческих свойств в человеке давно уж не стало.

Скрылся век Соломона. О смертный, вокруг посмотри!
Где теперь человек? Он исчез. Он — бесследней перь.

Хоть дыханье мое слиться с общим дыханьем хотело,
Все же, бегство избрав, совершил я хорошее дело.

Где бы тень я сыскал, что явилась бы тенью Хумы?
Где бы верность нашел? Где бы честные встретил умы?

Если б сеяли верность, прекрасными стали бы нравы.
Надо верность хранить — вот что чести достойно
и славы.

Земледелец зерно бросил в землю весною, и вот
Наступает пора, и созревший вкушает он плод.

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ И ПОСЕЛЯНИНЕ

Как-то царь Соломон не имел государственных дел.
И случилось, что ветер светильник задуть захотел.¹

Царь свой двор перенес в ширь степного просторного
дола,
Там вознес он к лазури венец золотого престола.

Скорбен стал Соломон: он увидел, теряя покой,
Старика земледельца, который в равнине скупой,

Зерна в доме собрав — хоть добыча была так убога, —
Поручил закрома одному милосердию бога.

И повсюду в степи разбросал эти зерна старик,
Чтоб из каждого зернышка радостный колос возник.

Но все тайны зерна и все тайны творящего лона
Говор птиц сделал внятными слуху царя Соломона.²

Царь промолвил: «Старик! Будь разумным! Коль
зерен не счесть,

Можно зерна бросать. Но твои! Их ты должен был
счесть.

Для чего ж ты надумал напрасно разбрасывать зерна?
Преодо мной быть неумным ужели тебе незазорно?

Нет мотыги с тобой, что ж царапаешь глину весь
день?
Тут ведь нет и воды, для чего же ты сеешь ячмень?

Мы бросали зерно в землю, полную влаги, и что же?
То, что мы обрели, с изобилием было несхоже.

Что же будет тебе под пылающим солнцем дано
На безводной земле, где мгновенно сгорает зерно?»

Был ответ: «Не сердись, мне не нужно обычного блага!
Что мне сила земли, что посевам желанная влага!

Что мне зной, что дожди, хоть бы длились они без
конца!

Эти зерна — мои, а питает их воля творца.

Есть вода у меня: на спине моей мало ли пота?
И мотыга со мной. Это — пальцы. О чем же забота?

Не пекусь я о царствах, мне область ничья не нужна,
И пока я дышу, моего мне довольно зерна.

Небеса мне мирволят, добычу мою умножая.
Сам-семьсот я беру. Я бедней не снимал урожая.

Надо сеять зерно без мольбы у дверей сатаны,
Чтоб такие всегда урожай нам были даны.

Только с должным зерном, только с небом нам следует
знаться,

Чтобы колоса завязь, как должно, могла завязаться.

Тот, кто с разумом ясным был призван творцом к
бытию,

Тот по мерке своей тклет разумно одежду свою.

Ткань одежды Исы не на каждого ослика ляжет,
Не на каждого царь, как на помощь престола, укажет.

Лишь одни носороги вгрызаются в шею слону.
Что скрывается в том, что из далей пришел ты сюда?

От нашествия рек море станет ли злым и угрюмым?
А ручей от потоков наполнится яростным шумом.

Человеку, о царь, все дает голубой небосвод.
Все, чего он достоин, себе он под небом найдет.

Государственный муж быть не крепким, не стойким
не может;
Иль под бременем тягостным до смерти он изнеможет.

Нет, не каждый живущий родился для сладостных
нег,
И великие тайны не каждый таит человек».

Пусть несдержан юнец. Я же прожил немалое время,
Низами молчаливо несет свое тайное бремя.

РЕЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ ШАХА
К ПОДДАННЫМ

Ты — боец без щита. Ты — в гордыне один. Иль тебя
Гуль в пустыню загнал, отчужденную душу губя?

Ты — в венце золотом. Но венцы существуют ли вечно?
Ты — в цвету бытия. Но припомни: оно — скоротечно.

О, спешащий за теми, которым лишь в пиршествах
свет,

О, покорный игре бесконечно бегущих планет!

Ты, отбросивший саблю, забывший о чтенье корана,—
Для чего? Лишь для чаши, лишь только для винного
жбана.

То ты с гребнем, то с зеркалом, счастлив ты ими
вполне.
О ценитель кудрей, ты подобен манящей жене.

Рабию ты припомни; она ведь в пустыне однажды
Разлучилась с косой для собаки, понурой от жажды¹.

В стыд вгоняешь ты доблесть. Деянья твои таковы!
Устыдился б деяния той сердобольной вдовы.

Будешь славить себя или силой кичиться доколе?
Этой сильной жены быть сильней ты, как видно,
не в воле.

Человеческий разум и светлая доблесть — одно.
Надо всем правосудье. Всех доблестей выше оно.

Не в твоём ручейке стали воды прозрачными. Стала
Миловидною родинка в блеске чужого овала.

Ты не злой небосвод. Лишь о благе раздумывай ты.
Помни вечно о бедах, что к людям спешат с высоты.

Лишь добро проявляй, отдаваясь крутящимся годам.
Лишь такое имущество радует верным доходом.

На себя ты не должен людскую обиду навлечь,
Бойся честь обескровить и кровью людей пренебречь.

Притязали иные на честь и на доблесть. Быть может,
Честным двум или трем твой пример появиться
поможет!

Правосудье твори; бойся мощных карателей зла.
Ночью ждет притеснитель: возмездья ударит стрела.

Мысли зорких грозят. Все подверглись их мощному
сглазу.
Сглаз опасен, поверь, не простил он виновных ни
разу.²

Могут все испытать его страшный, негаданный суд.
Забывать ты не должен: ему подвергался Махмуд.³

Сглаз людей беспорочных застигнет тебя ненароком,
И увидишь, бессильный, что ты наказуешься роком.

Те, что схожи с крылатыми, те, что душой в небесах,—
На пути черепашьем не меньше других черепак.

Пусть насилья мечом их дорога не будет задета,
Иль узнаешь стрелу, что метнут они в блеске рассвета.

Если ценишь владычество, — ты правосудье цени!
Ты на беды от гнета, что царствуют в мире, взгляни!

Человек, чья душа в доме этом ко благу готова,
Все свершает в ночи к устройению дома второго.

ПОВЕСТЬ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

Как-то шаха Санджара седая старуха одна
За полу ухватила, и в гневе сказала она:

«Справедливость являть, видно, властный, тебе не
удобно,

Но обида твоя настагает меня ежегодно.

Пьяный стражи начальник вбежал в наш спокойный
квартал

И напал на меня. Избивал он меня и топтал.

И, за волосы взявши, меня он повлек от порога,
И царапала щеки мне жесткая наша дорога,

И обидам ужасным меня он речами подверг,
Кулаками позору пред всеми очами подверг.

«Прошлой ночью, — кричал он, исполненный пьяного
пыла, —
С кем-то тут сообща человека не ты ли убила?»

Он обшарил весь дом. Беззаконье мы терпим и гнет!
Где же спины людей произвол еще тягостней гнет?

О пьянчуге шихне неужели не верил ты слуху?
Он и был во хмелю, потому-то избил он старуху.

Те, стучащие кубками, весь твой расхитили край!
И ни в чем не повинных уводят они невзначай.

Тот, кто видит все это, и все же помочь нам не хочет
Тот порочит народ, но тебя ведь он тоже порочит.

Я изранена вся. Еле дышит разбитая грудь.
В ней дыхания нет. Но смотри, государь, не забудь:

Если быть справедливым тебе в этот час неохота,
Все ж получишь мой счет. Ты получишь его в день
расчета.

Правосудья и правды я вовсе не вижу в тебе;
Угнетателя волю я так ненавижу в тебе.

От властителей правых поддержка приходит и сила,
От тебя — только тяжесть, что всех нас к земле
придавила.

Разве дело хорошее — грабить несчастных сирот?
Человек благородный у нищих добра не берет.

На дорогах больших не воруй ты поклажу у женщин,
Не бери, государь, ты последнюю пряжу у женщин.

Притязашь на шахство! Но ты не властитель, ты —
раб!
Лишь вредить ты умеешь, а в помощи людям ты слаб.

Шах, внимательный к людям, порядок наводит в округе,
И о подданном каждом он думает, словно о друге.

Чтоб указом любим всех он радовал в нашем краю,
Чтобы шахскою дружбою нежили душу свою.

Ты всю землю встревожил! Иль я неразумно толкую?
Ты живешь. Ну, а доблесть, скажи мне, явил ты
какую?

Стала тюрков держава лишь доблестью тюрков
сильна.
Правосудьем всегдашним в веках укрепились она.

Но грабеж и бесчинства ты в каждую вносишь обитель.
Нет, ты больше не тюрк, ты, я вижу, индусский
грабитель!

Города посмотри-ка: в развалинах наша страна.
Хлебопашец ограбен, оставлен тобой без зерна.

Ты припомни свой рок! Приближенье кончины исчисли.
Где от смерти стена? Вот на что ты направил бы мысли!

Справедливость — лампада. Лампады пугается тень.
Пусть же с завтрашним днем будет дружен
сегодняшний день!

Пусть же слово твое будет радовать старых готово!
Ты же дряхлой старух, властитель, запомнил бы
слово:

У себя недостатков не видели юные, нет.
«Только старость, — твердили, — порок, затемняющий свет».

Хоть бы в пальцах своих ты Джамшидову поднял державу,
Поседев, проклянешь ты свою бесполезную славу.

Каждый волос седой—вестник смерти. И если спина
Изогнулась горбом, не о смерти ль вещает она?

Кто же юности царством и мудрости царством владеет?
Я найти их не смог. О творец, кто найти их сумеет?

Дни беспечности скрылись, ушли в безвозвратную даль.
Не печально ли это? Ну что ж, испытаем печаль.

Все навек исчезают, и каждый исчезнет Иосиф.
И печалимся мы, скорбный взор на прошедшее бросив.

Все сокровища юности бедный утратил старик.
Но ведь в старости только он ценность бывшего постиг.

Дерево молодое прекрасные видело годы.
Но засохшее дерево рубят всегда садоводы.

Хоть прошедшая молодость вечно подобна огню,
Все же, старость кляня, мчимся думой мы к прошлому дню.

Ветви юных дерев предназначены завязям свежим,
А сухие — огню. Ими в стужу себя все мы нежим.

Знаем: волосы черные сладкой исполнены тьмы.
Черным камнем привыкли оценивать золото мы.

Видишь, молодость в сумрак уже удалилась. Не спи же!
Ночь настала, и тотчас заря появилась. Не спи же!

В час, как пламень твой жаркий, смиряясь, вкусил камфары.
Черный мускус у неба, спеша, попросил камфары.²

Лишь два месяца холод настойчивым будет и смелым,
Туча черная в небе со снегом появится белым.

И стирать и окрашивать — все это как бы одно.
Там, где солнце живет, и месии жилище дано.³

Все стирают водой. И скажи, кто же примет за сказку
То, что все при луне принимает иную окраску?

Эта смена цветов не угодна ль самим небесам?
Сам Иса стал красильщиком, разве не знаешь, — он сам!

Так как воздух прозрачный цветов не имеет нимало,
То весь воздух над нами и не тяготеет нимало.

Ты, как радостный день и как ночь, что угрюма, — не будь,
Ты зараз черным зинджем и жителем Рума не будь.⁴

Если ты, черный зиндж, также Рума сверкающий житель, —
Ты познаний лишен, ты и зла и смятенья носитель.

Леопарда двуцветная в чаще заметна спина,
Потому-то стрелой и бывает она пронзена.

Как деревья, овечьи то горьким, то сладостным часом,
Ты то бродишь в касабе, а то отягчишься паласом.

Так зачем же даны нам различные ткани? Зачем?
Чтобы в зной быть в джуббе, в злую стужу — остаться ни с чем.

Леопардам и львам будь подобен, могучим и вольным.
Все дают небеса: безмятежным ты будь и довольным.

Хлеб с водой ты имеешь в своем небогатом углу —
Так не следует с ложкой к чужому тянуться котлу.

Если ты, о бедняк, не найдешь даже черствого хлеба,
То ведь воду и травы ты все же получишь от неба.

Что же рыскать за хлебом, как рыщут голодные псы?
Лучше ел бы траву, словно ослик святого Исы.

Шар с подвижного свода не даст и чуть видимой
Если чести сперва не отнимет, и лютый и зоркий,
корки,

Если в этой гробнице бесчисленных узников жар⁵
Животворного неба зажег не напрасный пожар.

Был Иосиф без пищи, как волки в степи, а на крошки
Со стола сей скупой львы бросаются, будто бы кошки.

За пригоршню пшеницы — ну, стоит ли думать о ней? —
Не размалывай сердца, оно ведь пшеницы ценней.

Как водою, трудом ты замешивай тесто для хлеба,
Пламень сердца беречь не твоя ли, о смертный,
потребя?

Ешь хоть землю, но хлеба не думай просить у скупых,
Иль дождешься укора от многих презренных и злых.

По рукам и по сердцу ты бей себя терном. Покою
Предаваться не надо. К работам тянись ты рукою.

Лучше малые деньги принять за работу, пойми,
Чем с рукою, протянутой скорбно, стоять пред людьми.

ПОВЕСТЬ О СТАРИКЕ КИРПИЧНИКЕ

В землях Шама когда-то старик поселился. Ей-ей,
Был он с духами схож: он всегда сторонился людей.

Он рубаху свою плел из трав, и, хваля мирозданье,
Кирпичи он выделявал, чтобы добыть пропитанье.

Те, что бросили меч и прощенья стремились достичь,
Брали в землю с собою лишь только могильный

кирпич.

Ведь того, кто во тьме, в смертной тьме, не имел
Хоть и грешен он был, все же высшая воля прощала,
покрывала,

И работы нелегкой привычная шла череда,
И в привычное дело все больше влагал он труда.

И по воле небес некто юный, красивый на диво
К старику подошел, и взглянул, и промолвил спесиво:

«Чтоб тебя укорять, подыскать не сумею я слов.
Месишь глину, старик, но ведь ты не погонщик ослов.

Что ты бьешь по земле? Что работой позоришь ты
небо?

Ты найдешь и без этого корку насущного хлеба.

Брось свои кирпичи, приведи всю работу к концу,
Образец твой негоден, к другому приди образцу.

Делать комья земли! Гнуть над ними без устали
спину!

Сколько лет ты намерен с водою размешивать глину?

Вспомни, жалкий бедняк, что давно уже стал ты седым.
Не для старых твой труд. Предоставь же его молодым».

Молвил старец: «О юноша, речью неумной не трогай
Для тебя непонятного. Шел бы своею дорогой.

Знай, что делать кирпич подобает седым старикам,
Лишь носить кирпичи молодым поручают рукам.

Я за труд свой взялся потому, что в нем вижу поруку,
Что не стану к тебе за подачкой протягивать руку.

Я не нищий, о нет, и с алчбой не гляжу я вокруг,
Ем я хлеб, что добыт лишь трудом этих старческих
рук.

Ты меня не кори, я добытым довольствуюсь хлебом,
Коль тебе я солгал—да не буду помилован небом!»

И в смущенье великом, услышав спокойный ответ,
Порицатель ушел. Неразумный давал он совет!

Знать, на нашей земле много было увидено старым.
И за дело свое принялся он когда-то недаром.

В двери мира стучать не довольно ль тебе, Низами?
В двери веры стучать ты благое решенье прими.

РЕЧЬ ШЕСТАЯ. О СВОЙСТВАХ СОТВОРЕННОГО

Кто-то дергает куклы за синей завесой. Ответь:
Если нет колдуна, кто бы мог эти куклы иметь?

Очи сердца направь ты за звездную эту завесу,
Чтоб потом приоткрыл ты подлунному свету завесу.

Там, за синей завесой, есть те, чей безвестен предел,
Их послать к нам на время волшебник с высот захотел.

Нашим взорам они помогают пронизывать дали;
На служенье сердцам все они пояса повязали.

«Все, что есть в сердцевине великого круга, найдешь.
За пределами круга». Запомни, — ведь это не ложь.

Тех, что мчатся по кругу, что будто бы в вечной
погоне,

Лишь для нас оседлали. Для нас эти синие кони.¹

Но не раньше ли бега лазоревых этих коней,
Вновь и вновь пробегающих в смене бесчисленных
дней,

Нам основу любви заложить было велено небом,
И любовь нас питала своим заработанным хлебом.

Светлый дар и порок... Оба мира их дали векам;
Привязали их, смертный, навеки к твоим торокам.

«Ты мне друг», — звездный мир человеку сказал
непритворно.
Коль земля схожа с птицей, то люди — отборные
зерна.

Ты покинь эту птицу, ты когти ее позабуди;
Ты над ней возлети и Симургом бессмертным ты будь.

Словно птица, твой дух, твой мессия, — и вольные
крылья
Он поднимет над клеткой, и ввысь он взлетит без
усилья.

Когти птицы своей отдели ты от клетки, иль ты
Отпусти с нею клетку, чтоб светлой достичь высоты.

Чтобы в край свой родной легкой птицы великая сила
Унесла эту кладь, чтобы птица тебя защитила.

Сени праха минув, уйдешь ты в безвестную даль;
От твоих заблуждений твою там омоют скрижаль.

И забыть обо всем, что вселенной владело, ты
сможешь,
И увидеть все тайны иного предела ты сможешь.

Сможешь встретить пророков и сможешь, вступив на
 порог,
 Полный света, святилища вечный увидеть чертог.

Двух миров две стоянки, над миром оставленным рея,
 Ты пройдешь, человек, одного полувздоха быстрее.

Тот, кто глину твою преисполнил таинственных сил,
 Тот Каабу души в твое светлое сердце вместил.

Пусть же будет душа только пламенем сердца палима,
 Ведь непрочная плоть истлевает быстрее гилима.

Ветер глазу нарцисса весною дарует сурьму.
 Делать мед золотой не дано колдовскому уму?

Станет тело, поверь, лишь комками рассыпанной
 глины.

Но ведь сердце есть сердце. Его раскрывают глубины.

Рабски сердцу служи и взойдешь на возвышенный
 трон.

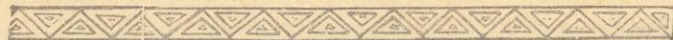
Власть найдешь над душою и разум захватишь в
 полон.

Размягчи свое сердце до мягкости мягкого меха,
 Хоть, как мускусу, жесткость для плоти твоей не
 помеха.

Для одежды своей выбирай только грубую ткань.
 По шелкам и узорам о людях судить перестань.

Жесткость кожи! Газелям она украшением служит.
 Потому-то для дружбы она утешением служит.

Мускус держится в жестком. Подумай-ка: будет ли
 толк,
 Если мускус рассыплется. Что ему нежащий шелк!²

Коль ты сахар, то помни, что выюк тебе в странствии
 нужен.
 Вверься ракушке ты, коль в тебе ценность чистых
 жемчужин.

Будь порою в стенаньях кровавым рубином зари
 И затем над зарею рассветом блаженным гори.³

Если тяжело трудиться ты станешь под пологом
 ночи, —
 На тебя благосклонные будут направлены очи.

Те достойные люди, что к далям намеченным шли,
 Только тяжким трудом достигали желанной земли.

Беды к людям приходят по воле великих пророков,
 Есть и в счастье беда. Много в мире неожиданных
 уроков.

Для влюбленных в себя раны тягостных бедствий —
 бальзам;
 Горечь — сладость вина. Это, думаю, знаешь ты сам.

К ценнымкладам приводят свирепые, злые драконы,⁴
 Что приводит к спокойствию? И беспокойство и стоны.

Со свободной души ты любую откидывай сеть,
 Будь горящей свечой, той, которой отрадно сгореть.

Беспокойны заботы, но их не встречай ты с тоскою;
 Беспокойны заботы, но все же приводят к покою.

Звездный рок над тобой — не всегда преисполнен
 он зла —
 Не завяжет узла, не распутав другого узла.⁵

В том свободном пути, что земные обходит ограды.
 Нашей скорби вожатый — всегдашний предтеча
 отрады.

ПОВЕСТЬ О СОБАКЕ, ОХОТНИКЕ И ЛИСИЦЕ

Жил охотник один. Был он зорек и знал он пути;
Он за дичью любой мог любую пустыню пройти.

Он собаку имел. Буйный бег ее собственной тени
Не догнал бы ее над простором песков и растений.

Были в страхе онагры, пред нею дрожал носорог,
Многомощных оленей сбивала порой она с ног.

И охотнику всюду была она в странствиях другом,
Дни и ночи была к ежечасным готова услугам.

К благодарности, к дружбе, казалось, звывала она —
Охраняла в ночи, днем еду добывала она.

Но подобная льву, скрылась где-то, — и горькие
мысли
Угнетали охотника: звери собаку загрызли.

Думал он: на путях, где судьба все имеет права,
Лапа верной собаки дорожке кудлатого льва.

Хоть в печали своей он, казалось, утрачивал душу,
Скорбь души он смирил. «Я терпенья, — сказал, —
не нарушу».

Он терпенья набрался, хоть был он горяч, и совсем
Он про дичь позабыл; не имел ее и на дирхем.

И лисица пришла и промолвила голосом лживым:
«Ты терпенья не знал, почему же ты стал терпеливым?»

Я слыхала, охотник, что пес твой прекрасный подход, —
Ты во здравии будь, если пес твой ужасный подход.

Он вчера, говорят, словно лев, поскакал на охоту,
Поскакал и пропал, и тебе он доставил заботу.

На тебя он как будто охотится ныне. Ну что ж!
Верно, месяца два ты печали о нем не уймешь.

Ну, вставай, за жарким ты направься к оленю иль
гуру;
Мясо съешь, а дервишу отдай ты ненужную шкуру.

Жирной снедью, о лев, ты недавно питался. Теперь
Мясом жирных лисиц наслаждаться не будешь.
Поверь!

В безопасности ты. Твоего не коснулось ли слуха
То, что жир этот — яд, что от жира бывает желтуха?

Ведь собаки уж нет. Ну, к чему твоя верность, к чему?
Ну, к чему твое горе, печали безмерность к чему?»

И охотник сказал: «Ночь, поверь мне, рассветом
чревата.
Грусть моя недолга: от восхода она до заката.

И доволен я тем, что живущим известно давно:
И печалям и радостям долгими быть не дано.

Что величье! Что рабство! Идет это все друг за другом,
Все на свете охвачено вечно крутящимся кругом.

Небеса и созвездья в размерном вращенье текут,
Дни удач и невзгод в быстром течении текут.

Хоть мы с сердцем грустим, я и сердце печалиться
рады,
Потому что печаль — предвещенье грядущей отрады.

И сошла эта капля, и влага возникла, и вот
В круговое движенье лазурный пошел небосвод.

Из текучей воды взвился прах, и случайность вот эта
Смесь твою создала, — и возник ты из мрака и света.

В путь поднявшись затем, ты из этой уйдешь
мастерской.
Ты — лишь прах, что поднимется где-то за синей
рекой.

О, блаженно то время, покуда на свете ты не был,
Был твой лик не начертан, и в смене столетий ты
не был.

Звездный взор небосвода ничто не желало привлечь,
Уши бедной земли еще нашу не слышали речь.

И покуда на землю еще не поставил ты ногу,
Бытие восхваляло пространства пустую дорогу.

Еще не были, знай, дни и ночи тобой тяжелы,
Силы жизни дремали, и были в то время не злы.

Сада мира колючки. И сроки безгорестно плыли,
И на легком пути еще не было тягостной пыли.

И лучам Близнецов было сладко сияньем играть.
Вы в сиянье, врачи, не могли нашу кровь отворять.³

Если месяц, плывя, становился на миг темноликим,
Не срамили его медным грохотом, шумом великим.⁴

И к Зухре на земле посрамление еще не пришло,
В колдовском Вавилоне Харута дремало крыло.

Не был ты на земле, и в лазурной ты не был пустыне.
Где-то с краю ты был, а тоска по тебе — в сердцевине.

И когда в этот мир образ кем-то ниспослан был твой,
О тебе небеса переполнились гулкой молвой.

Дурноглазым ты был для созвездий, что в сумраке
мрели,
И смятенье ты создал в плывущих светилах колыбели.

Еще дням и годам не известен был времени ход,
Но ты дал им название, повел их незыблемый счет.
Словно зеркало, был непорочный простор мирозданья,
Но его, о порочный, твое замутило дыханье.

И восход поднял ты, и повел ты его на закат,
Создал истину зорь и рассвет, что обманывал взгляд.⁵

Неразумному небу проклятий пошлю я немало:
Оно пояс служения людям зачем повязало?

Был на небе ты назван великим созданием души,
Но тебе, видно, льстили. Ты верить словам не спеши.

Злое горе! Венец головы человека дороже;
Пса дороже ошейник: осла — его торба. О, боже,

Сколько было бахвальства! В пустых и хвастливых
речах
Говорил бы о том, что весь мир — только горестный
прах.

Но весь мир ты отдашь за пригоршню размешанной
глины.
За обмазку для стен все отдать ты бы мог без
кручины.

Всю поверхность земли огорчать ты как будто бы рад,
Хоть бы ты под землю лежал, как припрятанный
клад!

Ты в безумье великом. Для разума всюду помеха
Из-за этих небес, — из-за серого цвета ореха.⁶

Чтобы ты, как орех, в тесной тьме навсегда не исчез,
Удались от ореха, от беличьих этих небес.

Ночь — не мягкий бобер, день не схож с белизной
горносталя,
Сутки — пестрая ласка, драконам подобная, злая.

Смелой кошкой не будь, не сердись, пестрой ласке
грозя,
С вероломною лаской тебе состязаться нельзя.

Лев являлся на берег. Опасно под сим небосводом,
Почему ж, как олень, к этим страшным приходишь ты
водам?

Если видишь вдали голубое сияние вод, —
Это марево влаги лукавый послал небосвод.

Ты коня не гони, не узнаешь ты радостной доли.
Оближи свои губы: ты видишь мерцание соли.

Чтобы жажды не знать, чти рассудка нелживый
кумир:
Коль гумно сожжено, ты припомни, что есть табашир.⁷

Перед тем, как Иосифом горестный жребий был
выпит,
Над колодцем своим он божественный видел Египет.

Ты пришел из лазури, но желтым твой сделался лик.
В этом темном колодце ты, жажда блага, поник.

Но был желтым твой лик, и ты к благам был полон
любви
Не затем, чтоб, тоскуя, свои ты насупливал брови.

Тосковал ты столетья, и ты от себя не таи,
Что в тоске этой древней — ничто эти брови твои.

Пред тобой семь столов, но припомни о смерти
Адама,
Ради райского хлеба терпеть нам не следует срама.

Если хочешь поджечь ты свое золотое гумно,
Если думать о рае с надеждой тебе не дано,

Устремляйся, спеша, поскачи по ристалищу смело;
Коль приказывать можешь, любое приказывай дело.

Два-три дня, что ты здесь, будь за чашей, иль мирно
дремли,
Иль вкушай в сладкой неге плоды благодатной земли.

Темный рок твой жесток. Он рукой прихотливой и
ловкой
Обвязал тебя слабо своей вековечной веревкой.

Хоть в колодках ступни, хоть согбен ты сидишь на
пиру,
Все еще ты сгораешь в своем же обильном жиру.

Хворост этой поварни (поварня ведь хворосту рада!),
Сам ты станешь жарким в судный день для несытого
ада.

Сколько в чреве твоём будет хлеба и сколько воды,
Станешь, легкий, тяжелым и тяжкой дождешься беды.

Если б длительно жадный земные свершал переходы,
Съевший множество яств мог бы жить бесконечные
годы.

Дни земные бегут, потому их цена высока,
Жизни ценится прелесть затем, что она коротка.

Ты прозри, человек! Ты не медли в усладе беспечной!
Муравью и пчеле уподобся в работе их вечной.

Тот, кто хочет, живя, каждый встретить безгорестно
час,
Запасается летом, зимой поедает запас.

В этом искусе жизни не всякий ли смертный — меняла,
Чьи сокровища хрупки и мельче смарагда и лала?

Нашим замыслам жадным грядущее знать не дано,
Что дано нам предвидеть? Лишь только мгновенье
одно.

Но стоянку мы знаем, и нас небосвод не обманет.
Вот стоянка твоя: размышление о том, что настанет.

Из живущих существ — а ведь их бесконечные тьмы,—
Размышлять о последствиях можем одни только мы.

Хоть минутной усладе, как сладостной жизни, мы рады,
Но умение предвидеть отрадней минутной услады.

Мы, познавшие сердце, чей пламень для нас запылал,
Мы добыты из глины, но все ж мы сверкающий лал.

Нам сиянье грядущего в реюющей мгле заблестало,
И о многом таймом душе нашей ведомо стало.

Прочитать мы смогли, хоть наш разум пределами
сжат,
Девяти звездных школ раскрывающий тайны абджад.²

Ты и я — только мы были высшим отмечены роком,
Ты и я — первый плод из садов, что на небе высоком.

Тот, кто прах твой месил, тот из лучших отобранных
трав,
Чтобы сердце возникло, целительный создал состав.

Прах твой с горечью смешан, но все же сокровищ
немало
В сердце праха таится. Они — постиженья начало.

Этот прах оцени. Ты о сердце людском не забудь.
Благодарность забыл. Благодарным и радостным будь.

Вот стоянка твоя. Ты скажи, все окрест озирая,
Как сюда ты пришел, как уйдешь ты из этого края?

Что скрывается в том, что из далей пришел ты сюда?
И куда ты уйдешь и зачем ты уйдешь навсегда?

В дни, когда на земле ты еще не томился, печален,³
И служил не тебе этот мир безнадежных развалин, —

Ты блаженство знавал, то, что знает лишь только
Хума,
Ты не знал в светлом небе, что где-то находится тьма.

И любовь твоя крылья в безмерную ширь раскрывала,
Но ведь вечность безмерная также предела не знала.

И, устав, ты спустился, покинув пустынную сень,
И на землю и на воду бросил крылатую тень.

И когда ты, мятежный, земными наскучишься снами,
Снова солнце захочешь узреть под своими стопами.

Но, забыв обо всем, от всего отказавшийся, ты
Вновь стремишься в безвестность. Твои беспокойны
мечты.

Быть в движение бессменно! Желать ты не хочешь
инного.
Ты свой путь забывал, и о нем позабудешь ты снова.

Ты и нищ и богат, и ладонь многощедра твоя,
Вечно новый, издревле идешь ты путем бытия.

Ты не чти эту землю — убийцу живущих на свете,
Ты покинь эту мать. Об отцовском ты помни завете.

Ты скажи, простодушный: «Тебе повинуюсь, Адам,
И, припомнив твой путь, по твоим поспешу я следам».

Ждешь покоя зачем? Что несет ожиданье такое?
В этой жизни земной мы не можем мечтать о покое.

Если б нашей алчбе краткой жизни сочувствовал миг,
Облик жизни растроченной вновь бы пред нами возник.

Погрусти и уйди — разве ты не из этой же глины?
Ты, что радостен здесь, иль грустить не нашел ты
причины?

Ну, кому ж небосвод молвил весело: «Радостен будь»?
Не тебе и не мне. Нет, о радости ты позабудь.

Мы на землю пришли, чтобы ведать невзгоды и беды,
В этот край мы пришли не для мирной и сладкой
беседы.

Мир продажи и купли! Он полон тревоги большой,
Полон вечной неверности, вечной клянусь я душой!

Почему ж ты грустишь и грустнее тебе год от года?
Хоть сюда ты пришел, но ведь время наступит ухода.

О, навеки, навеки нам эти печали даны:
Появленье, отбытье, в которых мы так не вольны!

Что ничто есть ничто, в этом, право, сомнения мало.
Бытие есть ничто — вот что душу печалью объяло.

Не спеши уходить, ведь сюда ты неспешно пришел,
В сеть недавно попал. Претерпи этот горестный дол.

Крикнут нам: «Проходи! Будь в аду или в светлом
эдеме».
И чекан наш изменят и выбьют на новом дирхеме.

Стародавнюю глину по-новому станут сбивать.
То, что было разбросано, собранным станет опять.

Дней грядущих побойся. Ты их-устыдись. Ты ведь ныне
Ничего не стыдишься в своей непустьинной пустыне.

Нам грозят испытанья. Об их одоление радей.
Посмотри, терпеливый: изранено сердце людей.

Только ветра есть конь в этой мертвой пустыне. И
только.
Только вера. Так будет и было доньше. И только.

В этом трудно пути все вперед погоняй ты коня,
Не кори неразумных, свое милосердье храня.

Вот старания зеркало. Твердо, в упорстве великом
Ты, глядясь в эту гладь, будь обрадован пламенным
лицом.

Ты покайся в грехах, им указом господним грозя,
И припомни о том, что судьбе покоряться нельзя.

ПОВЕСТЬ О ПОДВИЖНИКЕ, НАРУШИВШЕМ ЗАРОК

Некто, чтивший мечеть, был в беде неожиданной. Он
Стал с притонами темными в тяжелой тоске обручен.

Лил он в чашу вино, лил от глаз он обильные слезы,
«О, беда, — он стенал, — я возмездья предвижу
угрозы.

И ударит земля по лазури тяжелым ударом,
Небосвод ей ответит ударом и ловким и ярым.

И, пылая огнем, он ударит опять и опять,
Он захочет всю землю, удар за ударом, разъять.

Разорвет он свой плащ в этой смене гремящих
событий.

И жемчужины звезд разорвут свои светлые нити.

И падет небосвод, и земные взметет он поля,
И, крутясь в исступленье, поднимется кверху земля.

Небосвод и подлунную люди томить перестанут,
Под стопами людей все дороги пылить перестанут.

Вьсь не будет в заботах о людях и ночью и днем,
И забудет земля о безумном коварстве людском.

Будет стыдно созвездьям за то, что почтительны были
К малой горстке земли — к человеку, подобному пыли.

Как змея, небосвод изовьется лазурным кольцом,
Чтобы землю пожрать пред своим неизбежным концом.

Страждет печень земли: ей безмерно наскучили люди!
Да, одни только вы эту землю измучили, люди!

Почему же земля в этой чаше печали лежит?
Почему эта чаша, синяя, о смерти твердит?

Если вам же дано, в вашей скорби тревожной и бурной,
Этот прах ненадежный исторгнуть из чаши лазурной,—

То в потоках семи от нее вы омойте полу,
Чтобы стать непричастными черным невзгодам и злу.

Рвите рубище звезд вы с лазурных высот. Во
мгновенье
Зачеркните весь мир. Да настанет его разрушенье!

И под черной землей в быстрых звездах крутящийся
свод,
Не промедлив, укажет великих событий приход.

Для всего, что грядет, для прощений, для грозных
возмездий
Мы найдем указанье в круженье горящих созвездий.

Если голову рубят, она отлетает, — и вот
Уж готова земля в этот страшный и мрачный полет.

В черной ракушке неба немало жемчужин, но скрыла
Эта мгла в черном сердце грозящего нам крокодила.

Злая ракушка — небо. Не радость — ее жемчуга.
Звезды взор наш отводят: созвездья — лукавей врага.

Посмотревший на них, как на блеск непонятного чуда,
Как змея, прячет взор за зеленую мглу изумруда.

Да, прозрения мира у взора воздетого нет.
Сотни раз поглядит, знания все ж и от этого нет.

Путь в неведомый край ты всегда, человек, ненавидел,
Потому что глазами его — не своими ты видел.

Ноги только свои утомляй ты в нелегком пути;
Ведь нельзя по дорогам ногами чужими идти.

Пусть высоко взойдет, сыпя золото, мощный, но
хмура
Будет участь его: смертный час наступил и для Гура⁴.

Не закроешь ворота на улицу смерти; нельзя
Избежать ее кровли. Твоя неизбежна стезя.

Пребывай в этом доме, где заперты окна и двери,
Что на пользу болящим, по слову старинных поверий⁵.

Хочешь ведать о мире? Загадкой, совсем не простой,
Видишь небо и прах. Что томиться надеждой пустой?

Млечный Путь позабудь, хоть в безмерности так он
узорен.

Три зерна не сочтешь. Что сказать о бессметности зерен?

Водяным колесом купол неба поднялся, но ты^б,
Тесный круг оставляя, безмерной желай высоты.

Разум самый подвижный и самый пытливый и строгий
Пристыжен и смущен вечной тайной безвестной
дороги.

Размышленья бессильны: ты зорек, внимателен будь,
Разгадать попытайся для взора неведомый путь.

Ты за волосом каждым другой не разглядывай волоса
Все земное прими, иль разлуки послышится голос.

Коль тебе благодатное в звездной завидится мгле,
Станет грустно тебе оставаться на темной земле.

Мир. О, глиняный холм! Где тут верность и где тут
улада?
И глядеть на него вождедеющим взором не надо.

Для чего твой венец? Он сверкнет над поникнувшим
лбом,
В ярком поясе ты, но покорным ты станешь рабом.

Дарование каждое тяжкие слышит укоры,
Даже в сахаре яд. Посмотри, как сверкают узоры

Этих зорь. Погляди: яркий пурпур — пылающий ад.
Из поварни подземной на землю подняться он рад.

Месяц поднял светильник, но, нищий, сверкая над
миром,
Не своим он, а солнечным полон украденным жиром.

Влага облака, травам неся благодатный расцвет,
Кровь людей разбавляя, приносит им тягостный вред⁷.

Хоть вкушают у вод утешенье спокойные души,
Корабли знают беды вдали от спасительной суши.

Мастерская земная великих изъянов полна.
Посмотри, ведь она тяжких бед и обманов полна.

На пороки свои ты не смотришь, и людям порочным
Служишь зеркалом ты, перед ними поставленным,
точным.

Недостатки других не лови, словно зеркало. Ты
Помутишься, приняв отраженных пороков черты.

Что ж, доволен собой, ты своих не таишь недостатков?
Лучше всем покажи, что своих не хранишь
недостатков.

От пороков других ты поспешно глаза отведи,
На себя поглядев, от пороков своих отойди.

Всюду доблести скрыты, и всюду пороков немало,
Ты пороки забудь, чтоб достоинство видимо стало.

Разве яркий светильник не можешь найти ты в ночи?
Если сладостен день, то о вороне темном молчи.

Видя перья павлина, покрытые блеском, о строгий,
Разве можно твердить про его некрасивые ноги?

Перья ворона мрачны. Красив его блестящий взор.
Ты о перьях забудь. На глаза погляди ты в упор.

ПОВЕСТЬ ОБ ИСЕ

После многих дорог, по которым скитался Иса,
На базар неизвестный его привели небеса.

Там собака валялась; душа уже в ней не ютилась,
Как Юсуф из колодца, из мертвой она удалилась.

И прохожие люди — сказанья о том говорят —
Перед павшей стояли, как сумрачных коршунов ряд.

Молвил кто-то: «О тлен! Удивляться, приятели,
Что в наш мозг веет мраком пред нами лежащая
падаль?»^{надо ль,}

И добавил другой: «Здесь не только для разума мгла,
Мне глаза она жалит, и душу она мне сожгла».

Каждый песню пропел все того же печального лада,
Поношенье в ней было, и горечь была, и досада.

Но Иса понимал, что людская толпа не права,
И сказал не о мрачном — о светлом сказал он слова.

И сказал он, с красой сокровенной, невидимой дружен:
«Эти белые зубы, прекраснее светлых жемчужин».

Улыбнулись прохожие: мрака распался покров, —
И блеснули их зубы от света услышанных слов.

□ □ □

Ты других не кори и себя не считай без порока.
Опусти свои очи. В злоречии много ли прока!

Держишь зеркало ты, отраженье родное любя.
Ты разбей это зеркало. Надо ли славить себя?

Ты в наряде весеннем, стоишь ты с весельем во взоре.
Как бы время тебя не заметило в этом уборе!

Чтоб укрыть твой порок, чтоб от ангелов был он
вдали,
Девять синих завес милосердно тебя облекли.

Где в лазурном кругу утоленья найдешь и веселье?
Многозвездная цепь — не твое, человек, ожерелье.

Ты — не пес, не тебе предназначен ошейник Плеяд¹,
Ты — не ослик Исы, что же выюки тебя тяготят?

Небосвод — вдовий плащ; над земным он склоняется
лугом.
Что есть видимый мир? Это плод, пораженный недугом.

Мир, со всем, что придет, и со всем, что исчезло
давно, —
Преходящ. Это — малое, это — пустое зерно.

Горький мир ты вкушаешь, Хаджа! Разве есть в нем
услада?
Не с тобой Низами: для меня его больше не надо².

РЕЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ.
О НЕВЕРНОСТИ МИРА

Если все ты постиг, ты сверни многозвездный ковер.
Не для народов простерт этот синий неверный простор!

Пожеланья твои не исполнятся небом. Напрасно
С небом честно играть. Ведь лукавит оно ежечасно.

Ставить ногу свою на неверное море — зачем?
Кладь везти по волнам, предвещающим горе, — зачем?

Сокол утке сказал: «Как отраднo в степи!» — «До
свиданья, —
Так ответила утка, — нужны ль мне такие скитанья?»

Ты в печальной ладье. И, грустя, я того не таю,
Что поклажа твоя подготовит погибель твою.

Выкинь тягостный груз — ведь ладью он безжалостно
давит.

Не подав тебе хлеба, тебя он воде предоставит.

В этом хрупком сосуде — увы! — безопасности нет.
В этой кости, увы, мозга веры и властности нет.

Мир тебе не потатчик. С тобою идет он не в ногу.
От него отойди, отыщи ты иную дорогу.

Что на этом столе? Не напрасно ль он смертному
дан? —

Оскверненная чаша, унылый, пустой дастархан.

Ты на мир поглядишь, и твой рот он зашьет, негодуя.
Коль его укоришь, он язык твой сожжет, негодуя.

Паланкин его пуст, бубенцы хоть и радуют слух.
Чаша мира пуста, но над чашею множество мух.

Только малость испивший из чаши неверного пира
С головою, утонет в кольце ненадежного мира¹.

Жить в подобном селенье — твоя и беда и вина:
В нем смятение мысли и в нем — треволение сна.

Там, где нет бытия, там свою обретешь ты обитель.
Этот край ты покинь, о развалин обманчивых жителей!

Пусть над краем неверным встает и расходится дым.
В нем ведь станешь ты старым, не будешь всегда
молодым.

Что ты тянешься к миру, к нему простираешь ты руки?
Не тобой он рожден, и рожден он для горькой
разлуки

Этот мир зачеркни, и печали умчатся, как сон.
Ты покой обретешь, забыв о возвращенье времен.

В дальний путь ты идешь, так иди в этот путь
спозаранок.
Снедь в дорогу собирай, и собирай ты ее для стоянок².

В этой скудной пустыне, наполненной дэвами, — ад.
В ней сгорают от зноя, от жажды в ней души горят.

Жизни влага нужна, а пустынной что горестней доли?
В ней источником солнечным созданы области соли.

Как вино для неверных — ужасный ее солончак.
Не кебаб в ней находят, а взора недоброго мрак.

Нет в пустыне воды; от ее голубеющей соли,
Как вода, льется желчь человеческой скорби и боли.

По устрашающему сердце, по злomu, пустому пути
Караван человека спокойно не может идти.

В зное жаркой пустыни, где дэвы нас кружат упорно,
Сердце — в тесном кругу, но томлениям сердца
просторно.

Тот, кто к этой пустыне душою приладился, — тот
В своем сердце застывшем одну только горечь найдет.

Вся земля — словно ад. Ты, от страха на ней замирая,
Темный ад отстрани и достигни желанного рая.

Прах земной распадется, но время, живых не любя,
Шаг за шагом ступая, заране растопчет тебя.

И руками своими тебя оно вырвет из праха,
И тебя потеряет, куда-то метнувши с размаха.

Снова к праху вернется из праха исторгнутый прах.
Так зачем же по праху бредешь ты, как будто
вплотьмах?

Под подошвой своей никого не топчи ты, блуждая;
Мир подобных тебе растоптал без конца и без края.

В мир пришедший не может из мира души унести.
Ведь никто не узнал о безмерном, о тайном пути.

Так зачем же ступать по шипам, по колючим дорогам?
Лучше встать, и уйти, и не медлить в решении строгом.

Из ужасного края ты все же уйдешь. Не пойму,
Что же медлишь ты здесь? Почему не спешишь,
почему?

Мир — привал. Эту область считать вековечной не
надо.

Злую осень считать нам весною беспечной — не надо.

ПОВЕСТЬ О ПРОЗОРЛИВОМ МОБЕДЕ

Хиндустанский мобед в долгом странствии бросил
на сад.
Что увидел в пути, испытующий, пристальный взгляд.

Он увидел стоянку, рибат благоденственный, или
Целый край, где красоты прельщали людей и манили.

Здесь цветы, словно зори, раскинули радостный стан.
Здесь в неведение сладком дышал быстротленный
тюльпан.

И цветы, что роскошно являла очам луговина,
Были сладки, как сахар, душисты, как лучшие вина.

Перед острым шипом роза вскинула розовый щит
Возле ивы, что вечно от смутного страха дрожит.

Кудри нежной фиалки, арканами став, угрожали,
И нарциссы глаза, как дирхемы, вокруг рассыпали.

С жемчугами тюльпан, в бирюзе никнет роза. Одна
Им назначена участь: мгновенье зовется она.

Да, мгновенье одно! Красота их возникнет и канет.
Но никто не гадает о том, что с зарею настанет.

Удалился мобед: в отдаленный стремился он край;
Но, домой возвращаясь, вернулся в увиденный рай.

И не встретил он роз, соловьиной не слышал он трели...
Только вороны, каркая, с голых деревьев глядели.

Адам сделался рай. Знать, покинувши царственный дол,
Царь прекрасного замка во мрак синагоги ушел¹.

Ветви ждали огня и печей уж внимали угрозам.
Взор склонялся, грустя, лишь к вязанкам колючек,—
не к розам.

И, в дорогу спеша, надо всем посмеялся мобед.
Загрустил о себе не предвидевшем горестных бед.

Он сказал: «Все, что в мире, что жизни охвачено
пленом,
Постоянства не знает, подвластно одним переменам.

Все, что голову вскинет из темной земли, из воды,
Снова голову клонит в часы неизбежной беды.

Так как в мире земном все приводят пути
к разрушенью,
Подчинясь небесам, принужден я идти к разрушенью».

Он сказал: «Все от неба, и милости нету конца».
 И познал он себя, и познал он величье творца.

Он сыскал этот жемчуг, он жил этой светлою тайной.
 С этой тайной дошел он до жизни нездешней,
 бескрайной.

Мусульманин! Скажи, с гебром схож ли ты? Был
 он могуч.

Ты — источник, но капли не смог обрести ты из туч.

Ты с индусом сдружись, пусть душа его будет не сира.
 Ты из мира уйди; да не будет окрестного мира!

Долго ль будешь, скажи, своеволие свое ты являть,
 Гордо, в шапке и в поясе, к небу чело поднимать?

Встань, о прахе забудь: ты пред ним не склоняйся
 с любовью,
 Препоясался прах, чтоб твоею пожертвовать кровью.

Этот пояс и шапка — они ведь беда для любви,
 Их отдай за любовь, и любовь ты к себе призови.

То ты в шапке порою над прахом встаешь господином,
 То к любви, препоясан, стремишься рабом или сыном.

Господин или раб! Выбор сделай. Решеенье прими.
 Подражай Низами: он прогнал от себя Низами.

РЕЧЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. О ПРОЩАНИИ СО СТОЯНКОЙ ПРАХА

Распрощайся со днями. Разлуки надвинулся срок.
 Встань, вперед устремись; позабудь этот хитрый синок.

Ты построй государство, которое лучше земного.
 Дверь в иное раскрой, чтоб увидеть сиянье иного.

Ты и сердце и очи направь на единственный путь
 И, пролив свои слезы, в дороге о них не забудь.

Оросив эту глину, уйди в растворенную дверцу,
 И побегами жизни отраду доставишь ты сердцу.

Коль с верблюдом ты схож — запляши: ведь пустыня
 видна.
 Если нет — то дабу не бросай ты под ноги слона¹.

Нету друга с тобой, и печальнее ты год от года.
 Так в ничто удаляйся. Иного не сыщешь исхода.

Те, чей разум сверкал — сотрапезники наши, — ушли.
 С кем ты сядешь за пир? Те, что пенили чаши, ушли.

Хоть отрада и радость порою приносятся миром,
 Но, коль ты одинок, то каким ты утетишься пиром?

Целомудренным сердцем ищи, забывая о зле,
 Ты прозрачной воды на унылой и мрачной земле.

До исхода пути все, что было с тобою в избытке,
 Ты проходим раздай. Для чего тебе эти пожитки?

Без напрасного груза легко ты пойдешь по пути,
 И до нужной стоянки сумеешь ты скоро дойти.

Если ищешь ты сердце — взойти тебе на небо надо.
 В этом доме земном пред тобою повсюду преграда.

Ты прорвись на дорогу! Весь край поднебесный таков,
 Что сравнить его должно с сетями вседневных силков.

Разорви эту петлю, подобную петельке «мима»,
 И дорога иная тебе станет тотчас же зрима.

Берегись сотен звезд — их мишенью не сделайся ты.
 Не вверяйся во власть небосвода незримой черты.

Перейди за черту, где и дни пробегают и ночи,
Чтоб за этой чертой беспредельность увидели очи.

Сделай прочной тропу для движенья уверенных ног,
Чтобы быстро по ней к постиженью стремиться ты мог.

Ты, куда б ни пришел, не всегда предавайся доверью.
Дверь ты должен запомнить, чтоб этой не вышел же
дверью².

Должно зорко взирать, осторожно оглядывать путь,
Чтоб в расщелину ночью усталой ногой не скользнуть.

В наводнения час как же в кровле не сделать пролома,
Чтобы в должное время бежать из опасного дома?

Хитроумной лисице собачья повадка ясна,
Потому-то в норе два прохода прорыла она.

Но не знала она, что взирающий мрак небосвода
Уловляет лисиц и что нет им иного исхода.

Почему же ты весел? Отрады твоей не пойму.
Почему ты беспечен, беспечен во всем? Почему?

Ты промолви: «Стеная, пришел я в земную теснину,
И, стеная и плача, навеки я землю покину».

Если ты не исполнишь такой неизбежный завет,
Трудно будет душе покидать этот горестный свет.

Ты в пути, что душой после грустного пира увидел,
Оба мира отринь, ты ведь горести мира увидел.

Вниз не надо глядеть, чтобы путь не казался страшной,
И назад не гляди, чтоб тебе не страшиться теней.

Клады веры возьми, ведь в дороге не будет харчевен.
Воду глаз не забудь: путь безводен и путь многодневен.

Звездной ракушке неба жемчужину духа верни.
Будь свободен от праха, ты тяжести праха стряхни.

Там, в крутящейся выси, с тобой однородных немало,
И тебя превзошедших и звездам угодных — немало.

Но не надо враждой нарушать эту звездную тишь.
Почему небосвод ударять ты о землю спешишь?

Он ведь солнца щитом и мечами сиянья не в силах
Нам беду принести. Откажись же от мыслей унылых.

Он — веревка, что вьется. О нет, он совсем не змея.
Он — ничто. О, насколько любовь многомогущей твоя!

Почему ты грустишь над хрустальной чашей?
Во власти Ты ударить ее и разбить на мельчайшие части.

Те, что алчность не чтут и не могут пред золотом пасть,
Над врагом простирают своей добродетели власть.

Ты иди на врага с благосклонностью сердца упорной
И убей его светом, как тьму губит день благотворный

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ПОСПОРИВШИХ МУДРЕЦАХ

Жили двое мыслителей некогда в доме одном
И полны были гнева, поспорив о доме своем.

Долго спорили мудрые. С распреею не было слада.
«Хоть премудрость одна лишь — сказать о премудрости
надо.

Правды две не нужны: лишь одной пожелают внимать,
Две главы вознесутся, — одну не придется ли снять?

Для хранения двух сабель я кожаных ножен не видел.
Я ведь пир двух Джамшидов — ну как он возможен? —
не видел».

Двое мудрых твердили об этом не раз. Потому
И решили, что дом надлежит передать одному.

Каждый в схватке слепой был исполнен вражды
и упорен
И желал, чтобы дом стал удобен ему и просторен.

И однажды в ночи голоса возвышали они,
Будто клича людей, общий дом продавали они.

И решили мужи после спора пред самым рассветом,
Что друг друга они угостят ядовитым «шербетом»,

Чтоб узнать, кто сильнее и кто явит познание свое
И сумеет создать наиболее злое питье.

Тотчас разума два одному они отдали делу,
Будто два устремленья вручили единому телу.

Первый муж создал яд, потрудившись немало над ним.
Этот яд черный камень прожжет бы зловоньем своим.

И врагу подал враг свой состав и сказал: «Мой
напиток
Укрепляет все души, и сахара в нем презбыток».

А другой, эту чашу, влекущую в царство теней,
Выпив смело, сказал: «Только сладость я чувствовал
в ней».

Нуш-гия в нем таился; врагу причиняя досаду,
Прекратил бы он доступ любому смертельному яду.

Муж обжегся, как мошка, но тотчас он крылья раскрыл
И, как светоч сияя, к другим мудрецам поспешил.

На лугу, мимоходом сорвав темно-красную розу,
Он заклятье прочел, и подул на прекрасную розу.

И врагу ее дал. Словно скрытый заботливо яд
Лепестки ее нежные в пурпурной чаше таят.

Взяв заклятую розу, поддавшись безмерному страху,
Недруг взялся за сердце, и душу вручил он Аллаху.

Тот премудрый отраву из тела исторгнуть сумел,
А другой из-за розы подлунной покинул предел.

Друг мой, каждая роза, горящая пурпурным цветом,—
Капля крови людской, пурпур сердца. Ты помни об
этом,

Ты из сада времен: и весна и цветение ты,
Но ведь сад увядает; его отражение ты.

Острый камень всади в этот прах, взгроможденный
слоями.
Прахом воду осыпь, что подвешена кем-то над нами.

Эту воду покинь, эти марева злые забудь!
Ты над прахом взлети, от притона подалее будь.

Ты от месяца с солнцем свое отстрихни размышленье.
Ты убей их обоих, как их убивает затменье.

Златоблещущий месяц — его восхвалять я могу ль?—
На дорогах любви — человека смущающий гуль.

Небосвод, полный зла, наше утро признавший к ответу,
Из великого света привел тебя к этому свету.

Если светлого сердца услышишь благой ты совет,
То из этого света возьми его в канувший свет.

Слезы лей и мечтай, чтобы слезы надежды смывали
Все, что явлено людям на этой двухцветной скрижали.

Чтобы этой надеждой ты душу смущенную спас
В день Весов, в судный день, в неизбежный
торжественный час.

Укрепи свою руку, призвав благотворную веру,
Чтоб она на весах указала надежную меру.

Кто, печалась о вере, возносится в светлую даль,
Тот свободной душой забывает земную печаль.

Ты, чьей жажде к земле и подлунному миру я внемлю,
Ты мне веру отдай, а себе ты возьми эту землю.

РЕЧЬ ТРИНАДЦАТАЯ. О ПОРИЦАНИИ МИРА

Миру тысячи лет, тесен миром раскинутый стан,
В юность мира не верь, многокрасочность мира —
обман.

Схожий с юношей старец, исполненный темной угрозы,
Держит пламень в руке. Этот пламень ты принял за
розы.

Воды мира — лишь марево жаждой охваченных мест.
Что он сделал кыблой? Христианский неправедный
крест.

Скудны розы земли, но колючек на овете немало,
Небо розы земные всегда у людей отнимало.

Отрешись от всего, что тебя соблазняло года.
И, уйдя, унеси то, что сам же принес ты сюда.

Если кладь унесут в море судного дня, — нашу душу
Унесут, и она так же в море забудет про сушу.

Хочешь — деньги разбрасывай, хочешь — припрячь их
под спуд.
Все, что ты получил, все равно у тебя отберут.

Знаю: «Купля-продажа» — название этого света,
Пусть дает он одно, — но другое берет он за это.

Хоть разводится червь на листве, порождающий шелк,
Но ведь водится червь в сундуках, поедающий шелк.

В светоч масла подлив, чтобы ты не угас от нагара,
Как светильник, сжигай пышноцветную розу
Джафара¹.

Ты разбей эту плоть, эти девять ненужных дверей.
Шестигранного золота слитки забудь поскорей.

К ним рукой не тянись, ставь на них ты с презрением
ногу,
Чтоб никто не сказал, что к пожизне ведешь ты дорогу.

Ведь на золоте нет послушанья чекана, — итак
Нечестивое золото разве не тот же мышьяк?

Если золота блеск — беспокойной корысти причина,
Вспомни блеск золотой на хвосте у любого павлина.

Можно только железом блестящее золото брать,
Потому кузнецом должно каждого шаха назвать.

Только к золоту влекся могучий Карун и, не щедрый,
Потому-то был ввержен в земные, потайные недра.

Ведай: золото — груз, коль оно жадных мыслей огонь,
Коль оно под ногами, оно — твой оседланный конь.

Если золото взял, возвращать его разве приятно,
Для чего ж его брать, коль нести его надо обратно?

Целый мир ты возьмешь жаркой жадности властной
рукой,
От всего отказавшись, добудешь отрадный покой.

Если золото взял — разбросать его ты приготовься.
Но ведь было бы лучше не брать это золото вовсе.

Если золото копишь — в тебе восплаляется желчь.
Если золото тратишь — в тебе усмиряется желчь.

Посылают нам золото только восточные дали,
Знайте: «западным» люди его без причины назвали.

Там, на западе, в людях возвышенной щедрости нет,
На востоке же в щедрости видят отраду и свет.

То, что радостным утром подарит сиянье востока,
Запад вечером спрячет; дождавшись урочного срока.

Существо рудников только в золоте силу нашло,
Хоть безруки пернатые — им даровали крыло.

Хоть бы камнем дамасским проверено золото было,²
Хоть бы качеством лучшим оно ненасытных манило.

Это золото брось, разглядев его вечный изъян:
Хоть оно и сверкает, но это сверканье — обман.

Кто же был не обкраден вот этим блистательным
вором,
Не смущен этим гулем, снующим по нашим просторам?

ПОВЕСТЬ О ХАДЖИ И СУФИИ

Некий муж правоверный задумал к Каабе идти.
Приготовил он все, что должно пригодиться в пути.

Но один кошелек, из ниспосланных старцу всевышним,
Полный звонких динаров, хаджи показался излишним.

И подумал хаджи: «Некий суфий, святой человек,
Проживающий здесь, все мирское покинул навек.

Чует сердце мое: умиление в суфии этом,
Благонравье, и мир, и смирение в суфии этом».

И пошел он за ним, и привел его в дом, и извлек
Свой запас из ларца, и вручил он ему кошелек,

И сказал: «Сберегай ты под сенью безлюдного крова
Мой излишек. Вернись, — и кошель будет нужен мне
снова».

И хаджи вышел в путь, что идет всем паломникам
впрок,
Суфий принял кошель, чтобы целым вернуть его в срок.

Но помилуй, создатель! уж долгие годы динары
Насылали свои на нестойкого суфия чары.

И сказал он, смеясь: «Хороши мои стали дела.
Звал судьбу золотую, — судьба золотая пришла.

Стану золото тратить, ведь с ним наслаждение слито,
Как легко получил я богатство, творцом не забытый!»

Потянул он за узел, раскрыл он добротный кошель,
Стал он славить ночами и песни, и негу, и хмель.

Золотую мошну он истратил на радости чрева,
Раздобрел, насыщаясь под рокоты струн и напева.

Наложил пятерню он на звонкого золота жар.
Черный локон красавца обвил его, словно зуннар.

За деяньем худым совершал он худое деянье.
Разодрал он хырку — свой почет, не свое одеянье.

Всю добычу он съел, не оставил себе и тавра!
И жиров для лампы. И злая настала пора:

Возвратился хаджи. На индийца, влекомого к негам,
Он, как тюрк, нагрязнул, нагрязнул внезапным набегом.

Он сказал: «Эй, мудрец, принеси мне немедленно...» —
«Что?» —
Тот спросил. — «Да динары». — «Молчи, все динары —
ничто!»

Щедрым стань, о достойный! Настойчивость брось.
Ведь налога
Не взимают с развалин. У нищего стал ты порога.

Твой кошель опустел. Воздух в воздухе. Скорбный
бедняк
И тугой кошелек! Совместит их лишь только проstack

Кто посмел бы по-тюркски на тюркские мчаться
кибитки?!
Кто бы мог у индийца на время оставить пожитки?!

Столп достоинств моих и рукни искрометного шквал!²
Столп не выдержал, нет, он под тягостным грузом
упал».

С сотней возгласов буйных смеялся он, все раздавая.
С сотней стонов печальных он пал, о прощенье взывая.

Он стенал: «Я стыжусь! Да простит меня милость твоя.
Пусть неверным я был, мусульманином сделался я.

Мир не в вечном цветенье, с ущербом он горестным
смешан,
Но в ущербе твоём только я, заблудившийся, грешен».

И хаджи молвил бог грозным голосом судного дня:
«Он скорбит. Все прости, тяжкой злобы в душе не
храня».

И владелец динаров, услышавший бога, динары
Не хотел вспоминать. Мудрой щедрости понял он чары.

И подумал хаджи: «Я смирюсь. Я в убытке—ну что ж!
С неимущего шейха динаров своих не возьмешь.

У него ни зерна, у него нет иного залога,
Кроме веры в добро да надежды на милости бога.

Не богач этот суфий, он вечной нуждою томим,
Он имеет лишь «нет», лишь «алиф», что стоит вслед
за «мим».

И промолвил хаджи: «Если хочешь, я буду не строгим,
И проступок твой тяжкий не тяжким покажется
многим,

Но, притворщик, скажи: «Мне отшельником быть не
с руки», —³
И рукою своей ты чужие не трогай мешки.

Независтливых нет, вожделенный людских не измерить,
Горсти праха, о шейх, никому мы не можем доверить.

Прячь от дьявола веру. Храни этот клад, говорю,
Богдыхана запястье никто не дарует псарю⁴.

Если веру отдашь, на тебя не наложат ни пени,
Разоренным глупцом на последней ты станешь ступени.

Полон жара иди. Мир — стоянка, влекушая к злу.
Должный край ты найдешь, только веру держа за полу.

Небосвод не на нищих во мраке ночей нападает,
На большой караван, на вельмож, богачей нападает.

На дорогах грабитель он, грабить ему нипочем.
Помни: быть неимущим отрадней, чем быть богачом.

Постигая весь мир, проходя его многие доли,
Я узнал: из-за сладости ведают бедствия пчелы.

Горек лев. Но заранее стал он таким для чего?
Чтоб, когда он погибнет, зверье не съело его.

Ввысь стремится свеча и затем оседает, и хочет
Полнолунья луна, полнолунье же убыль пророчит.

Ветер борется с прахом, его ударяя сплеча,
Но в бессилье стихает, его понапрасну влача.

Разве водные птицы, скажи, догадаться могли бы,
Что цветные чешуйки являются бедствием рыбы?⁸

Те червонцы мои, что твою искушали нужду,
Стали зовом к молитвам, твою победили беду».

Чтоб сиять в чистоте, чтоб от нужд отказаться не
ложно, —
— Подражай Низами; проиграл ведь он все, что возможно.

РЕЧЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПОРИЦАНИЕ БЕСПЕЧНОСТИ

О довольный! Ты к миру, в спокойствии сладко,
привык.
Ты — осел на лугу, ты к кормушке склонившийся бык.

Что тебе это солнце, лазурных высот сердцевина,
Что тебе эта синь, эта выси просторной равнина!

Это только для тех, в чьем познание сияющий свет.
У незнающих мира — о нем помышления нет.

Подними же свой взор, не довольно ль ты тешился
дремой?!
Ты назначен идти по дороге, тебе незнакомой.

Почему же ты спишь, иль засада тебе не страшна?
Смертных, полных раздумья, всегда устрашала она.

Очи вскинь, рассмотри эти синие своды печали,
На ничтожность твою не они ли тебе указали?

Твой рассудок — старик, он рассеян. Предался он
снам.
Он тебя позабыл. Ну так что ж! Призови его сам.

Кто бы знал о тебе, если б разума свет величавый
О тебе не вещал? Только с ним и добился ты славы.

Разум светлый — мессия; всегда он к познанию вел.
Без него ты — погрязший в дорожную глину осел.¹

По дороге ума ты иди за сияющим светом
Иль домой возвратись и забудь о скитальчестве этом.

Не пьяни мирный разум, его на пирушках поя,
Разве соколом ловчим ты будешь кормить воробья?

Даже там, где вино восхваляется словом приветным,
Разум сделал его нелюбезным тебе и запретным.

О вино! В пьяной чаше людская качается честь,
Но припомни о том, что вино древней мудрости есть.

Хоть сжигает вино все земные печали, но все же
Не вкушай ты вина; ясный разум сожжет оно тоже.

Вина — разум лозы, но вкушать огневое вино
Для утехи души лишь одним неразумным дано.

Все желая постичь, не вкушай ты в томлении томном
То, что может все в мире таинственным сделать и
темным.

Неразумным считай человека, вкусившего то,
Что каламом неведенья все обращает в ничто.

Ослепи ты глаза всех мечтаний непрощенных, чтобы
Вправить ноги в колодки глупцам, устремленным в
трусобы.

Ты «алиф», что влюблен в свой высокий пленительный
стан,²
Ты безумною страстью к себе самому обуян.

Коль с «алифом» ты схож, — птицей будь, потерявшею
крылья
Ты склонись буквой «ба», своего не скрывая бессилья.

Украшая собранье, стоишь ты, «прекрасный алиф»,
И к себе ты влечешь благосклонности общей прилив.

Не подобься шипу, что в лазурь устремился спесиво,
Ты склонись кроткой розою: роза смиренна на диво.

Не стремись поиграть, будь разумен. Ведь ты не дитя.
Помни: дни пробегают, не вечно блеста и цвета.

День уходит, и радостных больше не будет мгновений.
Солнце юности гаснет, и длинные тянутся тени.

Это ведомо всем, — ведь когда удаляется день,
Все, что в мире, бросает свою удлиненную тень.

Чтить не следует тени, как чтут ее заросли сала.
Будь светильником: тень уничтожить сиянием надо.

Эту тень побори, а поборешь — и в этот же день
Твой порок от тебя мигом скроется, будто бы тень.³

Что сияет в тени? Чья во мраке таится основа?
Мы в тени трепетанье источника видим живого.⁴

О поднявший колени, в колени склонивший лицо,
В размысленье глубоком себя обративший в кольцо!

Солнце таз золотой на воскресшем зажгло небосклоне,
Чтоб омыть от себя ты свои смог бы тотчас ладони.⁵

Если в этом тазу будешь мыть ты одежду свою,
Из источника солнца в него наливавай ты струю.

Этот таз для мытья, на который приподнял я вежды,
Стал кровав, стал не чист от твоей заскорузлой
одежды.

От большого огня, что в тебе злые выжег следы,
В сердце жизни твоей не осталось ни капли воды.

Если плоть не чиста и томилась алканием страстным,
Что ж! Не всякое золото может быть самым
прекрасным.

Если каждый вещать будет только лишь истину рад,
То с утробой пустой ненасытный останется ад.

Прямота не защита пред холодом иль перед жаром,
Но прямой не сгорает в аду, в этом пламени яром.

Если будешь кривить, будешь роком подавлен ты злым.
Беспечален ты будешь, покуда ты будешь прямым.

Будь подобен весам, будь в деяниях точен, размерен.
Взвесив сердце свое, в верном сердце ты будешь
уверен.

Все крупинки, что ты будешь в жизни бегущей готов
Бросить в мир, их снимая с твоих благородных
весов, —

Обретут свое место, и страшное будет мгновенье:
Пред тобой их размечут в грохочущий день
воскресенья.

Надо всем, что ты прятал, суровый послышится глас.
Как немного ты роздал! Как много хранил про запас.

Так не трогай весов — все на них указывается строго —
Иль побольше раздай, а себе ты оставь лишь немного.

Стебель розы согнулся, и шип в эту розу проник.
Лишь своей прямою добывает усладу тростник.

Водрузи прямоту — это знамя, угодное богу.
И протянет он руки, склоняясь к тебе понемногу.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ-ПРИТЕСНИТЕЛЕ И ПРАВДИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил властитель один, был с людьми он безжалостно
строг.
Словно злобный Хаджадж, издеваться над всеми он
мог

Все, что ночь порождала, наследуя дню, — на рассвете
Открывалось царю. Все пред яростным были в ответе.

Неким утром к владыке явился один человек.
Был он зорче, чем утро. Учился он долгий свой век.

У луны хитрым играм, у зорь — появляться с доносом,
Он, с притворною злобой, горящей во взоре раскосом.

Прошептал: «Некий старец убийцею назвал тебя.
Он сказал, что ты правишь, людей неповинных губя».

И, пугая придворных своим изменившимся ликом,
Царь воскликнул: «Казнить!» И умолк он во гневе
великом.

Мат мгновенно постлали, песком весь посыпали мат,
Даже дэв, ужаснувшись, бежал бы из царских палат.

В тот же час от юнца старец злое узнал повеленье,
Услыхал он: «Владыка возвел на тебя обвиненье».

Омовенье свершив, в белом саване старец пошел
Во дворец, и пред ним засверкал величавый престол.

Царь, в решениях быстрый, потер свои руки, и очи
Опустил он на землю, и был он угрюмее ночи.

Молвил он: «Я слышал, что я очень прогневал тебя,
Ты твердишь, говорят, что я правлю, невинных губя

Ведь известно тебе, что мой суд — мудрый суд
Соломона,

Почему ж ты твердишь, что наш край полон плача
и стона?»

И ответил старик: «Говорил я, о царь, не во сне,
И сказал я не все, что известно доподлинно мне.

Всюду юные в страхе, и в страхе не каждый ли старый,
Городам и селеньям грозят беспрестанные кары.

Все пороки твои я собрал воедино, но я
Только зеркало. Я — лишь неправда и правда твоя.

Ты увидел, что образ, показанный зеркалом,—верен.
Иль сломаешь ты зеркало? Будь и во гневе умерен!

Светлой правды возжаждай, и жажду твою утолю,
Иль на шею мою повели ты накинуть петлю».

И правдивого старца такое бесстрашное слово
Смелой правдой своей образумило сердце цареву.

Вспомнил царь обо всем, что свершал он в
подвластном краю.

И, застигнутый правдой, он понял неправду свою.

И сказал: «С мудреца скиньте саван! Парчовым
халатом

Вы его облачите, парчу напитав ароматом».

И в царя с той поры пламень гнева и злобы утих,
Справедливым он стал, вспомнил подданных, **лекся**
о них.

И правдивого слова никто не скрывал, и невзгоды
Не томили правдивых, и мирные начались годы.

Ты не бойся погибнуть. Правдивым ты будь до конца.
Побеждает правдивый по воле благого творца.

Если будет правдивость всегдашней твоею повадкой,
Много горького скажешь: ведь правда не кажется
сладкой.

Если к речи правдивой сердца ты захочешь привлечь,
Вседержитель поддержит твою благотворную речь.

Знай: сияние правды душой Низами овладело,
И великою правдой его озаряется дело.

РЕЧЬ ПЯТНАДЦАТАЯ. ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

Небосвода завесу раздвинувши, некий игрок
К беспрестанной игре принуждает находчивый рок.

Весь в цимбалах ковер, плясунов же, как видно,
не стало.

В море — жемчуга тьма, да ловцов многоопытных
мало.¹

В небе сонмы дирхемов и много мечей и венцов.
Ниспослать их тебе небосвод благосклонный готов.

Если сильной душой пожелал бы ты крыл Гавриила,
Их тебе подарила бы дивная, высшая сила.

У нее столько кладов, что сколько бы ты ни унес,
Будет взорам казаться: их отблеск лишь только
возрос.

К дивным тайнам иди и дорогу осматривай строго.
В дверь кольцом постучи, ведь за нею прекрасного
много.

Этот в яхонтах путь, камень мудрости блещет на нем.
Все ты должен постичь, озаренный волшебным огнем.

Тут в руке дерзновенной калам обломился,—и стали
Все сокровища тайной: их синие ткани застлали.

Но в потайном саду каждый миг новый видится плод.
Он прекрасней прекрасных, он дивного лада оплот.

Нить горящих сердец, что в жемчужине этой
зардели, —

Ожерелье, что пламенной многих иных ожерелий.

Одаренных цени, а не тех, что желают прослыть.
Дичью быть для возвышенных — значит, возвышенным
быть.

Не в воде ли вся ракушка, все же нам ведомо: нужен
Только вес малой капли для лучшей из лучших
жемчужин.³

Нужно сердце кружить, нужно вихрям не ведать
конца,
Чтоб во тьме заприметить сверкающий камень венца.

Если знамя возникло и новым является зовом, —
Охранять это знамя, иди с этим знаменем новым.

Не разрушен еще многоцветного мира рибат,
И ковров не свернули: слова и напевы звучат.

Не кори этот мир, все прими иль с отрадой, иль кротко.
Иль узнаешь, как дьявол, что значит ременная плетка.

Если ты небосвода признать не желаешь права,
У ворот непризнанья поникнет твоя голова.

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ ЦАРЕВИЧЕ И ЕГО СТАРЫХ ВРАГАХ

Мне сказали однажды, что юный царевич вошел
В дальней области Мерва на старый отцовский
престол.

Как ему докучало вельможных наместников племя!
Был в смятенье весь край, словно вихрем летящее
время.

Были старые в споре с горячей его новизной.
Он в опасности был: старики управляли страной.

Размышляя о смуте, уснул он тревожною ночью,
И безвестного старца увидел он будто воочью.

Молвил старец: «О месяц, ты башню старинную срой,
Юный цвет! Не давай старой ветви сплетаться с тобой.

Чтоб цвело это царство, чтоб эти весенние доли
Озарил ты собой, чтобы взор твой не меркнул
веселый».

Шах подумал, проснувшись: « Совет полуночный
хорош».
И лишил прежней власти он многих старейших
вельмож.

Светлый сад он вознес надо всем обветшалым, суровым.
И при новом царе царство старое сделалось новым.

Разрушителям царства почета не следует знать.
О присяге забывшие надо войска разогнать.

Надо новым ветвям вскинуть головы. В чем же
преграда?
В устаревших ветвях. Отрубить всем им головы надо.

Коль не будет упор ненадежному берегу дан,
На сыпучем песке укрепиться не сможет платан.

Чтобы течь родникам, прорубить мы должны им
проходы.
Как иначе земля нам подарит подземные воды?

Есть в душе у тебя напитавший твой пламенный дух,
Есть советчик—твой разум,—к нему да склонится
твой слух!

Почему же ты медлишь, зачем же, внимая укорам,
Этот меч из ножен ты не вырвешь движением скорым?!

Может быть, с небосвода ты вниз не мгновенно
 падешь, —
 Но ты создан из праха и вниз непременно падешь.
 Сам себе не отрежь головы лезвиями гордыни!
 Стать побойся ногою на гребень подобной твердыни!
 Ты не птица, тебе недоступен высокий полет, —
 Только душу исторгнув из тела, достигнешь высот.
 С небосводом иди по высокой духовной дороге, —
 Дивно молвить! — тебе даже небо поклонится в ноги.
 Ты вином отравился — но в этом виновен ли яд?
 Ты проступок свершил: кто ж — судьба или ты —
 виноват?
 Добрый ты человек! Что судьбу попрекаешь? От века
 Зла судьба не творила за нас, — так вина человека.
 Постаралась судьба, проявила она мастерство,
 Чтобы в нас над пороком достоинствам дать
 торжество.
 Если сами с тобой деревенские мы простофили,
 На судьбу не напрасно ль взыскание мы наложили?
 Если цветом не чист, не всецело прозрачен рубин,
 В склад сокровищ его ни один не возьмет властелин.
 Много в мире камней, но таких обретается мало,
 Из которых родится багрец благородного лала.
 И жасмин и колючка — растенья. Хоть в этом их
 связь, —
 В глаз вопьется она, из него же готовится мазь.
 Если роза есть роза, она и без влаги фонтана
 Будет лить аромат, неизменно свежа и румяна.

Знаю сам, что от влаги прекрасней и мягче цветков,
 Но в жасмин обратить кто б колючку и плевелы мог?
 Если б был этот мир на ином установлен законе,
 То назад времена побежали б, за прошлым в погоне.
 Трудно счастья достигнуть, на это нам не дано сил.
 Хлеб едим ежедневно, — а много ль ты счастья вкусил?
 Кто несчастен — принижен, во власти беды неминучей,
 Ничего не боится попавший уверенно в случай.
 Тот, кто случаю верит, живет под счастливой звездой.
 Будь же счастьем рабом, где б ни встретилось счастье
 с тобой.
 Не метафора то, что ласкает могучего случай,
 Власть, что случай дает, — не тождественность слов
 и не случай.
 Тех держись, кто могуч, — и беды не изведает ты.
 И о нуждах насущных избегнешь тогда суеты.
 В уголке не сиди ты с какими-то нищими вместе.⁴
 Действуй в первом ряду ради славы и подлинной
 чести.
 Под четой Близицево для удачи родись ты на свет
 И орех расколи: обещает он счастье иль нет?⁵
 В дверь удачи стучась, ты пади на колени у входа.
 Узел низменных дел развяжи, — это будет свобода!
 Простодушна вода, что веселой волной притекла,
 Что к огню из страны, где узыстый алой, притекла.⁶
 Не делись своим сердцем, не следуй за сердцем
 всецело,
 Ведь обуза и так на пути твоём бременное тело.

Долго ль будешь ты руку протягивать к ветви иной:
«Мне бы счастья побольше, так мало испытано мной!»

Ты захватишь весь мир — и прекрасно! — но только
отчасти:
Ты из мира уйдешь — так зачем устремляешься к
власти?

Брось же алчность, — она преградила твой праведный
путь.
Нестяжанье над нею готово секирой взмахнуть.

Этот купола центр, бирюзой осененный небесной, —
Для тебя он широкий, для мыслей возвышенных —
тесный.

Или вовсе не думай и силой весь мир полони,
Иль возвышенной мыслью его от себя отгони!

В человеческом прахе совсем не осталось познания,
«Человека души» не осталось во всем мирозданье.

И в «скрижалях достоинств», в двух книгах писцов
девяти,⁷
Ни единого нет, кто бы к тайному мог подойти.

Знай, что недругу смысла не должно протягивать руки,
Знай, живая вода не находится в пасти гадюки.

Враг разумный — пускай твою душу он горем потряс—
Лучше друга, который в невежестве грубом погряз.

ПОВЕСТЬ О РАНЕНОМ РЕБЕНКЕ

На кремнистом дворе, где играла, смеясь, детвора,
Мальчик, навзничь упав, окровавил камень двора.

Был надломлен хребет от неловкого быстрого шага.
И, ребят утрашая, лежал неподвижно бедняга.

Детвора трепетала, не смела она и вздохнуть,
И у каждого мальчика стыла от ужаса грудь.

Друг упавшего молвил: «Как видно, ребята, придется
Нам припрятать его в глубь любого, чужого колодца.

Иль о том, что стряслось, догадается каждый глупец.
И что скажет, ребята, его разъяренный отец!»

Лишь один мальчуган, что с упавшим бранился порою,
Был разумен, — и он так промолвил пред всей
детворою:

«Нет, всем будет известно, что с ним были в этот мы
час,
И во всем обвинять будут старшие только лишь нас.

Я же с ним враждовал — мы ведь ссорились с ним то
и дело.
Все падет на меня!» И к отцу злополучному смело

Он пошел. Все сказал, словно в срок подоспевший
гонец.
И несчастному сыну помог поспешивший отец.

Полный мудрости будет во всяком деянье умелым,
И, ничем не смущенный, с любым он управится делом.

Кто поймет небосвод? Кто к всезвездному близок огню?
Только тот, кто свою на него опирает ступню.

Пусть безмерно движенье небесного звездного хода,
Но полет Низами превышает полет небосвода.

РЕЧЬ СЕМНАДЦАТАЯ.
О ПОКЛОНЕНИИ И УЕДИНЕНИИ

Не ревнивый о боге, своим пренебрегший уделом,
Пребывающий в скорби душевной и страждущий телом!

Говорящая «я» в оболочке земной заперта, —
Но безмолвствуй о тайне! Предел говорящей — уста.¹

Не охватывай мир, ибо ты не изгиб небосвода,
Не бери себе то, чем твоя не владеет природа.

Мир, единый и вечный, сильнее, чем наша рука,
Для земного безмена всемирная гиря тяжка.

Помни: веса горы от пылинки дорожной не требуй
И огня для казана от искры ничтожной не требуй.

Если пояс довольства немногим надел человек,
От служения плоти себя отрешил он навек.

Алчность в росты сужает тому, что и так обездолен,
В лучезарном венце — кто мирское отверг и доволен.

В этом узком проходе срезают воры кошельки, —
Так спокойнее тем, кошельки у которых легки.

Знатен ты и богат — так не сетуй, что голому больно.
А не хочешь — уйди, нищету избери добровольно.

Безбородый, в унынье, что волосы плохо растут,
Увидал, как друг друга за бороды двое дерут.

И сказал: «Хоть лицо у меня, как у жителя ада,
Я спокоен, и мне — безбородому — в этом награда».

Пользу вящую видели люди разумные в том,
Чтоб изведаль ты бедность, лишился бы вьюка с ослом.

И к духовным вратам, Иисусу подобно, проник бы,
Без осла и без вьюка конечной стоянки достиг бы.

Если ты мусульманин, то гебром и в мыслях не будь.
Ты пекись о душе и заботы о грубом забудь.

Хлынул гибели вал — о, скорее спасай свою душу!
В волны кладь побросай, торопись, устремляйся на
сушу!

Лучше с мозгом свободным в своем разорении стой,
Чем на пенистых гребнях подсакивать тыквой пустой.

Сан возвышенный в том, чтобы много не спать и
поститься.
Величайшее благо — с земным достояньем проститься.

Не стервятник же ты, ведь не станешь дохлятины
жрать, —
Стань же вороном — кровью не следует ног обогреть.²

Если ж ты обескровлен — как пишут тела на
картинах, —
В безопасности ты от свирепых когтей ястребиных.

Знай, что кровь — это печень, что стала жидка,
как вода,
Иль огонь посрамившийся, ставший водой от стыда.

Если в теле желаешь уменьшить давление крови,
Хоть железо ты сам, будь к удару его наготове.

Будь воздержан, но сразу привычку к еде не бросай.
Ешь всегда понемногу и кушанья впрок припасай.

Ест по милости лев и привычкою горд благородной,
Все — без толку притом — лишь огонь пожирает
бесплодный.

Круглым хлебом одним удовольствован день, —
потому
Стал он светом очей мудрецам, отвергающим тьму.³

Ночь же — та напилась заревого вина, охмелела:
Кровь сгустилась у ней, почернело нетрезвое тело.

Ум обжоры скудеет, ответа не даст на вопрос,
Сердце ж — словно осока, в нем око страдает от ос.⁴

Разум — та же душа, ей зиндан — твоё брeнное тело,
Меж сокровищ её талисман — твоё брeнное тело.

Свет хранилища тайн на тебя изольется ль теперь,
Коль ещё не разбит талисман, замыкающий дверь?

Мир земной ненадежен, и с ним разобщиться полезней,
Ненадежному миру скажи не колеблясь: «Исчезни!».

Если жизнь проведешь ты печальную в мире земном, —
Нет печали ему, да и ты не печалься о том.

Сыну негр говорил: «Что смеешься? Утратил ты разум:
Лучше слезы бы лил, что родился таким черномазым!»

Сын ответил ему: «В этом мире отчаялся я, —
Пусть на черном лице хоть сверкает улыбка моя!».

Смех на черном лице — необычного тут ничего нет:
Туча, если и черная, молнии все ж не заслонит.

Если ты не пленился узилищем брeнным своим,
Смело молнией стань и рассмейся над миром земным.

Всем известно: как сахар, улыбка сладка попугая,
Куропатка ж хохочет, сама себе рот затыкая.⁵

Если только развяжется твой не ко времени смех,
Лучше плакать начни, чем такой не ко времени смех.

В гореванье горенье со смехом во время горенья
Человеку и молнии жизнь превращает в мгновенье.⁶

Что в безрадостном смехе, подобном сторанью свечи?
Этот горестный смех ты обильно слезой омочи!

Если ты, рассмеявшись, начнешь обнаруживать зубы,
Поскорей спохватись и зубами прикусывай губы.

Плач для глаз не полезен, за частый, однако же, смех
Не похвалит никто, осужденье услышишь от всех.

Созерцаешь ты многое в мире, что старо и ново, —
Знай, что должная мера в дурном и в хорошем —
основа.

Встань, сперва погорюй, а веселью предайся потом, —
Есть потребность и в этом, бывает потребность и в том.

Слышны стоны и в сердце, веселостью светлой богатом,
День соседствует с ночью, жемчужина — с черным
агатом.

Нет счастливец, кого, лишь за то, что испил от воды,
По башке бы не треснули — долго ль дожждаться беды!

Хоть богат караван, колокольчик не радует слуха.
Если сахар возьмешь, непременно на сахаре — муха.⁷

Коль судьба твоя стала кормилицей мудрой твоей,
И в дурном и в хорошем предайся единственно ей.

Если укусу даст, не кипи, как вино молодое.
Помолчи! Может быть, ожидает тебя и благое.

Лишь устойчивый может дорогою шествовать сей.
В путешествии с Хызром попутчик один — Моисей.

Принужден выполнять ты желанье любого вельможи
Чтоб, подобно ему, в этом мире возвыситься тоже.

Только истинный друг, при несчастье о друге скорбя,
Устранит все ловушки и сам не покинет тебя.

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ И МЮРИДЕ

Как-то шествовал старец-подвижник пустынной
дорогой,
И мюриды при старце, и было мюридов премного.

Каждый думал из них, что от брэнного мира отвык.
И, чтоб их испытать, громко выпустил ветер старик.

Отмахнулись они рукавом, замелькали их ноги, —
Лишь один возле старца остался на пыльной дороге.

И сказал ему старец: «Один ты остался. Зачем?
Все другие ушли, — почему не сопутствуешь всем?»

«Будь жилищем тебе мое сердце! — мюрид отвечает, —
Прах от ног твоих, старче, пусть голову мне увенчает!»

Не принес меня ветер, решил я остаться с тобой, —
Из-за первого ж ветра могу ли расстаться с тобой?»

Всякий, ждущий подарка, уйдет, как подарок
получит, —
Принесенное ветром его же порыв улечит.

Быстро пыль подымается, быстро садится опять.
Это свойственно пыли: места постоянно менять.

Укреплялась гора на основе своей постепенно, —
Потому долговечна, на месте едином бессменно.

Тот лишь предан распутству, кто с божьего сбился
пути,
Может верности бремя один терпеливый нести.

Если ты не распутствуешь, бремя носи отреченья,
Бремя плотское сбрось, если ты не осел от рожденья.

Если ты не притворщик, слеза умиленья видна
У тебя на глазах, и смиренье твое — без пятна.

Благочестье в султанской одежде, расшитой богато,
Это — царь Соломон, мастеривший корзины когда-то.¹

Та свеча восковая, что золото сыплет во тьму, —
Это скрытый аскет, только сбросить бы роскошь ему.²

Благочестие ценно особенно в винном подвале.
Коль в развалине клад, то ценнее найдется одна ли.

Низами благочестье красою немалой блестит,
Но отшельника подвиг парчой златотканною скрыт.

РЕЧЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ. В ОСУЖДЕНИЕ ДВУЛИЧНЫХ

Вот фальшивомонетчики, — чтобы продолжить обман,
Для новейшей подделки они смастерили чекан.

Знай: у них и живот и спина из латуни дешевой.
От нечистой руки береги свое каждое слово.

Пред тобою они — лицемеры — открыты как день.
За спиной у тебя они скрытны, как темная тень.

Будто прямы как свечи, а спутанней веток алоэ.
Хоть наружность проста, да запутано в них основное.

В милосердьe откажут, насильно же волю дадут.
Недостатки считают и жалобам книгу ведут!

Научились любви, — про любовь им другие сказали.
Сколько злобы скопили — узлы на узлы навязали!

Горячи они, — все же прохладней, чем печени их.
Хоть живые, — мертвы и сердце холоднее своих.¹

Пробным камнем души не испытывай дружбу их ныне.
Ты как будто не пьян, — не скользи же ногою по глине.

Тайны им не вверяй: эти люди — что отгулы гор.
Бойся их клеветы, опасайся вступать в разговор.

Все они — болтуны, от тебя они ждут уваженья,
Все лишь выгод хотят, лишь свое укрепить положенье.

Ищем мира с двуличными, от нищеты присмирив, —
Но за эдакий мир да обрушит всевышний свой гнев!

Если в дружбу людей хоть немного корысти проникнет,
В тот же миг меж друзьями враждебное чувство
возникнет.

Если с виду и дружба, но каждый твердит про свое, —
Это ложная дружба, враждебность — основа ее.

Почему ты, о сахар, считаешься другом отравы?
Кто друзья твои, грех? Добродетель и добрые нравы.

Друг для близкого друга — как нежный целебный
бальзам.
Если ж это не так, перестань с ним беседовать сам.

Правда, с кошкой бывает, — но это зверей
недостаток! —
Что она от любви поедает своих же котят.

Если друг ты неложный, так накрепко тайну храни.
А предатели тайны — судьбы переменней они.

Все добиться хотят над тобой своего превосходства,
У тебя потихоньку похитить чекан производства.

Коль извне поглядеть, — будто дружбу с тобою ведут.
А как будешь в беде, сами с просьбой к тебе подойдут.

Если дружбу ты сам замечаешь в другом человеке
И отвергнешь ее — ты врага наживешь, и навеки.

Разве могут глаза в этом множестве друга найти?
Угадает лишь сердце, кто верность умеет блюсти.

Но хоть сердце одно, его много печалей печалит,
Вянет роза одна, но шипов ее тысячи жалит.

Много царств на земле — Фаридун же один меж царей,
Много смесей душистых — да мало мозгов у людей.²

Соблюдающих тайну не сыщешь и в целой вселенной,
Только сердце одно — вот поверенный твой
неизменный.

Если вверенной тайны не держит и сердце твое,
Как ты можешь хотеть, чтоб другие держали ее?

Коль уста твои тайну везде раззвонили не сами,
Как же стала она очевидной, как день над полями?

Тайну ты раззвонил, не сдержал ее в сердце своем, —
Что же, тайны свои выдает и бутылка с вином!

Все ж иметь сотоварища всякому в жизни придется, —
Не гони же того, кто с тобою дружить соберется.

Уж поскольку приходится в этом судилище жить,
Ты найди себе друга, с которым возможно дружить.

Но пока не узнал ты доподлинной сущности друга,
Тайн ему не вверяй, заболтавшись в минуту досуга.

ПОВЕСТЬ О ДЖАМШИДЕ И ЕГО ПРИБЛИЖЕННОМ

Был у шаха Джамшида один молодой приближенный,
Ближе месяца к солнцу, почетом от всех окруженный.

Так и жил он при шахе, и дело дошло до того,
Что из всех повелитель его выделял одного.

И поскольку его он особою мерою мерил,
Благородному сердцу сокровища тайны поверил.

И хоть юноши к шаху теснейшею близость была,
Шаха он избегал — так от лука стремится стрела.

Тайна сердце сверлила, недавно открытая шахом,
И о ней он молчал, руководствуясь божиим страхом.

Раз явилась старуха к нему. Удивительно ей,
Что тюльпаны его ее роз престарелых желтей.¹

Говорит: «Кипарис! Что ты вянешь? Испил ты водицы
Не простого ручья, ты напился из царской криницы.

Почему ж пожелтел? Никаких ты не терпишь обид.
Среди радости общей зачем же печален твой вид?

На лице молодом словно след долголетия и боли,
И тюльпаны твои уподобились желтофиоли?

Ты поверенный шаха, он сердце раскрыл пред тобой
Уподобься ему и лицо для веселья раскрой.

Благомилостив шах — и у поданных лица румяны.
А румянее всех у ревнителей шахской охраны».

Он старухе в ответ: «Неправа ты в сужденье своем,
Говоришь ты, не зная, что в сердце творится моем.

Мне такое страданье приносит мое же терпенье!
И лицо желтизной мне окрасило тоже терпенье.

Шах измерил меня недостойного мерой своей,
Шах со мной поделился, почтил меня верой своей.

Мне открытые тайны велики и необычайны,
Никому не могу я раскрыть те великие тайны.

Все ж от шаховой тайны не столь молчаливым я стал,¹
Чтоб о всяких делах вообще говорить перестал.

Но с тобою, старуха, не стану болтать и смеяться:
Птица тайн с языка неожиданно может сорваться.

Если тайна из сердца наружу не выйдет, тогда
Сердце пусть обливается кровью, теперь и всегда.

Если ж тайну раскрою, то счастья лишусь я всецело,
Клятву я преступлю — пропадет голова, и за дело».

Отвечала старуха: «Искать не пытайся в другом
Настоящего друга, — найдется в тебе лишь самом

Тем, кто всех откровенней, оказывать бойся доверье.
Даже собственной тени оказывать бойся доверье.

Лучше это лицо ты монетою желтой зови, —
Хуже всей голове потонуть по заслугам в крови».²

Часто слышится мне, как в ночи раз за разом,
Голова говорит языку: «Берегись! Осторожно!»^{тревожно}

Чтоб на плаху не лечь, свой язык ты не делай мечом.
Ты не день, — а лишь дню раскрывание тайн нипочем.

Коль завязан язык, человек беззаботен и весел, —
Только бешеный пес свой язык чуть не до земли свесил.

Благо будет тебе, коль удержишь под небом язык.
Хорошо, если меч не к ладони, а к ножнам привык.

Многим сроду известно, что это и мудро и верно, —
И беда голове, коль язык говорлив непомерно.

Если будешь фиалкой, чьим запахом каждый влеком,
То тебя обезглавят твоим же они языком.

Пусть в посудине рта он молчит, не мешая дыханью,
Чтоб потом голова не воскликнула «ах!» над лоханью.

Усладительна речь — все же накрепко губы зашей:
Забываться нельзя — за стеною немало ушей.

Слов не слушай дурных — надо ныне страдать
И молчи о дурном — надо ныне дружить с немотою,^{глухотою,}

Что бы ты ни писал, придержи осторожно калам.
Если пишет другой, ты язык свой завязывай сам.

Все смывай как вода, что услышать успел от другого.
Будь как зеркало нем: что увидел, об этом ни слова.

Что ревнивцу привиделось ночью, о том нипочем —
Хоть оно и чудно! — никому не расскажет он днем

Нет сомненья, что купол, сияющий звездами ночью,
Днем расскажет едва ли, что видел он за ночь воочью.

Если хочешь у звезд благодравью учиться, то днем
Разглашать не подумай, что в сумраке видел ночью.

О глубокая ночь! В ней сокровища мира таятся.
В ней премногих сердец драгоценности тайно хранятся.

Кто в заботе о главном несется, как молния скор,
Не расскажет другому, на чем остановится взор.

Чья ввыси голова за девятое небо выходит,
Мяч свой с поля игры как прямой победитель выводит.

Те глаза и язык, что с наружною жизнью дружны,
Словно лишняя кожа иль волос, — срезаться должны.³

Коль любовь за завесой становится чуду подобной,
То лишь выйдет наружу — и похотью станет
трущобной.⁴

Тайн господних суму только вере возможно соткать,
Но Трепальщика нить расщипали на хлопок опять.⁸

Тайн завесой облек свою душу цветок нераскрытый,
Но, разверзнув уста, погибает он, кровью залитый.⁵

Неужели ж такая доступна устам высота?
Повесть тайную сердца расскажут лишь сердца уста.

Миска сердца нужна, чтобы стали те кушанья любви.
Если ж попросту есть, обожжет тебе пламенем губы.

Есть души красноречье: оно и молчанье — одно.
Есть души поспешенье: оно промедленью равно.

Свет божественный сердца к тому лишь свой голос
направит,
Кто, предавшись молчанью, другим говорить
предоставит.

Сердца речи, которых в глубинах сердечных родник;
Не устам толковать, — передаст их лишь сердца язык.

Коль весельем души с Низами ты окажешься равным,
Будешь малым доволен и станешь владыкой
державным.

РЕЧЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. О ПРИЯТИИ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Посмотри, как хорош этот чинный придворный прием,¹
Как приятен для глаз — словно свет полнолунья
на нем.

Уж затеплены свечи, и полны подносы набата,
Уж воздвигнут и трон, и курильницы ждут аромата.

Ты, что веру покинул и к праху земному приник,
Стражи горних палат на тебя уже подняли крик.²

«Возвращайся» — кричат. — Возвращайся от двери
неверья!
Видишь царский шатер? Пребывай у его лишь
преддверья!»

Ты от марева мира, от зноя пустыни вскипел.
В день суда перечислят, что скрять ты при жизни
успел.

Пес от стужи дрожит, свирепеющий, скалит он зубы, —
А лисица умней — осторожна, не ходит без шубы.

В полный серую ад превращен этот пасмурный дол, —
Счастлив тот, кто скорее по этой юдоли прошел.

Накопи же слюну, как обычай велит нам примерный,
Плюнь в источник кипящий и жар загаси его серный.

То, что в долг получил ты, обратно отдай небесам,
Ведь из праха ты создан, и с прахом расстанься ты
сам.

Сбрось земное с себя, как доподлинный мастер, умело, —
Ты свободен еще и душа не ослабла для дела.

Кто на этом пути проявляет надменное «я»,
Нас ограбит с тобой на проезжем пути бытия.

Скорпионова ярость страшней, чем драконова злоба.
Первый скрыт, а второй на виду, хоть кусаются оба.

Дом весь полон воров — поскорее сокровища прячь,
А пустыня — злых духов: считай свои четки и плачь.

Те, кто сердца дорогу избрал для своих беззаконий,
Грабят наш караван на последнем его перегоне.

О, боюсь я той ночи, когда совершат свой набег
И, унизив тебя, из пустыни прогонят навек.

Хоть и мелок твой враг, но беда от него пребольшая:
Так не делай ошибки, беспечно свой путь совершая.

Крупно с мелким враждуй, мелкодушью его вопреки,
Если мелочен будешь, тебя разобьют на куски.

Муравей хоть и мал, муравья хоть ничтожна свленка,
Но коль львица беспечна, без глаза оставит он львенка.

До стоянки дошел караван подневольных рабов,
Нагруженный корабль неизбежных достиг берегов.

Чтоб тебя не видали, исчезни как греза ночная,
Чтоб не выгнали вон, утеки как струя водяная.

Не вступай в эту келью, подумай, в том будет ли
толк, —
Все равно ты обязан вернуть, что получено в долг.³

Если сам не уйдешь, все равно испытаешь страдания, —
Печень кровью наполнят, дневного лишат пропитанья.

Если не был благим из обители праха уход,
День и ночь, обращаясь, не стал бы сменять небосвод.⁴

Ты не жди, чтобы дэв разорвал тебе ворот одежды, —
Встань и к вере беги, возлагай на нее лишь надежды.

Чутким слухом внимай: шариат тебя кличет — туда.
Тела более нет — распрощайся же с ним навсегда.

Шариат — ветерок: с ним душа пусть уносится вместе.
Тело — прах: так оставь же его в этом низменном
месте.

Шариат тебе в руку вложил благовонный рейхан,
Не природе служи, — шариату, что свыше нам дан.

Не стремись ты, как ветер, к дверям человека любого,
Не миришься ты, как воздух, с дыханьем любого дурного.

Все здесь тени подобно, — но будь лучезарен как свет,
Если все ты обрел, отрешись поскорей от сует.

Сжало шею тебе, как ошейник, кольцо небосвода, —
Как же голову вызволишь? Ей ведь потребна свобода!

Он расскажет тебе про огромные своды свои
И поведаст повесть про древние годы свои.

Пред его глубиною тесна твоей жизни пещера,
Пред его стариною ничтожна годов твоих мера.

Не забудь, что молчаньем кончается речи поток,
И забвенью навеки — вот жизни конечный итог.

Но ты дышишь еще и, чтоб дольше дышать было
можно,
Лучше к двери любви подойди и стучись осторожно.

Потому что дышать вместе с падшими вроде тебя
Легче с этим вином, — тяжелее дышать не любя.

Никогда небеса не скроили кафтан без обмана:
Два отреза на шапки утянут всегда от кафтана!

Все, что делаешь ты, как неверный, враждующий с
добром, —
Знай припомнится все и запишется острым пером.

Для чего бы открыл ты величия дверь и блаженства?
Дверь откроют тебе неизбежно — и в этом равенство.

Помни, если насмешку таишь за завесою глаз,
Так же буду играть и с тобой, за завесой таясь.

Те, кто много живя, и дурного и доброго знали, —
Будь уверен, и твердо, — дурное одобряют едва ли.

Кто отправился в путь, тот невольно вниманье привлек:
Совершивший дурное тем самым уж выдал залог.

Будь красив он иль нет, — не сравняется с правым
неправый,
Как ушел ты из мира, с такой и останешься славой.

Коль растение в колючках, «колючкой» его и зовут.
Те, кто амброй торгует, торговцами амброй слывут.

Честен будь и правдив — это верная в жизни дорога, —
Чтоб потом не пришлось и себя устыдиться и бога.

Этот времени бег, истерзавший тебя, побеждай,
Камнем склянку разбей, где кровавые слезы по край.

Побивай ты камнем игрушку багряного цвета!
Зачеркни, чтобы буква исчезла злосчастная эта!

Ту свинцовую крепость своим сокруши кулаком,
На коня хутталянского смело усядься верхом.

Чтобы небо на горнем девятишатровом мимбаре
Прочитало хутбу о тебе, государь государей.

Бросить на поле знамя — поистине дело твое.
А поднять это знамя — поистине дело мое.

Я как ангел взнесен, хоть во мне и земная природа,
Я сраженье веду на другой стороне небосвода.⁵

Выше, нежели мой рост, непреложная ценность моя.
Вне окружности мира вращаюсь в кругах бытия.

Не вода я, но в море я волн устрашаю громады,
Не сова, но в земле я умею отыскивать клады.

С небом сходствую я, на сокровища ставлю пядь,
Неизбежно взошел на огромную я высоту.

ПОВЕСТЬ О ХАРУН АР-РАШИДЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

Срок настал для Харуна халифом назваться. В тот миг
Стяг потомков Аббаса небесного свода достиг.

Как-то в полночь, оставив жену и обитель ночлега
Вышел в баню Харун насладиться покоем и негой.

Б бани начал цирюльник властителю голову брить
И к досаде его много лишнего стал говорить:

«О, ты знаешь меня! Без наград мы уменя не тратим:
Отличи же меня, назови меня нынче же зятем!

Обрученье устрой, за меня, за раба своего,
Ты отдай свою дочь, что дороже мне мира всего».

От природы горячий, халиф раздражился сначала, —
Но уж чувство стыда его первую вспышку смягчало.

Он сказал: «От жары перегрелась, зная, печень его:
Он рехнулся с испуга при виде лица моего.

Если б был он в уме, так и вздору нести не пришлось
бы, —
Может только безумный такие высказывать просьбы».

Утром вновь испытал он слугу, но остался ни с чем:
Был все тем же чеканом чеканен фальшивый дирхем.¹

И не раз и не два подвергал он его испытаньям,
А цирюльник все тот же, все с тем же безумным
желаньем!

Так умом помраченный все дело вконец помрачил,
И то дело распутать дастуру халиф поручил.

Он дастуру сказал: «На меня с языка брадобрея
Вдруг свалилась печаль, — так узнай мою тайну
скорее.

Он считает достойным, чтоб я его зятем назвал!
Кто же так и учтивость и место свое забывал?

И язык его — бритва, и в правой руке его бритва!
Два клинка на меня: согласись, что неравная битва!

Каждый день, подвизаясь над высшей из царских
голов,
Мне кидает он в душу камня заносчивых слов!»

И ответил визирь: «Не смущайся, но истины ради
Испытай: может статься, стоит он ногами на кладе?»

Как появится с бритвой, цирюльника ты упреди:
«Здесь обычно стоишь, но сегодня туда перейди!»

Если будет спесив, так рубить ему голову надо.
Если ж нет — поищи, где стоял он, зарытого клада».

И, смиренной послушен природе, недавний «эмир»
Стал на новое место, как дал указанье везир.

И едва отошел он и встал в расстоянии некоем,
Показался халифу он вовсе другим человеком.

И совсем не болтает — как будто с завязанным ртом, —
И глаза и язык безупречно учтивы притом.

До тех пор, как цирюльник, обычного места держался,
Образ царственной власти в простецкой душе
отражался,

Но едва с того места сойти поспешил поскорей,
Стал цирюльником вновь — открывай себе лавку да
брей.

И халиф приказал, и вскопала то место лопата, —
И явились сокровища, скрытые в землю когда-то.

На сокровища став, что до срока таиться должны,
Всякий станет речист, отмыкает он двери казны.²

Но казна Низами всем открыта, кто ищет совета,
Грудь свободна от праха и сердце исполнено света.

РЕЧЬ ДВАДЦАТАЯ. О ЗАНОСЧИВОСТИ СОВРЕМЕННИКОВ

От себя мы самих отмахнулись, от жизни устали, —
Почему ж, утомленные, к праху земному пристали?

Пребывая средь праха, ты стал, как колючка,
в шипах, —
Дел подобных немало с живыми проделывал прах.

Жизнь успела пройти — среди вышедших из дому рано
Мы последними стали — отставшая часть каравана!

Покорили мы ангелов наших, им пути надев,¹
Ищет дружества с нами и сам обесславленный дэв.

Мы — что в бане котлы: горячи мы и холодны вместе;
Мы — что куча золы: горячи мы и холодны вместе.

Где же ясность души, где же сердца сияющий свет?
Где же отдых былой? Где спокойствие духа? Их нет!

Утро ночи темней, загорается черное пламя,
Меркнет утро души и его опускается знамя.

Беззаботности смех прерывается в наших устах,
Вожделение к жизни в душе разбивается в прах.

На ладони у праха создай себе силой волшебной
Средство душу спасти как-нибудь в суете непотребной.

Вылетай же скорей, разорви кровожадный силоч,
Человеку лукавство дано, чтоб он вырваться мог.

Пусть зубастее волк, но лукавством сильнее лисица:
Из ловушки сумела лукавая освободиться!

Знай свое назначенье и верности верным пребудь.
Брось себе поклоненье, Аллаху служить не забудь!

Прахом сердца ты стань, ибо верность лишь там
 обитает,
 Только в сердце одном справедливости роза
 возрастает.²

Если сердцем твоим добродетель тебе внушена,
 Одеванию верности краем послужит она.

В человеке возникнут едва лишь хорошие свойства, —
 Пропадут, если ты не похвалишь, хорошие свойства.

Но одобрил ты их — и становятся лучше тогда,
 И обильнее вдвое в ручье заструится вода.

Кто не чужд воспитанью, бывает другими воспитан,
 Коль на добрые свойства в ком-либо ином поглядит он.

Праху дать чистоту добродетель лишь может одна, —
 Только в прахе земном добродетель теперь не видна!

Ведь едва добродетель поднять свою голову сможет,
 На нее нечестивый немедленно руку наложит.

Добродетельных гонят, о жизни стоит уж вопрос!
 Каждый рад, если вред добродетели тоже нанес.

Коль подвижника видят, так это им только забавно.
 А раздумья считают горячкой страстей и подавно.

Имя щедрости назвали горстью убытка они,
 Полагают, что верный рабу даровому сродни.

Щедлость только посмешище их издевательствам
 вздорным,

Ими ясная речь именуется омутом черным.

Абрис верности их нарисован на тающем льду.³
 Даже солнце с луной эти люди хулят на ходу.

Если кто хоть на миг усладился бальзамом покоя,
 Он уж их уязвил, их лишает тем самым покоя.

Каждый с губ у другого отведаст сласти, а сам
 Опаршивевшим пальцем ему проведет по губам.

Людам с печенью плотной, подобной инжирине спелой,
 Подают они уксус, даваемый гроздьезу незрелой.⁴

Чтоб хорошее видеть, у них не имеется глаз,
 Но любые пороки готовы приметить тотчас.

В море много всего, но ничто не ценнее жемчужин:
 Если есть добродетель, иной уж прибиток не нужен.

Для слепого что капля — могучего Тигра струя,
 И нога саранчи тяжеленька для лап муравья.⁵

Двое-троекупают пороки, о почестях споря, —
 И порочный и праведный с ними натерпятсясгоря.

Сами в прахе они и душоюзчернее, чем прах,
 Горше всех огорчений, что носим мы в наших сердцах.

Станут дымом, едва до чьего-либоноса достанут,
 Лишь увидят светильник — и ветром немедленно
 станут.

Посмотри ты на мир, на устройство его посмотри:
 Кто в нем знатные люди, имущие власть главари?

Двое-трое порочных живут на позорище веку, —
 И наш век, и я сам через них превратился в калеку.

Только я — как луна, не разрушишь мою полноту:
 Мне ущерб нанесут — от ущерба еще возрасту.

Пусть хлопочут вовсю, только шахматы — трудное
 дело,

Вряд ли их плутовство небосвод обыграть бы сумело.

Хоть свежа моя речь, хоть духовного сада влажней,
Словно спутники Ноя, хулители реют над ней.

Знамя Хызра, развейся! Зови нас на поприще боя,
На священную брань! На неверных — с молитвами
Ноя!*

Что мне их нечестивость? Что сердцу поступки дурных?
Пропади, мое сердце, лишь только вспомнешь о них!

Нет предела их злу, их проступкам не видно
скончанья, —
Пусть же голосом громким мое им ответит молчанье!

Много стука в ларце, но жемчужина в нем лишь одна.
А наполнит он чрево — и будет в ларце тишина.

Громко булькает жбан, коль наполнена лишь половина.
А наполнится весь — и безмолвствует звонкая глина.

Если знания полон твой разум и ясности — дух,
Откажись от речей, превратись осмотрительно в слух.

ПОВЕСТЬ О СОЛОВЬЕ И СОКОЛЕ

Куст едва лишь зарделся весенним цветением роз,
Соловей неожиданно соколу задал вопрос:

«Ты все время безмолвен, ты самый из птиц
молчаливый, —
А в игре победил! Почему же такой ты счастливый?»

Только начал дышать, а уста уж безмолвьем связал,
Не случалось того, чтоб ты доброе слово сказал.

Ты живешь у султана Санджара, и дни твои сладки.
Утоляя свой голод, ты грудку когтишь куропатки.

Я же столько богатств в рудниках сокровенных таю,
Из-за пазухи вмиг сто жемчужин зараз достаю, —

Почему ж за червями гоняюсь я целыми днями
И жилище мое на ветвях между злыми шипами?»

Умный сокол отвечает: «В слух целиком обратись.
Молчалив я, как видишь, — молчанью и ты научись.

Знай, в житейских делах понемногу я стал господином:
Сотню делаю дел, но ни с кем не делюсь ни единым.

Уходи же! Тобой соблазнительный мир овладел.
Ты не делаешь дела, — болтаешь о тысяче дел.

Я живу для охот, я у шаха сижу на перчатке,
Если голоден, грудку я горной клюю куропатки.

Ведь ты весь обратился в трескучий язык, соловей, —
Так живи на колючках и ешь с голодухи червей!»

Если, чтя Фаридуна со славой его несказанной,
Возглашают хутбу, кто же слушает гром барабанный?

Если утро всего лишь — пронзительный крик петуха,
Это разве лишь на смех, и шутка такая плоха.

Наш о помощи крик небосводу внимать не угодно,
От его же кольца ни одна голова не свободна.

Не болтай о великих стихах, повторяй их в уме,
Или, как Низами, ты окажешься тоже в тюрьме.!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ

О писец, да пошлет тебе доброе утро аллах!
Вот я узником стал, как перо у поэта в руках.

Этот род стихотворства превыше небесного свода.
Дал стихам мой калам все цвета, что являет природа.

Я алмазы расплавил, единым желаньем горя,
Коль не сделать кинжал, то хоть ножик сковать для
царя.¹

Ибо в камне таилась руда для меча моих песен,
И кузнечный мой горн был для дела великого тесен.

Если б небо послало мне счастье, простив за грехи,
То полжизни своей не истратил бы я на стихи.

Сердце мне говорит, что я грех совершил в самом деле:
Под каламом моим этой книги листки почернели.

Здесь шатер новобрачных, и все, что таится внутри,
Под пером заблистало за три иль четыре зари.²

Вот шашлык из ягненка — что ж дым не глотаешь
и ныне?³
Что ты в вяленом мясе находишь, в сухой солонине?³

Так иди же и сделай неспешность своим ремеслом,
А начнешь размышлять — размышляй с просветленным
умом.

Если в слове моем отойти от добра — искушенье,
Это слово рукою сотри, я даю разрешение.

Если поднял я стяг, где не истина знанья, а ложь,
То и слово мое, и меня самого уничтожь.

Если б я полагал, что мои сочинения низки,
То по всем городам я не слал бы в подарок их списки.

Стихотворчеством скован, я в этой сию стороне,⁴
Но все стороны света охотно покорствуют мне.

И сказало мне время: «Ведь ты не земля, —
подвигайся!
Что беспрядко лежишь, как в пустыне земля?
Подвигайся!»

Я сказал: «Сокровеннейшим, девственным мыслям
моим
Не в чем выйти: по росту одежды не сделали им.»⁵

Есть лишь полукафтан до колен он доходит, не боле,
Потому-то, они на коленях стоят поневоле.

Им бы надо украсить нарядной одеждою стан,
Встать им было б прилично, забыли бы полукафтан».

Молодой или старый, в одном все окажутся правы:
Ничего до сих пор не добился я — разве лишь славы.

Ни волненья толпы, ни червонцев не вижу за труд, —
Знай торгуй на базаре! Добьешься ли большего тут?

Как петлею Гянджа захлестнула мне шею, однако,
Я, хоть петель не плел, покорию все богатства Ирака.⁶

«Эй ты, раб! — этот крик повсеместно был поднят
людьми. —
Что еще за Гянджа? И откуда и кто Низами?»

Богу слава за то, что дописана книга до точки
Прежде, нежели смерть отказала в последней отсрочке.

Низами эту книгу старался украсить как мог —
В драгоценных камнях утопил с головы и до ног.

Благодатно да будет, что щедрую россыпь жемчужин
Подношу я царю, что не менее с щедростью друзей.

Книгу птица пера в высоту от земли вознесла,
Над бумагою птица раскрыла два легких крыла.

Головою ступая, жемчужины с губ расточала:
О сокровищах тайн драгоценную книгу кончала.

Эту книгу пометить, чтоб верно судить о былом,
Надо первым раба и двадцать четвертым числом.

Пять веков пролетело со времени бегства пророка,
Года семьдесят два ты прибавишь для точности срока.¹

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

- ¹ Арабская формула, произносимая мусульманами перед началом любого дела.
- ² Эта строка содержит намек на известное предание о том, что пророк Мухаммед во время вознесения к Аллаху заметил на девятом небе величественный дворец с закрытыми дверями. Он спросил у архангела Гавриила, что это за дворец, и услышал в ответ: «Это сокровищница, находящаяся под престолом Аллаха и ключ к ней — язык поэтов». Иными словами, творения поэтов здесь сравниваются с божественной сокровищницей.
- ³ Калам — тростниковое перо. Согласно мусульманской теософии, Аллах изобразил на хранимой у него скрижали (лаухи-махфуз) план и судьбу будущей вселенной.
- ⁴ Имеются в виду пророки. Т. е. даже пророки не в состоянии постичь безбрежности знаний и могущества бога.
- ⁵ Под «разоренными деревьями» Низами подразумевает обитаемую часть земли, бранный, неустроенный мир, который терзают противоречия.
- ⁶ Имеются в виду семь обитаемых поясов земли.
- ⁷ Под «белым» и «черным» подразумеваются день и ночь. Одеяние солнца уподоблено кабе (кафтону), а луны — джуббе (халату).
- ⁸ Хызр — см. *Словарь*. Смысл бейта: Творец создал тучи из морских испарений, а на лугах заставил течь реки с чистой водой.
- ⁹ Утренняя чаша — солнечные лучи.
- ¹⁰ Смысл бейта: земля страдала от суровых ветров, сердце ее обливалось кровью; Создатель вложил эту кровь в сердце яхонта, и поэтому последний обрел свой багровый цвет.
- ¹¹ Под «завесой» подразумеваются веки. Вторая строка двуступия в оригинале является перефразировкой следующего стиха Корана: «Пусть же посмотрит человек, из чего он создан, он создан из воды изливающейся».
- ¹² Имеется в виду 119-й стих 20-й главы Корана «...И ослушался Адам Господа своего и сбился с пути».

- ¹⁴ В оригинале буквально сказано «А месячную кровь розы он отмыл весенними облаками». Т. е. после весенних дождей красные розы стали бледней.
- ¹⁵ Смысл бейта: Светом звезд творец смыл мрак с воздуха и подарил травам благоухание.
- ¹⁶ Венера (см. *Зухра*) считалась покровительницей музыки, искусств.
- ¹⁷ В оригинале буквально сказано: «Пупок ноги — из продавцов Его мускуса. Новая луна из Его рабынь с кольцом в ушах». Пупок в классической восточной поэзии символизировал благоухание, ибо благовоный мускус добывали из желез, находящихся в пупке кабарги (мускусного быка). Смысл бейта: Творец дарует миру столько благоухания, что весенние ароматные ночи являются слугами, разносящими его благовоныя.
- ¹⁸ В оригинале сказано:

Голова речи у которой руки [очень] длинны,
Разбилась о камень у его чертога.

Т. е. даже речь, слово, быстро распространяющиеся по свету, бес-
сильны передать сущность божества.

- ¹⁹ В оригинале читаем:

Все, кто сошел с кончика его циркуля,
Подобно луне, ищут его.

Т. е. все ищут бога, подобно луне, которая тоже непрерывно стра-
ствует по небосводу в поисках его.

- ²⁰ В оригинале сказано: «восседающие у Лотоса». Лотос (Кедр) — ми-
фическое дерево, упоминаемое в Коране (*сидр, сидрат, ал-мунтах*),
растущее на седьмом небе у божественного престола. Восседающие
у Лотоса — ангелы, архангелы.
- ²¹ В оригинале этот бейт представлен буквально так:

У избранных для Его даров перехватывает
дыханье,
У гонцов, шествующих [по пути к Нему],
ноги связаны.

В двустипхии выражена мысль о том, что даже избранные (возвести-
тели божьи) не могут проникнуть в сущность Творца.

- ²² Под «зернышком» Низами имеет в виду сердце — средоточие самых
возвышенных чувств и мыслей, символ духовного начала в человеке.
- ²³ В оригинале буквально сказано:

Благословенная Им земля (прах) Низами —
Поле, усеянное семенами Его единобожия.

Т. е. благословенная Богом родина Низами (Гянджа) цветет, как
поле, на котором щедро взошли семена истинной веры.

ПЕРВОЕ МОЛЕНИЕ
О НАКАЗАНИИ И ГНЕВЕ БОЖИЕМ

- ¹ Имеется в виду восклицание «Я — истина» (т. е. «Я — бог»), припи-
сываемое известному суфию X в. Халладжу, который был за это
жестко казнен.
- ² Кравчий ночи — луна.
- ³ Т. е. видимый мир, вселенная служат завесой, скрывающей облик
Творца. Поэт просит бога явиться, сбросив завесу, даже если для
этого придется уничтожить (свернуть) самого поэта.
- ⁴ В тексте оригинала сказано «блуждающих во тьме», т. е. огнепоклон-
ников, пребывающих во тьме своего невежества. Во втором бейте,
неточно переданном в переводе, поэт призывает Аллаха уничтожить
(удалить от внешних свойств) так называемых «субстанционали-
стов», утверждающих, что Аллах имеет человеческий образ.
- ⁵ Шестиугольный столбик — земля с ее шестью сторонами (север, юг,
восток, запад, верх и низ). Мимбар (минбар) — кафедра в мечети,
откуда возглашали проповеди. Под «девятиножным мимбаром» име-
ются в виду девять небес.
В последующих бейтах поэт призывает Творца уничтожить все, что
есть на земле и небесах, и приблизить день Страшного суда.
- ⁶ В средневековой восточной поэзии это метафорическое выражение сим-
волизировало покорность, смирение. Здесь пыль (прах) под ногами
творца сравнивается с сурьмой (или *тутией*), которые, по тогдаш-
ним представлениям, улучшали зрение, исцеляли от глазных бо-
лезней.
- ⁷ Лотос — см. выше. В оригинале этот бейт буквально гласит:

Стебли лилии, являющиеся твоими светильниками,
Превратились целиком в язык, славящий тебя.

ВТОРОЕ МОЛЕНИЕ.
О МИЛОСЕРДИИ И ВСЕПРОЩЕНИИ БОЖИЕМ

- ¹ Кольца в ушах в те времена носили рабы. Кольцо на двери — желе-
зное, кольцо крепившееся на воротах, чтобы вызывать хозяина стуком.
- ² Хадисы — изречения, приписываемые пророку Мухаммеду. Текст дан-
ного изречения гласит: «Кто познал Аллаха, тот целиком стал
языком».
- ³ Сумма числовых значений имени Низами составляет цифру 1001. У
Аллаха столько же имен-эпитетов. Поэт хочет сказать, что он поль-
зуется особым покровительством Аллаха, о чем свидетельствует это
символическое совпадение.

В ПОХВАЛУ БЛАГОРОДНЕЙШЕГО ПОСЛАННИКА

- ¹ В этом и последующих бейтах говорится о начертании Аллахом имени пророка. «Ахмад» — синоним имени «Мухаммед», что означает «прославленный». «Алиф», «ха(й)», «дал(ь)», «мим» — буквы арабского алфавита, из которых складывается имя «Ахмад».
- ² Полностью этот хадис гласит: «Я был пророком, когда еще Адам был глиной и водой». Согласно учению ислама, Мухаммед был создан раньше прародителя людей Адама, но он явился в мир после всех пророков, ибо после него других пророков не будет.
- ³ По мусульманскому учению, тем, кто совершает паломничество в Мекку, а оттуда в Медину, к гробнице пророка, отпускаются грехи. Здесь содержится намек на уход Мухаммеда и его сторонников в сентябре 621 г. в г. Медину. Впоследствии между сторонниками Мухаммеда и мекканцами произошла битва, в которой последние были разгромлены, а соратники Мухаммеда захватили богатую добычу.
- ⁴ Иными словами, многие поэты до Низами уже успели красноречиво воспеть вознесение пророка, и ему пришлось, как прислужнику, нести попоны их коней.

О ВОЗНЕСЕНИИ ПРОРОКА

- ¹ Вознесение пророка (мирадж) — описано в 53-й главе Корана. Собственно вознесению Мухаммеда посвящено всего 18 стихов, основное содержание которых сводится к тому, что «...вот он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и спустился, и видел он Его при другом нисхождении у лотоса крайнего предела» (Коран, с. 420). Впоследствии вокруг этих стихов Корана создана обширная литература, согласно которой Мухаммед совершил свое вознесение на мифическом коне Бураке (см. *Словарь*) вне времени — «вода опрокинутого его ногой кувшина не успела вылиться», — но за этот миг Мухаммед оставил материальный мир, преодолел девять небес и достиг обители Господа, встретился с ним и вернулся обратно. Описание вознесения пророка, так же, как и славословие Аллаха, было одним из обязательных элементов структуры средневековых восточных поэм. Низами всегда соблюдал это требование, обнаруживая при этом блестящие познания в области тогдашней астрономии.
- ² У божественной птицы — у души.
- ³ Т. е. он поднялся выше той ступени, которая была сферой обитания ангелов и архангелов.
- ⁴ В оригинале — сложная метафорическая фигура. Небесный бык — созвездие Тельца. Земной бык — который пасется в подземном царстве, по поверью, освещает себе дорогу жемчужиной, находящейся у него в ноздрях. Пророк сравнивается с указанной жемчужиной,

- которую небесный бык — Телец похитил у земного быка, и он в один миг оказался рядом с Тельцом.
- ⁵ Здесь Низами обыгрывает лексические и этимологические значения названий созвездий. Персидско-арабские названия Плеяд, Девы и Льва соответственно означают: 1) Хуша — кисть, гроздь, колос; 2) Сунбула — колос; 3) Асад — лев. Смысл бейта в оригинале: Гроздь бросила колос Льву; Плеяды от появления Пророка ярко засияли, пришли в экстаз и отбросили созвездие Девы на Льва.
- ⁶ Смысл этого и последующего бейтов: Венера, расположенная в созвездии Весов, взяла весы и начала взвешивать эту ночь, но вес ее с приходом пророка так возрос, что оказался тяжелее самих Весов.
- ⁷ В оригинале буквально сказано: «Он пролил противоядие из [своего] тимьянного благоухания». В средневековой медицине настойка тимьяна использовалась в качестве противоядия против укуса скорпиона.
- ⁸ В оригинале сложная игра слов, связанная с именами Иосифа, Ионы, названием созвездия Водолея и др. Во время вознесения пророка Солнце находилось в созвездии Водолея, которое было на небе неподалеку от созвездия Рыб — символа дождливости и влаги. Иосиф Прекрасный [см. *Словарь*], герой известной библейской легенды, по преданию, был брошен в колодец завистливыми братьями, и его вытащили оттуда случайные путники кожаным ведром для вычерпывания воды (водолеем). Иона (см. *Словарь*) — библейский персонаж, который, по легенде, побывал во чреве кита. Поэт обыгрывает здесь омонимию слова «кит», которое обозначает также созвездие Рыбы. Таким образом, смысл двустичия после расшифровки таков: Мухаммед, подобно Солнцу в начале весны, прекрасный, как Иосиф Прекрасный, оказался в созвездии Водолея, как Иосиф в колодезе (Кладезе), а оттуда, подобно Ионе, перебрался во чрево кита — созвездие Рыбы.
- ⁹ Вечный лотос предела — см. выше. В оригинале эта строка выглядит так: «Лотос (кедр) стал [вровень] с грудью его рубашки».
- ¹⁰ В стихе 17 главы 53-й Корана, где описывается вознесение пророка, буквально сказано: «Не уклонилося его зрение и не зашло далеко». Смысл двустичия: Очи пророка, подобные нарциссам, даже не взглянули на чудеса открывшегося перед ним райского цветника, так как он всеми помыслами был устремлен только к Аллаху.
- ¹¹ Здесь и далее поэт дает понять, что свидание пророка с Аллахом происходило не в материальном, а в духовном плане.
- ¹² «А-лям» — криптограмма, с которой начинаются некоторые главы Корана. Точный смысл ее неизвестен.
- ¹³ В оригинале буквально сказано:

Созерцать его можно без субстанции и формы,
Ибо он стоит выше субстанции и формы.

Здесь, как и в других бейтах этой главы, поэт выступает против воззрений субстанционалистов (антропоморфистов), утверждавших, что

Аллах имеет образ, что он подобен некоему сверхчеловеку, что он создал людей по своему образу и подобию. Этот вопрос был предметом ожесточенных схоластических споров в эпоху Низами.

- ¹⁴ А здесь Низами выступает против концепции секты мутазилитов, утверждавших, что Аллаха вообще невозможно узреть, ибо он не имеет конкретного образа и формы.
- ¹⁵ Этот и последующий бейты по смыслу плохо согласуются с предыдущими и даже прямо противоречат им. Не исключено, что они представляют интерполяцию, или же искажены последующими переписчиками.
- ¹⁶ Т. е. возвратясь на землю.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

- ¹ Торока — ремни, которыми закреплялся груз на вьючном животном. Слуги и рабы, сопровождавшие караван, шли, держась за торока. Отсюда «держаться за торока» — символ безропотного служения, рабства.
- ² В оригинале обыгрывается неполная омонимичность слов «сунбул» (гниацит, колос) и «Сунбула» (созвездие Девы). В классической восточной поэзии с гниацитами сравнивали красивые локоны. Смысл бейта: Его блестящие, сияющие кудри, в отличие от созвездия Девы, светят и днем.
- ³ Как явствует из жизнеописания Мухаммеда, во время сражения между его сторонниками и мекканцами в 625 г. у горы Ухуб зуб пророка был выбит камнем, пущенным из пращи. Здесь и в последующих бейтах поэт развивает эту тему.
- ⁴ Меланхолию (черную болезнь) в средневековой медицине лечили «муфаррихом» — снадобьем, в состав которого входил толченый рубин. В оригинале — сложная метафорическая фигура, где алые губы пророка уподобляются рубинам, зубы — жемчугам, а смысл всего бейта таков: «Камень, выбивший зуб пророка, страдал черной меланхолией и, чтобы излечиться, он устремился к чудесному снадобью (муфарриху), т. е. к губам пророка.
- ⁵ Здесь розы и четки (в оригинале — бисер) символизируют истинную веру, змея и колючки — неверие, ересь.

ВОСХВАЛЕНИЕ ВТОРОЕ

- ¹ Имеется в виду возглас «Да станет твоей жертвой мой дух!», с которыми бросались в битву ревностные сторонники ислама.
- ² Если у слова «захмат» (страдание) снять одну диакритическую точку с начальной буквы, то получится слово «рахмат» (милосердие, сострадание).

- ¹ Имеется в виду гробница Мухаммеда в Медине, которая наполняет благоуханием всю Аравию (в оригинале — «просторы того края»).
- ² Царь Соломон (см.) или Сулейман, один из легендарных библейских пророков, обладал, согласно преданию, властью над всем живым, а также над стихиями. По его желанию ветер веял над его садами и цветниками, наполняя окрестность благоуханием.
- ³ Основу ислама составляют собственно не четыре, а пять «столпов» (основ веры): 1) свидетельство о единстве Аллаха и о том, что Мухаммед его пророк; 2) молитва; 3) пост; 4) обязательная милостыня и 5) паломничество в Мекку. Здесь опущена первая основа, т. е. она подразумевается как нечто само собой разумеющееся. Ноубаты, с которыми сравниваются пятикратные молитвы — одна из основ ислама — это игра оркестра (литавры, барабан, трубы) перед дворцом шахов и султанов, которая совершалась пять раз в день.
- ⁴ Здесь и далее имеется в виду описанное выше вознесение пророка (мирадж).
- ⁵ В оригинале: «Лотос лишь кайма из украшений твоей рубашки».
- ⁶ Смысл двустихия: Изначальное утро отражает, как зеркало, свет души пророка. Если бы утро не послужило этим зеркалом, свет солнца не упал бы на землю («низменный прах»).
- ⁷ По тогдашним поверьям, сокровища таились в развалинах. Бедность Мухаммеда сравнивается здесь с развалинами, а его сущность — с сокровищем.
- ¹⁰ В оригинале обыгрывается омонимичность слова «далъ», которое означает созвездие Водолея и кожаное ведро (см. выше). Т. е. подобно тому, как Иосиф Прекрасный был вытащен из колодца, ты вознесся выше самого верха созвездия Водолея.

ВОСХВАЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

- ¹ Мухаммед родился в 570 г. в Мекке и умер в 632 г. в Медине. Могила Мухаммеда сравнивается с покрывалом (плащом), а под «вуалью» имеются в виду мекканцы, не признававшие до поры открытого Мухаммеда и даже изгнавшие его из Мекки.
- ² В этих и последующих бейтах поэт призывает пророка восстать из могилы, отправиться из Аравии в другие страны, восстановить там поправленные права людей, свергнуть и покарать царей-тиранов, изгнать из оскверненных мечетей нечестивых и корыстолюбивых представителей духовенства, извративших идеи ислама и т. д. Эта, казалось бы, традиционная часть поэмы, посвященная восхвалению пророка, содержит необычно резкое осуждение современной поэту действительности и призыв к ее переустройству.
- ³ Под «караваном» имеется в виду община мусульман. Вторая строка бейта в оригинале выглядит так: «Центр принадлежит тебе, почему же твое знамя там (в Аравии)?» Это надо понимать так: поэт считает центром мусульманского мира в данное время не Аравию —

родину пророка, а свою родину, ибо государство атабеков Азербайджана в XII веке действительно могло считаться культурным и политическим центром Ближнего и Среднего Востока.

- ⁴ Али — двоюродный брат пророка и муж его дочери (656—661). Он отличался необычайной отвагой и был выдающимся полководцем. Омар — второй правоверный халиф (634—644). По легенде, там, где ступала его нога, три дня не мог появиться сатана.
- ⁵ В оригинале — «пятьсот пятьдесят лет». Пророк Мухаммед умер в 11 году Хиджры, что соответствует 574—575 гг. нашего календаря. Как указано в конце поэмы, «Сокровищница тайн» закончена в 1176—1177 гг. Из этого можно, на первый взгляд, заключить, что поэт работал над поэмой пять лет. Однако в конце книги Низами указывает, что поэма была написана в течение «нескольких утр». Имеющееся в комментируемом бейте выражение: «ты спишь пятьсот лет» подтверждает предположение, что такое большое количество посвящений пророку (вместе с главой о вознесении их шесть) свидетельствует о том, что значительная часть их была написана раньше, а затем включена в поэму. Третье восхваление, которому свойствен молодой задор, резко разоблачающее современное духовенство, было, очевидно, написано в 1174 г. и в 1177 г. включено в книгу.
- ⁶ Исафил (см. *Словарь*) — архангел, который звуком своей трубы должен возвестить о начале Страшного суда.
- ⁷ Т. е. оба мира (земной и небесный, духовный) будут в восторге и от радости сбросят с себя власяницу, как суфии в момент экстаза.
- ⁸ Фаридуи (см. *Словарь*) — символ могущества и богатства.

ВОСХВАЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

- ¹ Поэт обыгрывает здесь омонимно слова «бейт», которое означает: 1) дом, здание; 2) двестише. Т. е. Аллах, начав создавать дом (бейт) мироздания, знал, что пророк явится в конце концов в мир, подобно рифме, заключающей конец стиха. Эта мысль развивается и в последующих бейтах.
- ² По мусульманскому преданию, раскаяние Адама было принято Аллахом, а Ной (Нух) был спасен от всемирного потопа благодаря заступничеству Мухаммеда. «Развязан был узел тугой» — т. е. была оказана помощь.
- ³ Здесь и в последующих бейтах метафорически обыгрывается игра в чоуган (конное поло).
- ⁴ Т. е. когда конь Адама потянулся, чтобы полакомиться пшеницей (намек на грехопадение Адама), тому пришлось выбыть из игры. Под «мячом» здесь и далее понимается пророческая миссия.
- ⁵ Под Авраамом (см.) имеется в виду пророк Ибрахим. По легенде, он трижды солгал и поэтому не смог осуществить пророческую миссию. В оригинале буквально сказано: «Пройдя полпути, два-три раза свалился с коня». Сравнение с тонущей колыбелью в стихотворном

переводе неточно. Видимо, это дало основание А. Бертельсу в комментариях к данному бейту предположить, что Низами отнес к Аврааму легенду о Моисее, плившем в колыбели по реке. См. Низами. Пять поэм. М., 1968, с. 811.

- ⁶ Давид (Давуд) по библейской легенде, обладал необычайно красивым голосом и сочинял псалмы, которые пел так, что птицы останавливались в полете, звери в беге, рыбы в море. Но после женитьбы на Урии его голос стал менее благозвучен, и за это он был отвергнут Аллахом.
- ⁷ Библейский Моисей (Муса), по преданию, у подножья горы Тур обратился к Аллаху с призывом: «Господи! Дай мне посмотреть на тебя». Он сказал: «Ты меня не увидишь, но посмотри на гору; если она удержится на своем месте, то ты меня увидишь». А когда открылся его Господь горе, Он обратил ее в прах, и пал Муса пораженным». (Коран, гл. 7, стих 139).
- ⁸ Здесь имеется в виду, что Иисус был рожден матерью без отца; это бросило на него тень с самого начала, и он не стал добиваться пророческой миссии.
- ⁹ Шестидневный нарцисс — весь мир земной, сотворенный, согласно Корану, за шесть дней. Здесь шестидневный мир сравнивается с особым сортом нарциссов, который называется «абхар», потому что имеет шесть лепестков.
- ¹⁰ Согласно жизнеописанию Мухаммеда, он никогда ничего не писал, ибо не хотел, чтобы «чужие персты», т. е. руки неверных, коснулись его письмен.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ЦАРЯ ФАХРАДИНА БАХРАМШАХА
СЫНА ДАУДА

- ¹ Поэт хочет сказать, что он заключен в своем городе (Гяндже), как точка в центре круга.
- ² Здесь и в последующих бейтах говорится о том, что поэт погрузился в глубокое размышление, в результате чего к нему пришло просветление и он, обжевав взором мир, узрел шаха.
- ³ Имеется в виду 19-й стих из 31-й главы Корана.
- ⁴ Отца Фахрадина Бахрамшаха звали Давуд, так же, как отца легендарного царя Соломона. Обыгрывая это, поэт хочет сказать, что Бахрамшах равен по могуществу и славе царю Соломону.
- ⁵ Имеется в виду легендарный царь Сасанидской династии Бахрам-гур (421—438), главный герой поэмы Низами «Семь красавиц». Прозвище «гур» он получил оттого, что его любимым занятием была охота на онагров (гуров).
- ⁶ Источник ртути — солнце. Т. е. длань шаха так щедро, что солнце от зависти бежит прочь, как ртуть.
- ⁷ Здесь метафорически говорится о том, что рубины у пояса шаха смеются над самим солнцем.

- ⁸ Т. е. девять небес, весь мир полны тайной твоего бытия.
⁹ Имеются в виду созвездия Рыб (вверху) и мифическая рыба, на которой держится земля (внизу).
¹⁰ Сова считается птицей, приносящей бедствия. Однако в годы счастливого правления шаха даже совы стали подобны птице Хумай, приносящей счастье.
¹¹ Т. е. высокородные гордецы («голова») становятся перед тобой смиренными, как ступни.
¹² В оригинале сказано «халатом небосвода», т. е. удостои своей милости.
¹³ В этом бейте поэт намекает на свою бедность.
¹⁴ Здесь метафорически говорится о щедрости шаха.

О ПОЛОЖЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ ЭТОЙ КНИГИ

- ¹ Со свежей розой поэт сравнивает поэму «Сокровищница тайн», уподобляя себя соловью.
² Имеются в виду «Сокровищница тайн» и поэма «Сад истины» Санаи, преподнесенные двум Бахрам-шахам. Санаи посвятил свою поэму в 1140 г. правителю Газны, а Низами — правителю Эрзинджана в Малой Азии.
³ В тексте оригинала буквально сказано:

Тот расплавил золото из старого рудника,
 А этот выловил жемчужину из нового моря.

Т. е. Низами хочет сказать, что поэма Санаи, хоть и прекрасна, но не нова (золото из старого рудника), а его поэма подобна жемчужине, выловленной из нового моря (размера). Здесь и выше обыграно омонимия слова «бахр», что означает: 1) море 2) стихотворный размер.

- ⁴ Имеется в виду то обстоятельство, что указанная поэма Санаи по объему значительно больше «Сокровищницы тайн».
⁵ Низами здесь и в последующих бейтах подчеркивает новизну, оригинальность своей поэмы.
⁶ В этом и последующих бейтах поэт сообщает, что сам хотел повезти свою поэму к Бахрам-шаху, но это ему не удастся, так как Гянджа окружена со всех сторон «мечами» и «львами». Эти строки были написаны в 1177 г., когда была в разгаре междоусобная война между отпрысками династии Санаидов и атабеками Азербайджана.

РЕЧЬ О ПРЕВОСХОДСТВЕ СЛОВА

- ¹ Калам — здесь перо, которым Аллах начертал на скрижали судьбу всех творений до создания вселенной. Тем самым Низами утверждает, что первым творением бога было слово.

- ² Имеются в виду надписи на боевых стягах и государственных знаменах.
³ Здесь имеется в виду то, что могущественные султаны с помощью своих указов, одним росчерком пера присоединяли к своим владениям целые страны.
⁴ В оригинале: «Оно в этой деревне благоустроеннее, чем сама деревня». Т. е. путем слова можно создать мир лучший, чем этот бранный мир, напоминающий неблагоустроенную деревню.
⁵ Т. е. объяснили законы природы с помощью слов.

ПРЕВОСХОДСТВО РЕЧИ, НАНИЗАННОЙ В ДОЛЖНОМ ПОРЯДКЕ,
 ПЕРЕД РЕЧЬЮ, ПОДОБНОЙ РАССЫПАННЫМ ЖЕМЧУГАМ

- ¹ Две сокровищницы — земная и загробная жизнь; постичь их и прославить может лишь поэтический язык.
² По мысли Низами, у бога есть два истинных друга: пророк и поэт, которые в состоянии познать божественную сущность.
³ Согласно Корану, человек создан из «глины». Под клювом же подразумевается рот, орган речи.
⁴ Во времена Низами рабам в уши вдевали кольца. Поэт здесь иносказательно говорит, что человек способен даже покорить небосвод.
⁵ Люди, наделенные подлинным поэтическим даром, своим искусством покоряют небеса и, словно жонглеры, бросают один шарик в бирюзовый небесный свод и вынимают оттуда десять.
⁶ Т. е. в жару поэтического творчества уста поэта произносят такие высокие слова, что душа хочет покинуть тело, чтобы поцеловать уста поэта.
⁷ В мусульманской средневековой космогонии небо представлялось разделенным на семь сфер (одна внутри другой), каждая из которых управлялась солнцем, луной и пятью известными в то время планетами: Венера (Зухра), Марс (Маррих), Меркурий (Утарид), Юпитер (Муштари), Сатурн (Кейван). Считалось, что за этими сферами находятся еще две непланетарные сферы, за которыми следует неподвижное небо.
⁸ Здесь Низами осуждает бесталанных придворных поэтов, унижавших своими писаниями достоинство слова.
⁹ Придворные поэты, продававшие поэтическое слово шахам за презренный металл, нередко удавливались, или же по приказу шахов им отрубали голову железным мечом.
¹⁰ Тот, кто ради золота, словно ртуть, не льнул к могущественным шахам, вроде Санджара, спасался от «железной» кары, ибо представлял собой серебро.
¹¹ Смысл бейта: Если поэзия осенит тебя, ты возвысишься так, что даже созвездия Ближнецов окажется ниже тебя.
¹² Арабская поговорка, буквально означающая: «Воистину, поэты — эмиры», т. е. повелители речи.

- ¹² Поэт призывает подлинных мастеров слова не опускаться, как не опускается небо, ибо лишь в этом случае сохраняется высокое достоинство поэзии.
- ¹⁴ «Отобрать «шар» или «мяч» — идиоматическое выражение, возникшее из игры в чоуган (см.) — конное поло. Оно означает: выиграть, одержать победу.
- ¹⁵ Смысл этого и следующих двустиший в том, что если поэт будет долго взвешивать каждое слово, то в этом нет ничего плохого, ибо, как бы медленно ни работала мысль, она все равно способна мгновенно домчатся до созвездий и т. д.
- ¹⁶ В подлиннике буквально сказано: «Инжирное дерево было бы опустошено, если бы всякая птичка лакомилась», что означает: Если всякий рифмоплет мог бы творить прекрасные стихи, сладкие, как инжир, то поэзия давно бы оскудела, как инжирное дерево, ставшее добычей птиц.
- ¹⁷ Поэт жалуется на то, что в своем родном городе Гяндже он словно в темнице, ибо здесь не ценят его творчество. Он сравнивает свое искусство с волшебством ангела Харута (см. *Словарь*).
- ¹⁸ Зухра (Венера) считалась не только покровительницей, но и законодательницей искусств, обладающей непогрешимой мерой («весами») в оценке их достоинств.

О НАСТУПЛЕНИИ НОЧИ И ПОЗНАНИИ СЕРДЦА

- ¹ Т. е., когда солнце было побеждено натиском ночи, земля отбросила тень на небеса.
- ² В оригинале: «Как только солнце бросило шиг, его войска (т. е. звезды) обнажили меч, чтобы отсечь ему голову», т. е. завладеть небом.
- ³ По мусульманскому поверью, неверные в день Страшного суда предстают с черными от стыда лицами.
- ⁴ Т. е. возьми у природы столько красок, чтобы ты мог расплатиться равноценным произведением.
- ⁵ Т. е. пусть небесный кубшин таланта изливает струю прекрасных и содержательных слов.
- ⁶ Сердце, согласно учению Низами, — вместилище самых высоких помыслов, источник лучших душевных качеств. Эта мысль неоднократно в дальнейшем развивается и варьируется на протяжении поэмы.
- ⁷ Имеется в виду Звезда Канопус (Сухейль).
- ⁸ Максурой называлось специальное место в главной мечети, отведенное для имамов и главных духовных сановников, иными словами, святая святых.
- ⁹ Имеются в виду семь органов человеческого тела. В следующих стихах шесть органов перечислены под метафорическими названиями: красный всадник — печень; отрок — желчный пузырь; черный отрок — селезенка; воины — почки; мастер засады — желудок; аркан — кишки.

ПЕРВОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ
(О ВОСПИТАНИИ СЕРДЦА)

- ¹ В оригинале «От узлов девяти небес освободил меня». Т. е. наставник поэта освободил его от всех житейских и телесных уз.
- ² Наставник поставил ногу на конец веревки и оков, которые связывали поэта с телесными и житейскими потребностями.
- ³ По восточному поверью, ирис убивает, а изумруд ослепляет змей.
- ⁴ Смысл двустишия: Белый, словно тюрок (см.), жасмин снял, подобно Йеменской звезде Канопус, а черный в своей сердцевине, словно индус, мак был чернее лица неправедных в день Страшного суда.
- ⁵ В оригинале: «Вода по мягкости напоминала горностая, // Но удивительно было, что горностай ласкал белку». Мягкость воды уподобляется здесь меху горностая, окружающие луга — белочьей шкурке. Белка и горностай в природе не ладят между собой, а здесь берега реки и ее вода гармонично сочетались (уживались) друг с другом.
- ⁶ По поверью, фазаны часто умирали около кипариса; куропатка как бы мстят за это. В оригинале вместо куропатки назван франколин (турач).
- ⁷ По поверью, совы знают местонахождение скрытых в развалинах кладов, и тот, кто убивает сову, может найти эти сокровища.
- ⁸ В средние века в мусульманских странах евреи, чтобы их отличали от мусульман, носили желтый кафтан (касаб) или же пришивали к одежде «гияр» — лоскут желтой ткани.
- ⁹ В оригинале буквально сказано: «Земля, изготовив из той воды лекарство и выпив его, // Все проглоченное извергла обратно».

ПЛОД ПЕРВОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

- ¹ Т. е. дыхание красавицы было ароматней розы и слаще сахара.
- ² В тексте обыгрывается омонимичность слова «касаб», которое одновременно обозначает: 1) тонкое льняное платье и 2) тростник, камыш.
- ³ Соль — идиоматическое выражение, обозначающее примерно «изюминка», «предель».
- ⁴ Т. е. родинка ее источала такое благоухание, как будто эти благоухания растирали в ямочках щек красавицы, которые сравниваются с ярким днем.
- ⁵ Т. е. долго сидел, размышляя, склонив голову на колени.

ВТОРОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ

- ¹ Т. е. петух жарился на вертеле, чтобы он не мог своим криком возвестить о наступлении утра.
- ² Т. е. Юпитер так завидывал пирующим, что его душа сжалась и стала меньше перстня (в оригинале — завитка локонов).

- ¹ Человек, по мусульманскому преданию, сотворен из глины. Т. е. сердца излучали благодать.
² Т. е. воротник красавицы распахнулся, и стала видна ее белая сняющая грудь.
³ См. *Махмуд*.

ПЛОД ВТОРОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

- ¹ Под «ковром» имеются в виду стихи Низами.
² В оригинале: «Моя тюрчанка, облаченная в белую ткань, словно Луна».
³ Под яхонтом имеется в виду Солнце. Луна, подобно рудокопу, стремится добыть свет его лучей, чтобы сиять отраженным светом.
⁴ В этом и последующем бейте поэт в метафорической форме сетует, что утро наступило и разлучило его с возлюбленной, под которой имеется в виду его сердце, духовная сущность.
⁵ По поверью, в голове змеи содержится небольшой шарик, который служит противоядием от змеиного укуса. Т. е. я верил, что попав в отчаянное положение, в самом отчаянии найду средство, чтобы вновь обрести возлюбленную.
⁶ Т. е. достичь небосвода.
⁷ Смысл бейта: Поэт сетует, что ему не удастся уединиться с возлюбленной под этим небосводом, изъеденным ржавчиной.

РЕЧЬ ПЕРВАЯ. О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

- ¹ Согласно мусульманским верованиям, до Адама Аллахом были сотворены ангелы, архангелы и пери (гении). Поэтому Адам считается «последним ребенком пери». Содержание бейта восходит к 27 стиху 15-й главы Корана (ал-Хиджр).
² Адам первоначально был создан, чтобы стать заместителем Аллаха на земле (халифом), но, поддавшись искушению, он впал в грех — съел в раю пшеницу. И хотя впоследствии он стал на верный путь с помощью покаяния и молитв, но все же он уже не мог сделаться халифом (Коран, гл. 2, стих 28).
³ В Коране сказано: «И научил он Адама всем именам (Коран, гл. 2, стих 29 (31)).
⁴ В Коране: «Он создал его из праха».
⁵ Сущность Адама мутная, потому что он создан из глины, и чистая, ибо он обладает душой.
⁶ Т. е. семь небесных сводов находятся под властью его десницы. Две больших колыбели — земля и небо.
⁷ По мнению поэта, человек достигает совершенства в сорокалетнем возрасте. Но Адам достиг совершенства в сорокадневном возрасте

- ⁸ Содержание этого и предыдущего бейтов восходит к стихам 28—35 главы 16-й Корана: «И вот сказал господь твой ангелам: «Я сотворю человека из звучащей, из глины, облеченной в форму. А когда я выровню и вдуну от Моего духа, то падите, ему поклоняясь». И поклонились ангелы все полностью, кроме Иблиса. Он отказался быть с поклонившимися... Сказал он: «Я не стану поклоняться человеку, которого Ты создал из звучащей, из глины, облеченной в форму». Сказал Он: «Уходи же отсюда! Ведь ты — побиваемый камнями. И, поистине, над тобой — проклятие до дня Суда».
⁹ После того, как Адам был изгнан из рая, под палящими лучами солнца его кожа стала цвета соломы и покрылась пятнами ячменного цвета, подобно лунным пятнам.
¹⁰ В оригинале этот бейт выглядит так:

Он прошел испытание прахом, подобно пшенице и ячменю
 Во имя твоего спасения, о ячмень в облике пшеницы!

- Здесь под «ячменем в облике пшеницы» поэт имеет в виду грешников.
¹¹ В этом и последующих бейтах поэт призывает своих читателей к самовоспитанию, довольству малым, духовному совершенствованию.
¹² Согласно коранической легенде, Адам был послан в изгнание на остров Сарандиб (Цейлон).
¹³ В оригинале сказано: «Когда его ладонь была отмыта от небесного индиго, // Под ногами его выросла трава цвета индиго». По легенде, Адам пробыл на Сарандибе сорок лет, и в течение этого времени все время носил одежду цвета индиго, символизирующего траур и раскаяние. Наконец, его перестала преследовать судьба (небосвод) цвета индиго, и под ногами у него выросла трава цвета индиго. (Зеленый и синий цвета в средневековой восточной поэзии нередко отождествлялись).
¹⁴ По мусульманской легенде, когда Адам находился в раю, хранитель сокровищ рая дал ему семена всех цветов и благородных человеческих начал. Когда он был выдворен на землю, то все эти семена он посеял.
¹⁵ В этом и последующих трех двуступициях Низами развивает мысль о том, что человек рожден для прекрасных свершений, для активного действия, что он не должен пребывать в бездействии и поддаваться страхам («Ты боязни не знай...»)
¹⁶ Легкая вода — вода чистая, без примесей; тяжелая вода — вода, содержащая много примесей, мутн. В этом и последующих бейтах поэт излагает свои мысли о необходимости духовного совершенствования. В оригинале сказано: «Жемчужину тела в сухощавости наводят». Это означает, что не надо быть тучным, тяжеловесным, ибо в тучном теле не остается места для духа.
¹⁷ Каф — см. *Словарь*.

ПОВЕСТЬ О ПАДИШАХЕ, ПОТЕРЯВШЕМ НАДЕЖДУ
И ПОЛУЧИВШЕМ ПРОЩЕНИЕ

- ¹ В оригинале буквально сказано: «Образ [помощи от людей] я изобразил на воде»; здесь обыгрывается идиоматическое выражение, которое можно передать приблизительно так: «Помощь от людей была вилами на воде писана».
- ² Потертый ковер — брэнная земля, прогнивший мир.

РЕЧЬ ВТОРАЯ. НАСТАВЛЕНИЕ ШАХУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

- ¹ Т. е. крупица веры ценней, чем целый мен (около 3 кг) золота, которое маги-алхимики пытались добывать с помощью эликсира из различных металлов.
- ² Имеются в виду припасы в дорогу (в загробную жизнь) — добрые, богоугодные дела, направленные на благо человечества.
- ³ В оригинале: «Этот желтый мяч стал отравленной куклой из мышьяка». Здесь подразумевается солнце, а в следующем бейте говорится: «Все — игра этой куклы». Т. е. поэт призывает отречься от благ этого мира, всего, что под солнцем. Далее, солнце сравнивается с лампадой, а душа с мотыльком, сгорающим в огне. Низами называет блеск мира «ничтожным огнем», перед которым нельзя «бросать щит», т. е. сдаваться на милость его соблазнам.
- ⁴ Иса (Иисус Христос), по мусульманскому поверью, находился в четвертой сфере небосвода, так же, как и солнце.

ПОВЕСТЬ О НУШИРВАНЕ И ЕГО ВИЗИРЕ

- ¹ Т. е. отменил все поборы и налоги, которые собирались с населения.
- ² В оригинале: «Ты ищешь тень для солнечных всадников». Подразумеваются труженики, которые встают вместе с солнцем и работают до заката.

РЕЧЬ ТРЕТЬЯ. О СВОЙСТВЕ МИРА

- ¹ Т. е. знатный, вельможный господин.
- ² Один из героев «Шах-наме» Фирдоуси — Зал, отец легендарного богатыря Рустама, родился с белыми волосами. Посчитав это за плохое предзнаменование, его отец Сам велел отнести младенца на вершину горы, где обитала легендарная птица Симург (см.), и оставить там. Симург спас и воспитал Зала, который впоследствии стал могучим богатырем. Согласно легенде, Сам прожил много сот лет.
- ³ Двухцветный ковер — двуликий мир, где день сменяется ночью.

- ¹ Как указывает один из средневековых комментаторов, существует специальный сорт колючек, вокруг которых будто бы обвиняются корни гиацинтов, и от этого колючки начинают источать аромат. Смысл бейта: Даже шипы, общаясь с розами, обретают аромат.
- ² В оригинале: «Не сыпьте песок [на лобный коврик], ибо я не пролила [чужую] кровь». «Сыпать песок на лобный коврик» — метафорическое выражение, обозначающее «казнить». Во время казней, совершавшихся во дворцах в присутствии правителей, на пол стелили коврик («нат»), на который сыпали песок, чтобы кровь казненного не запачкала пол. Смысл этого и последующих бейтов таков: «Пустыня говорит, что она никого не губила, а наоборот, выстрадала воду, заключенную в ее груди, испытала горести, выпадающие на долю страдающих, и тем самым добилась близости к праведникам и райским гуриям».

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ И ПОСЕЛЯНИНЕ

- ¹ В оригинале сказано: «Его дуновение (дыхание) достигло одной лампы». Здесь иносказательно говорится, что царь приблизился к одному смертному (землепашцу).
- ² По легенде, царь Соломон владел языками всех птиц, рыб и зверей. Метафора, связанная с зерном, основана на том, что птицы при виде зерна оживленно щебечут.
- ³ Намек на легенду о том, что однажды во времена праздника даропринесения, когда все явились к Соломону с подарками, он не придал особого значения драгоценным и диковинным дарам, а больше всех похвалил усердие муравья, который принес ему ножку саранчи.

РЕЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ. О БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ
ШАХА К ПОДДАННЫМ

- ¹ Рабия — благочестивая женщина из г. Басры — однажды увидела, что собака умирает от жажды. У нее не было под рукой веревки, и поэтому она отрезала свои длинные красивые косы, разорвала свою одежду, привязала к косам и опустила в колодец, а затем, выжав, напоила собаку.
- ² В этом и последующих бейтах употреблено слово «химмат», что означает «магнетизм», «внушение» (гипноз); здесь оно передано переводчиком как «сглаз».
- ³ Махмуд — могущественный представитель династии Газневидов (правил с 999 по 1030 г.), неоднократно совершал походы в Индию, где разграбил богатейшие храмы. Согласно легенде, он во время одного из походов тяжело заболел, так как его «сглазили» маги-жрецы этих храмов.

ПОВЕСТЬ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

- ¹ Индус — в классической восточной поэзии служил символом похитителя, вора.
- ² Султан Санджар (1117—1157 гг.) — последний великий султан из династии Сельджуков сначала завоевал область Хорасан и другие земли, достиг могущества, однако потом потерпел поражение и несколько лет провел в плену у одного правителя из династии Гуридов.
- ³ Сказочную птицу Симураг никто никогда не видел. По легенде, она обитает на недоступных вершинах. Т. е. поэт говорит, что в его время правосудия нельзя отыскать, как нельзя увидеть Симурага.

РЕЧЬ ПЯТАЯ. О СТАРОСТИ

- ¹ Хабеш (Эфиопия) — символ черноты; Тараз — символ белизны. Поэт здесь жалуется, что в его черных волосах появились седые пряди.
- ² Камфара — символ белизны и ледяного холода; мускус — символ благоволия, черного цвета.
- ³ В этом и следующих бейтах содержится сложная метафорическая фигура. По легенде, одно из чудес, сотворенных Исой (Иисусом Христом), которого также называли Масихом (Мессией), заключалось в том, что он, будучи маляром, наполнял кувшин краской какого-нибудь цвета, а извлекал оттуда краску любого нужного цвета. Солнце и Иса оба находятся в четвертой небесной сфере, и это не случайно, ибо ремесло прачечника-солнца, подобно ремеслу красильщика-Исы. Солнце любой цвет превращает в белый, подобно тому, как прачка, стирая рубашку, делает ее белой.
- ⁴ Т. е. не будь двуликим, одновременно подобным и черному негру (зинджу), и жителю Византии (румийцу).
- ⁵ Эта мысль аллегорически развивается и в последующих бейтах. В оригинале употреблено слово «дахме», которое можно перевести как «склеп», «башня молчания». Этим словом обозначалась также площадка на возвышении, где огнепоклонники-зороастрийцы оставляли, согласно обычаю, тела покойников. В данном контексте под «гробницей» подразумевается земля, а люди уподоблены узникам.

РЕЧЬ ШЕСТАЯ. О СВОЙСТВАХ СОТВОРЕННОГО

- ¹ Синие оседланные кони — небесные своды, созданные творцом для людей. Содержание двуступия взято из 19-го стиха 31-й главы Корана: «Разве вы не видели, что Аллах подчинил вам то, что в небесах и на земле.
- ² Мускус хорошо сохраняется в кожаных мешках, но когда его пере-кладывают в шелковые мешочки, он начинает испаряться.

- ¹ В оригинале этот бейт буквально гласит:

Порой ты, словно ночь, будь подковой [коня] утра,
Порой же будь мишенью для стрел утренних стонов.

«Стрелы утренних стонов» — молитвы, которые с рассветом возносят верующие Аллаху.

- ⁴ По поверью, зарытые клады обычно охраняют драконы.
- ⁵ Т. е. вслед за бедствием судьба посылает радость.

ПОВЕСТЬ О СОБАКЕ, ОХОТНИКЕ И ЛИСИЦЕ

- ¹ Это надо понимать не буквально, ибо есть мясо лисицы у мусульман считается кошунством. Смысл слов лисицы таков: «Тебе не удастся больше продавать лисьи шкуры и на вырученные деньги питаться жирным мясом».
- ² Под волком имеется в виду собака, которая исчезла так же, как пропал Иосиф Прекрасный (см.), брошенный в колодезь.
- ³ Т. е. ты верил в мое возвращение, и эта вера сделала так, что я вернулась и лиса стала твоей добычей.

РЕЧЬ СЕДЬМАЯ. О ПРЕВОСХОДСТВЕ ЧЕЛОВЕКА
НАД ЖИВОТНЫМИ

- ¹ Имеются в виду все живые существа (жемчужины).
- ² Т. е. заденешь чью-то честь, причинишь кому-то вред. В последующих бейтах поэт несколько раз обыгрывает понятие «завеса» в различных значениях.
- ³ Т. е. божественные силы, вершители судеб мира.
- ⁴ Здесь имеется в виду завеса веры.
- ⁵ Т. е. с помощью подвижничества, поста ты можешь сделать свое тело чище, чем душа. Содержание бейта восходит к известному изречению пророка Мухаммеда, которое гласит: «Тот, кто предавался Аллаху в течение сорока дней, обрел созревшие плоды мудрости».
- ⁶ Т. е. природа (тело), должна быть расплавлена в горниле подвижничества, и тогда «лицо твое станет зеркальным» (В древние времена зеркала делали из железа, доводя до кондиции плавкой, битьем и полировкой). Разум же твой будет благоухать, подобно мускусу и амбре.

ПОВЕСТЬ О ФАРИДУНЕ И ГАЗЕЛИ

- ¹ В оригинале этот бейт гласит:

На взгляд великих не красиво будет,
Чтобы руки бубнистов били по нежной коже этой газели.

- Т. е. достойные, мудрые люди сочли бы недостойным, чтобы из шкуры этого газеленка сделали бубен.
- ² Вознесенные (букв. возвышенные) — благородные люди, мудрецы. «Клеймо» в первой строке означает страдания, подвижничество, очищающие и возвышающие человека, а во второй строке употреблено в прямом смысле, в значении «тавро».
- ³ Опясаться перед кем-либо — означает проявить готовность служить. По поверью, все клады охраняются змеями. Смысл строки сводится к тому, что змея, уподобившись поясу служения, указывает на место, где спрятан клад. Если человек опяшется для служения ближнему, то он тоже обретет сокровище — духовное величие.

РЕЧЬ ВОСЬМАЯ. О СОТВОРЕНИИ.

- ¹ В оригинале: «Намного раньше самых ранних [представителей] бытия». Имеются в виду десять ступеней разума, которые, по теории Аристотеля, существовали между бытием и небытием.
- ² Т. е. никакие живые существа еще не вышли из божественной матерской.
- ³ В оригинале читаем:

Созвездие Близнецов, которое было опоясано,
Не было озабочено кровопусканием из твоей опухоли.

По представлению средневековых астрологов, созвездие Близнецов, соответствующее третьему месяцу солнечного календаря (22 мая — 22 июня), приносит с собой сильные ветры; в этот сезон больных лечили кровопусканием. Смысл бейта: Ты, человек, еще не существовал, и созвездие Близнецов, опоясанное для служения Господу, не было озабочено тем, чтобы пускать тебе кровь, исцеляя от недомоганий.

- ¹ Раньше во время затмения луны били в медные тазы и старались громким шумом отогнать злых духов.
- ² В оригинале читаем:

Светоч утра ты донес до вечера
И прозвал их: «Верный» и «Лживый».

«Светоч утра» — солнце; «Верный» — ясное утро; «Лживый» — предрассветный сумрак.

- ³ В этом и последующих бейтах сложная метафорическая фигура. В оригинале сказано: «Масло твоего мозга, что похоже на ртуть//Замерзло из-за этого ореха цвета белки.//До того, как он изготовит тебе тесную, как у ореха, обитель.//Оставь ты этот орех цвета серой белки». По представлению средневековых восточных медиков, охлаждение мозга служило причиной безумия, а орехи использовались тог-

- да в медицине как охлаждающее средство. Отсюда смысл бейта: Холодный (подобный ореху) небосвод охладил твой мозг, и ты сошел с ума, погнавшись за благами земной преходящей жизни; оставь мишуру, которой хочешь завлечь тебя серый, как белка, и круглый, как орех, небосвод (судьба); он готовит для тебя тесную, как орех, обитель.
- ⁴ В оригинале сказано:

Чтобы не знать жажды, будь ты мудрым,
Подобно тростниковой магнезии, сожги весь свой урожай.

Смысл бейта: Лучше ты сожги свои страсти подобно тому, как сжигают урожай тростника, чтобы получить табашир (порошок окиси магния), который в средневековой медицине использовали для утоления жажды.

- ⁵ Семь столов — семь небесных сфер.

РЕЧЬ ДЕВЯТАЯ. ОБ ОСТАВЛЕНИИ МИРСКИХ ДЕЛ

- ¹ Под «снедью», «поклажей» поэт подразумевает добрые, богоугодные дела, которые надо творить здесь, на земле до переселения в иной мир.
- ² Т. е. азбуку девяти небес.
- ³ Т. е. в то время, когда существовал еще только твой дух, не соединенный с телесной оболочкой.

РЕЧЬ ДЕСЯТАЯ. О КОНЦЕ МИРА

- ¹ Эта глава написана под непосредственным влиянием предсказаний астрологов, объявивших в 1176 г., что в результате сближения Марса и Сатурна в созвездии Весов летом 1186 г. произойдет грандиозная катастрофа и жизнь на земле погибнет. Многие поверили в это предсказание и даже готовили себе убежища; верил сначала в это предсказание и Низами, но уже в 1181 г., когда он писал поэму «Хосров и Ширин» он высмеял в ней астрологов и их пророчества. Действительно, летом 1186 года в предсказанный день ничего не случилось и стояла прекрасная погода.
- ² Здесь имеется в виду стих 1-й главы 22-й Корана: «О люди, бойтесь Господа Вашего! Ведь сотрясение последнего часа вещь великая».
- ³ Сумасшедших во времена Низами сажали на цепь.
- ⁴ Имеется в виду Бахрам-гур (см.), могущественный царь из династии Сананидов, герой поэмы Низами «Семь красавиц». В стихе обыгрывается омонимия слова гур, которое обозначает: 1) онагр; 2) могила.
- ⁵ По поверью, свет плохо действует на эпилептиков (безумцев), поэтому их держали в темных помещениях.

- ⁶ Имеется в виду гидравлическое колесо, при помощи которого подавали воду в каналы и арыки. Здесь оно сравнивается с небосводом.
⁷ В оригинале: «Туча представляет собой немного застывшей слизи».

ПОВЕСТЬ ОБ ИСЕ

- ¹ По представлению средневековых астрономов, созвездие Плеяд служило ошейником созвездия Большого Пса. Смысл бейта: «Не возлагай на себя непосильную задачу».
² В оригинале непереозидимое идиоматическое выражение. Горевать — по-персидски «андох хордан», что буквально значит «пить горе». Смысл бейта: Вельможный господин, не горюй из-за мирского, не пей из чаши горестей, если же ты осушишь эту чашу, то долю Низами вылей на землю.

РЕЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ. О НЕВЕРНОСТИ МИРА

- ¹ В оригинале — игра слов, основанная на омонимичности слова «ангушт», которое обозначает: 1) палец; 2) кусок. Смысл бейта: Кто отдал хоть кусочек яств этого мира, тот стал его рабом, подобно кольцу на руке, которое является бессловесным слугой пальца.
² Т. е. запасайся припасами из добрых, богоугодных дел.

ПОВЕСТЬ О ПРОЗОРЛИВОМ МОБЕДЕ

- ¹ Т. е. соловей покинул сад и переселился куда-то на окраину, где обычно находились синагоги.

РЕЧЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. О ПРОЩАНИИ СО СТОЯНКОЙ ПРАХА

- ¹ В средние века, обучая боевых слонов, им под ноги бросали чучела людей и животных (дабу) и таким образом обучали топтать людей и коней во время сражения. Смысл бейта: Если ты сумел обуздать свои страсти, расставайся с ними весело (в пляске); если же нет — то не топчи чувства и интересы других, подобно боевому слону.
² Этот бейт перефразирует поговорку: «Подумай о выходе прежде, чем войти».

РЕЧЬ ТРИНАДЦАТАЯ. О ПОРИЦАНИИ МИРА

- ¹ Цветок Джафара — самое чистое золото. Могушественный визирь Халифа Харун ар-Рашида (783—809) Джа'фар Бармекид велел чеканить монеты из чистого золота. Смысл этого и последующих бейтов: Зо-

- лото, блага мира — это тшета, отравя (мышьяк), не копн их, щедро раздавай.
² Пробные камни, определявшие чистоту золота с высокой точностью, изготавливались в Дамаске.

ПОВЕСТЬ О ХАДЖИ И СУФИИ

- ¹ Т. е. он потратил все до копейки, подобно тому, как съедают закланное животное вплоть до последнего куска шкуры, на котором стоит тавро.
² Золото Рукни — монеты высокой пробы, которые чеканились именем Рукни ад-Дина, правителя Дейлема (Иран). В стихе обыграно омонимия его имени, означающего «опора веры» и слова «рукни» (столя, опора).
³ В оригинале этот бейт буквально гласит:

О двуликий, словно небосвод, воздержн руку
 От [девиза] «короткий рукав» и вымогательства.

Суфии носили рубища с короткими рукавами, что символизировало отречение от мирских благ. «Укорачивай рукав» — идиоматическое выражение, означающее: «Откажись от всего земного». Смысл бейта: О суфий, отрекись от своего лицемерного девиза, не протягивай руки к чужому добру.

- ⁴ Заяцье — браслет.
⁵ Мед сладок, поэтому и грабят пчелиный улей.
⁶ Чайка сверху различает рыбу по блестящей чешуе и ловит ее.

РЕЧЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПОРИЦАНИЕ БЕСПЕЧНОСТИ

- ¹ Имеется в виду осел Мессни — Иисуса Христа, на котором он въехал в Иерусалим.
² В этом и последующих бейтах обыгрывается написание букв арабского алфавита. Алиф на письме изображается прямой вертикальной чертой, а буква «б» изображается знаком, напоминающим человеческую фигуру, склонившуюся в поклоне.
³ В оригинале содержится намек на то, что пророк Мухаммед, по преданию, не имел тени, т. к. сам излучал яркий свет.
⁴ По преданию, источник живой воды находится во мраке подземного царства.

- ⁵ Под «солнцем» здесь и далее подразумевается душа, которая помогает очиститься от скверны.

РЕЧЬ ПЯТНАДЦАТАЯ. ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

- ¹ Смысл этого бейта: В мире много поэтов, но мало людей, понимающих их возвышенное творчество; море бытия полно жемчужин божественной благодати, но нет людей, умеющих нырять, чтобы достать эти жемчужины.
- ² Здесь и далее Низами говорит о старых придворных поэтах, которые завидывали его таланту и преследовали его.
- ³ По поверью, жемчужина возникает во чреве раковины от дождевой капли, проникающей сквозь толщу воды.

РЕЧЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ. О БЫСТРЕЙШЕМ ПРОХОЖДЕНИИ ПУТИ

- ¹ Хатиб — проповедник, читавший в мечети молитву за царствующий дом. Он облачался в соответствующее одеяние, одним из атрибутов которого был меч в ножнах. Но поскольку этот меч никогда не извлекался из ножен, он был бессмысленным украшением.
- ² По мусульманской традиции, Джабраил (архангел Гавриил) уловил и спрятал «первое чихание» Адама и впоследствии вдул его в рукав девы Марии, которая зачала от этого «чихания» Иисуса Христа.
- ³ Тальк — огнеупорный минерал.
- ⁴ Здесь и в предыдущих бейтах Низами, говоря о богатстве, могуществе, имеет в виду богатство духовное. Смысл бейта: Не общайся с нищими духом, ищи себе подобных среди мудрецов и подвижников.
- ⁵ Джауза — созвездие Близнецов; буквально это слово означает «орехи». В тексте оригинала присутствует сложная игра с использованием омонимии этого слова. По поверью, человек, рожденный под знаком созвездия Близнецов (22 мая — 22 июня), должен быть богатым, умным и счастливым. Древние цари, обладавшие многочисленным потомством, назначали себе наследников по следующему правилу: раздавали своим сыновьям определенное число орехов, и они по одному разбивали их. У кого оказывалось больше орехов с ядром (не пустых), того и считали рожденным под знаком созвездия Близнецов (Ореха) и провозглашали престолонаследником.
- ⁶ Вода проста нравом, поэтому никто ей не причиняет вреда, а узловатое алоэ из-за своей шероховатости достается огню — его сжигают в курильницах.
- ⁷ Девять писцов — девять небесных сфер; две книги — день и ночь; скрижаль достоинств — летопись, куда записываются все добрые деяния и проступки людей.

РЕЧЬ СЕМНАДЦАТАЯ.
О ПОКЛОНЕНИИ И УЕДИНЕНИИ

- ¹ В оригинале буквально сказано:

Об этом «я» и речей о «я», заключенных в этой колодке
(т. е. теле),

- Никогда не говори, ибо они могут продолжаться лишь до тех пор, пока дыхание не достигнет губ.
Идиоматическое выражение «дыхание достигло губ» обозначает «жизнь достигла предела». Т. е. ты можешь кичиться своим «я» лишь до наступления смерти.
- ² Под «дохлятиной» имеются в виду земные блага, богатство. Лучше быть вороном, не проливать ничьей крови, и тогда твои ноги не будут запачканы (у ворона ноги черные, а не красные).
- ³ Круглый хлебец — солнце.
- ⁴ В оригинале сказано: «Сердце, подобное базилику, станет щитом для горестей». Здесь в тексте непереводаемая игра слов, основанная на сходстве слов «сепергем» (благоухающий базилик) и «сепэр-и гэм» (щит; здесь — мишень для стрел горя). Смысл бейта: от обжорства ум убывает, а благоухающее, как базилик, сердце становится щитом, оберегающим тебя от горестей.
- ⁵ Квохтание куропатки напоминает смех. Этим квохтанием она выдает себя, и охотник затыкает ей рот стрелой.
- ⁶ В оригинале:

Горение и смех, подобно молнии,
Делают жизнь короткой, как у искры.

Молния, ее блеск здесь уподоблены улыбке (смеху). Смысл бейта: Неуместный смех укорачивает жизнь и заслуживает осуждения. Эта мысль развита дальше в последующих бейтах.

- ⁷ Отправление каравана в классической восточной поэзии являлось символом перекочевки в иной мир, о чем возвещает звон бубенцов, «не радующих слуха». Смысл этого и предыдущих бейтов: Всякое благо имеет и свою оборотную сторону.

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ И МЮРИДЕ

- ¹ По преданию, царь Соломон, обладавший неисчислимыми богатствами и неограниченной властью, научился плести корзины и сам удовлетворял свои неприхотливые нужды.
- ² В сердцевине свечи скрывается шерстяной фитиль, подобно тому, как под одеждой у аскета — власяница.

РЕЧЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ. В ОСУЖДЕНИЕ ДВУЛИЧНЫХ

- ¹ Т. е. двуличные горячи только внешне, а души у них холодны.
- ² Здесь под «мозгом» подразумевается центр обоняния. Т. е. много благоуханных смесей, но мало людей, могущих по-настоящему оценить их аромат.

ПОВЕСТЬ О ДЖАМШИДЕ И ЕГО ПРИБЛИЖЕННОМ

- ¹ Т. е. его щеки были бледней ее морщинистых ланит.
- ² Т. е. пусть лучше лицо твое пожелтеет, словно золотая монета, нежели ты вовсе лишишься его (потеряешь голову).
- ³ Т. е. глаза и язык, постигшие лишь внешнюю оболочку явлений, можно безболезненно отсесть: дух от этого не пострадает.
- ⁴ Смысл бейта: Подлинную любовь надо хранить в тайне, когда чувство выставляют всем напоказ, то это уже не любовь, а удовлетворение низменных страстей.
- ⁵ Трепальщик — прозвище Мансура Халладжа (X в.), мистика и одного из основоположников суфизма. По этому учению, весь видимый мир является эманацией божественной субстанции и человек — частица ее. Рассуждая подобным образом, Халладж пришел к выводу: «Я есть бог». За это с него заживо содрали кожу (расщипали на хлопья). Осуждая Халладжа, который публично провозглашал свое учение, Низами тем самым хочет сказать, что его взгляды не имеют ничего общего с учением суфиев.
- ⁶ Пока роза не распустилась, никто ее не трогает, но как только она раскрывается, ее срывают.

РЕЧЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. О ПРИЯТИИ ЗАГРОВОЙ ЖИЗНИ

- ¹ Здесь и ниже поэт в иносказательной форме описывает будущую, загробную жизнь, уподобляя ее роскошному пиру.
- ² В оригинале — хранители чертога веры, т. е. пророки.
- ³ Под «кельей» подразумевается бренный мир, который все блага дает человеку только в долг.
- ⁴ Т. е. отправиться в путь, покинуть эту землю, — доблесть, иначе небосвод не стал бы обращаться день и ночь вокруг земли.
- ⁵ Т. е. я достоин быть выше небосвода.

ПОВЕСТЬ О ХАРУН АР-РАШИДЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

- ¹ Т. е. цирюльник по-прежнему вел нелепые речи, не соответствующие его положению.

- ² Низами хочет сказать, что современные ему придворные поэты начинают извлекать слова из поэтической сокровищницы лишь тогда, когда властители одаривают их сокровищами. В следующем бейте поэт заявляет, что сам он не таков, что «казна Низами всем открыта, кто ищет совета».

РЕЧЬ ДВАДЦАТАЯ. О ЗАНОСЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОКОВ

- ¹ Имеются в виду два ангела — Ракиб и Атиб, которые будут сидеть слева и справа от представшего перед Страшным судом. Одни из них будут перечислять добрые деяния, совершенные человеком при жизни, а другой — его пороки, дурные дела.
- ² Т. е. покорно служи своему сердцу.
- ³ Т. е. эти завистники (придворные поэты) считают верность чем-то невероятным, реально не существующим.
- ⁴ Люди с плотной (созревшей) печенью — люди умудренные, зрелые мастера своего дела; уксус — кислая мина. Смысл бейта: Завистливые придворные одописцы при виде зрелых мастеров делают кислую мину, говорят им «кислые» (грубые) речи.
- ⁵ Подобно тому, как слепой не в состоянии представить величие реки Тигр и воспринимает его наощупь как каплю воды, эти ослепленные завистью одописцы не способны оценить величие истинного таланта; они подобны муравью, которому и нога саранчи кажется громадным столбом. Здесь содержится намек на известную притчу о царе Соломоне и муравье.
- ⁶ Согласно легенде, изложенной в поэме Низами «Искендер-наме», Хызр (см.) был знаменосцем Александра во время его похода в подземное царство в поисках живой воды. Ной (см.) своими молитвами вызвал всемирный потоп, в котором погибли все грешники. В этом бейте содержится призыв к походу против неверных — бездарных завистников.

ПОВЕСТЬ О СОЛОВЬЕ И СОКОЛЕ

- ¹ В оригинале сказано «в темнице города».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КНИГИ

- ¹ В этом бейте Низами сравнивает содержание своей книги с алмазом, а ее объем с маленьким ножиком. В следующем двустишии поэт говорит, что у него не было подходящего кузнечного горна (подходящих условий), чтобы создать большую поэму.
- ² Т. е. девственные (свежие) мысли, заключенные в этой книге, появились на свет лишь в течение нескольких утренних зорь. Здесь содер-

ПРИМЕЧАНИЯ

- жится прямое указание поэта на то, что поэма была создана им за весьма короткий срок.
- ⁶ В этом бейте Низами сравнивает свою поэму с ягнятной, а писания придворных описцев Бахрам-шаха — с сухой солонинной.
- ⁷ По нашему мнению, текст этого бейта искажен в процессе переписки и в оригинале должен читаться примерно так: «Из [этого] города в твой [далекий] город не послал бы». То есть Низами не рассылал свою поэму в списках по разным городам, а преподнес ее Бахрам-шаху.
- ⁸ В оригинале сказано: «Слово привязало меня к твоей стороне». По нашему мнению, «слово» надо здесь понимать не как «стихотворчество», а в другом смысле — как слово, данное кому-то в чем-то. По-видимому, поэт когда-то, скорее всего во время пребывания Бахрам-шаха в Гяндже в 1163 году, дал ему слово написать в его честь поэму, и в бейте содержится намек на это обстоятельство.
- ⁹ Здесь и ниже поэт иносказательно говорит о том, что у него нет возможности облачить свое творение в достойные одеяния, т. е. поручить переписку знаменитым каллиграфам, завернуть в роскошный переплет и т. д.
- ¹⁰ Поэт хочет сказать, что прочно привязан к Гяндже, и если бы не эта его привязанность, он силою своего таланта прославился бы в Ираке, который тогда представлял могущественный султанат, в который входили Персидский Ирак и Арабский Ирак со столицей в Багдаде.
- ¹¹ Бегство пророка Мухаммеда из Мекки в Медину произошло 16 июля 622 года. Дата этого события, называемая «хиджра», послужила началом мусульманского летоисчисления. Пятьсот семьдесят два года спустя, двадцать четвертого первого Раби соответствует 1 октября 1176 г. Как свидетельствуют исторические хроники, поэма была получена адресатом в начале 1178 года.

□ □ □

Настоящие комментарии не являются исчерпывающими, они призваны осветить лишь наиболее сложные, трудные для понимания места текста. В тех случаях, когда стихотворный перевод значительно отклонялся от подлинника, нами для более наглядного уяснения смысла комментируемого бейта приводился текст оригинала в подстрочном переводе.

Р. М. АЛИЕВ

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аббаса потомки — династия Аббасидов, халифов (духовных глав всех мусульман), правившая обширным государством с центром в Багдаде с середины VIII до середины XIII в.

Абджад — особый порядок арабского алфавита, в котором каждая буква имеет цифровое значение (например: алиф=1, б=2, джим=3, даль=4 и т. д.).

Авраам — библейский пророк, который упоминается также в Коране.

Адам — библейский «первый человек», который в представлении мусульман был также первым пророком на земле.

Аджам — неарабские страны, находившиеся под властью халифата. Главным образом Иран.

Азра — героиня поэмы «Вамик и Азра» — повести о двух влюбленных.

Айван — терраса, портик дворца, открытая приемная.

Али — четвертый «праведный халиф» после «пророка» Мухаммеда, связанный с ним родственными узами.

Алиф — первая буква арабского алфавита, пишущаяся в виде вертикальной черточки; синоним стройности и прямоты.

Алоэ — благовонное дерево, которое сжигали в курильницах.

Альмагест — сочинение древнегреческого географа Птолемея.

Ахмед (Ахмад) — одно из имен пророка Мухаммеда.

Аяз — фаворит султана Махмуда Газневи (XI в.).

Ба — буква арабского алфавита; пишется в виде горизонтальной изогнутой линии с точкой внизу.

Бахрам — планета Марс.

Бахрам Гур — полубогатый царь, изблюбленный персонаж мно-

гих литературных памятников. В образе Бахрама сочетаются отдельные исторические черты сасанидского царя Варахрана V с рядом народных легенд. Прозвище Бахрама — «Гур», дано ему было якобы за пристрастие к охоте на онагров (на фарси онагр — *гур*).

Бейт — двестише, единица стиха у ряда народов Востока.

Близнецы — созвездие Близнецов.

Бурак — мифическое животное, на котором, по преданию, пророк Мухаммед вознесся на небо.

Вамик — персонаж легенды о двух влюбленных — Вамике и Азре.

Венера (Зухра) — по представлениям времен Низами — планета

Венера — покровительница музыки, пения.

Гавриил — архангел, божественный вестник, приходивший к пророку Мухаммеду.

Газель — лирическое стихотворение с особой рифмовкой.

Галия — благовонная смесь.

Гебр — зороастриец, последователь религии древнего Ирана, включавшей культ огня. У Низами гебры часто — просто немусульмане. Иногда Низами говорит, что гебры поклоняются солнцу. В отношении зороастрийцев это не совсем верно.

Гилим — грубый ковер без ворса.

Гуль — злой дух, который, по древнему поверью, водится в пустыне и нападает на путешественников.

Гур — онагр, дикий осел.

Гур — см. *Бахрам Гур*.

Гурия — прекрасная обительница мусульманского рая, существо, которому вечно шестнадцать лет. Синоним женской красоты.

Гянджа — средневековый город, развалины которого расположены в нескольких километрах от Кировабада, родина Низами.

Даба — набитая соломой шкура быка, которую бросали под ноги боевого слона, чтобы приучить его топтать врагов во время битвы.

Давид — библейский персонаж, упомянутый также в *Коране*.

По преданию, прекрасно пел и был замечательным музыкантом.

Даль — буква арабского алфавита.

Дастархан — скатерть, на которой расставлены закуски, легкое угощение.

Дауд — см. *Давид*; имя отца Бахрамшаха, которому Низами предпослал «Сокровищницу тайн».

Дастур — советник шаха в древнем Иране.

Дервиш — странствующий суфий (см.), бедняк.

Джамшид — мифический царь древнего Ирана, в царствование которого на земле было полное счастье, не было ни болезней, ни смерти. Когда Джамшид возгордился, бог в наказание дал над ним власть тирану Заххаку, который расплил царя пополам.

Джафар — знаменитый Джафар «Тысячи и одной ночи», один из талантливых визирей аббасидских халифов.

Джубба — шуба, верхняя теплая одежда, халат.

Джуляб (гуляб) — розовая вода, благовонный напиток.

Див — злой дух, дьявол.

Дирхем — по-гречески «драхма», мера веса и название монеты, обычно серебряной, содержавшей 3,148 г. серебра.

Дикхан — во времена Низами — местная земельная аристократия иранского происхождения.

Дэв, див — злой дух, дьявол.

Заххак — мифический тиран восточноиранского эпоса. Из плеч у него росли две черных змеи.

Зиндан — подземная тюрьма.

Зинджи — негры, черибкожие; часто синоним черного цвета, мрака.

Зуннар — пояс зороастрийца, то есть человека, исповедующего религию Зороастра (Заратуштры), бывшую государственной религией Ирана до арабского завоевания; этим же словом, мусульмане называли и пояс христианского монаха.

Зухра — планета Венера, покровительница музыки.

Иемен, звезда Иемена — см. *Канопус*.

Иисус — см. *Иса*.

Иона — библейский персонаж; по преданию находился во чреве кита.

Иосиф — библейский Иосиф Прекрасный, проданный в рабство в Египет своими братьями и ставший впоследствии царем Египта. Кораническая легенда о нем отличается от библейского предания.

Ирак — Низами имеет в виду «Иранский Ирак» современной ему географии — обширную власть на северо-западе современной территории Ирана.

Ирем — название сада, созданного мифическим тираном Шеддадом, который, обладая властью над людьми и духами, решил устроить на

земле подобия рая и ада. Ирем, подобие рая ему создать удалось, но он умер, не успев войти в этот сад. Ирем — часто синоним рая, прекрасного сада вообще.

Иса — мусульманский пророк, образ которого создан на основе предания об Иисусе Христе. В поэзии часто упоминается «дыхание Исы», которое будто бы могло воскрешать мертвых (часто как синоним весеннего ветра, прекрасного аромата). Часто упоминается и «ослик Исы», который, по мнению мусульман, у христиан почитаем.

Исмаил — библейский Измаил.

Исмаилиты — мусульманская секта, возникшая в VIII—IX веках и существующая в Индии и по сей час. В представлении Низами исмаилиты — еретики, тайные убийцы, укрывающиеся в горных замках, враги всех эмиров, в частности Бахрам-шаха.

Исрафил — архангел, который звуком трубы возвестит о начале Страшного суда.

Исхак — библейский Исаак.

Кааба — священный храм мусульман в Мекке, место паломничества, величайшая святыня ислама.

Каба — шерстяная верхняя одежда, кафтан без воротника.

Калам — тростниковое перо: «предвечный калам», «надзвездный калам» — кораническая аллегория. По Корану, в начале сотворения мира «предвечный калам» начертал на скрижали судьбы мира.

Каландар — дервиш.

Камфара — в восточной поэзии синоним белого цвета.

Каноп или *Канопус* — главная звезда созвездия «Корабль Арго». Восточная астрономия ее связывает с Йеменом, откуда вывозился лучший сорт сафьяна, причем считалось, что это качество йеменскому сафьяну обеспечивает воздействие звезды Канопус (Сухейль).

Карун — библейский Корей, легендарный богач, который был проклят Моисеем за скупость и поглощен землей вместе со всеми его богатствами (Числа 16, 1 сл.). Библия богатства Каруна не подчеркивает, эта черта внесена уже мусульманской традицией.

Касаб — белая легкая ткань.

Каф-гора — по средневековым представлениям, горы, опоясывающие «край земли».

Кебаб — жареное мясо, шашлык и т. п.

Кей-Хосров (Кай-Хосров) — легендарный царь, персонаж восточно-иранского эпоса.

Кыбла — сторона, в которую обращаются мусульмане при молитве (направление Мекки).

Лазурная чаша — небосвод.

Лотос предела — мифический цветок (точнее, дерево. — Р. А.), растущий на краю девятого неба.

Маг — зороастрийский жрец, волшебник; у Низами маги поклоняются огню, пьют вино (зороастризм вино не запрещал).

Максура — место имама (предстоятеля на молитве) в мечети. Это слово употребляется в более общем значении «святая святых».

Маррих или *Миррих* — см. *Бахрам*.

Махмуд — представитель династии Газневидов (с XI в.). В литературе — олицетворение грозного завоевателя.

Медина — священный город мусульман в Аравии.

Мекка — город в Аравии, где находится знаменитый храм Кааба.

Мен (ман) — мера веса, около трех килограммов.

Мерв — средневековый город, развалины которого находятся недалеко от гор. Мары Туркменской ССР.

Мессия — «спаситель», пророк, обычно иное обозначение *Исы* (см.).

Мим — буква арабского алфавита, имеющая форму петельки.

Мимбар — кафедра в мусульманской мечети, с которой произносятся проповеди.

Мобед — зороастрийский жрец; у Низами часто — в смысле жрец-идолопоклонник вообще (напр., индийский мобед).

Моисей — библейский пророк; часто упоминается «белая рука» Моисея. По легенде, Моисей сумел вызвать у себя на руке проказу, а затем чудесным образом излечить ее. «Белая рука Моисея» — синоним чуда, а также блеска, сияния.

Мускус — широко известное благовоние; в поэзии — синоним черного цвета и прекрасного аромата.

Муфаррих — лекарственная смесь, которая, по представлениям средневековой медицины, должна вызывать радость, веселье.

Мухаммед — мусульманский пророк.

Муштари — планета Юпитер, по поверью, покровительствует мудрости.

Мюрид — ученик, последователь суфийского старца, своего рода «послушник».

Набат, нават — особая сладость вроде леденца.

Нард — благовоние; нарды — игра, распространенная на Востоке.

Ной — библейский персонаж.

Ноубат — игра оркестра перед дворцом султана в определенное время дня.

Нуш-гия — противоядие, сваренное из трав.

* *Нуширван* или *Ануширван* («бессмертный») — прозвание иранского царя из династии Сасанидов Хосрова I (531—579). Этому правителя традиция обычно изображала как идеал справедливости, восточные хроники даже сочетают его имя с эпитетом «Справедливый». В главе «Повесть о Нуширване и его визире» Низами стремится вскрыть причины, сделавшие Нуширвана справедливым.

Омар — второй «праведный халиф».

Палас — грубая шерстяная ткань, дерюга.

Рабия — легендарная праведная женщина, бывшая милосердной даже к собаке — «нечистому» с мусульманской точки зрения животному.

Рахи — легендарный конь богатыря Рустама, героя восточноиранского эпоса. По преданию, этот конь был рыжий в яблоках.

Рейхан — базилик, благовонная трава.

Рибат (рабат) — пристанище для путников, караван-сарай.

Рукни, золото рукни — монеты из чистого золота, введенные в обращение правителем по имени Рукн ад-Дина.

Рум — Византия; в поэзии — олицетворение белизны (по белому цвету кожи румийцев).

Саз — музыкальный инструмент.

Сам — легендарный богатырь, дед знаменитого эпического героя Рустама.

Санджар — последний султан из так называемых «великих» сельджуков (1118—1157), предводителей племени гузов (или огузов), в XI веке покоривших большую часть стран бывшего Арабского халифата.

Сарандиб — о. Цейлон.

Симург — мифическая огромная птица, «царь птиц».

Соломон — библейский царь.

Сурьма — сурьмой на Востоке подводили глаза; считалось, что она улучшает зрение.

Суфий — последователь суфизма — мистического течения в исламе.

Сухейль — см. *Канопус*.

Табархун — грудная ягода, джидда.

Табашир — сахар из сахарного тростника, который выбирают из золы, после того как еожжена охалка тростниковых стеблей. Считался средством, наилучшим образом утоляющим жажду.

Тюрк, тюрки — представители тюркских племен; в поэзии — синоним белизны (белая кожа), а также коварства; в поэтических образах Низами тюрки совершают набеги, воинственны. В его времена дружины феодалов составлялись из взятых в плен и проданных в рабство тюрков. Тюрки-сельджуки во второй половине XI века завоевали огромную территорию вплоть до границ Византии. Отсюда — образы Низами.

Фаридун — один из мифических царей древнего Ирана, о котором подробно повествует в «Шах-наме» Фирдоуси. Когда кузнец Кава поднял восстание против захватчика тирана Заххака, Фаридун с его помощью одолел тирана и вернул себе престол своих предков. Фаридун собирался разделить свою державу между тремя сыновьями, которых звал Сальм, Тур и Ирадж, но братья убили Ираджа, и так возникла длившаяся века вражда Ирана и Турана.

Фарр — «благодать», по зороастрийским представлениям, осенявшая царей.

Фарсанг — путевая мера, 6—7 километров.

Фахраддин Бахрамшах — правитель города Эрзиджана (в Малой Азии), которому Низами преподнес «Сокровищницу тайн».

Ха — название трех букв арабского алфавита; одна из них имеет форму кружка.

Хабеш — Абиссиния; в поэзии — синоним черного цвета, по цвету кожи абиссинцев.

Хаджадж ибн Юсуф — полководец и наместник пятого омейядского Халифа Абдалмелика ибн Мервана (685—705), известный своей исключительной жестокостью и подозрительностью. Большинство мусульманских историков изображался как свирепый и несправедливый тиран. Омейяды — потомки Омейя — были свергнуты Аббасидами, другой ветвью родни Мухаммеда, и потому аббасидские историки обыкновенно характеризовали их самыми черными красками.

Хаджа — господин, важный человек.

Хаджи — человек, совершивший паломничество в Мекку (часто — уважаемое лицо).

Хадис — изречение пророка Мухаммеда.

Халиф — религиозный глава всех мусульман, «наместник пророка».

Хар — город, округа Рея (развалины Рея — недалеко от теперешнего Тегерана).

Харун ар-Рашид — знаменитый аббасидский халиф, персонаж «Тысячи и одной ночи».

Харут и Марут — имена двух ангелов, которые, по мусульманской легенде, выражали презрение к роду человеческому, погрязшему в грехах. Для испытания Харут и Марут были ниспосланы на землю в человеческом облике. На земле они влюбились в красавицу Зухру и под влиянием охватившей их страсти совершили ряд тяжких преступлений. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и будут пребывать до Страшного суда. Из глубины этого колодезя они обучают магии желающих. Зухра, бывшая причиной их падения, вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.

Хатиб — духовное лицо, возглашающее хутбу (см.). Хатиб носил, как украшение, на поясе меч, который он никогда не вынимал из ножен. «Меч Хатиба» — синоним всего бесполезного, недействующего.

Хум — большой глиняный кувшин для воды, вина или масла.

Хума, Хумай — сказочная птица, приносящая счастье. По поверью, на кого падет тень этой птицы, тот станет царем.

Хутба — торжественное провозглашение имени правителя во время пятничного богослужения в мечети.

Хызр — таинственное существо в зеленых одеждах, небожественное, но обладающее вечной жизнью. Обладает способностью чудесно передвигаться в пространстве и приходить на помощь путникам, погибающим в пустыне. Имя его в Коране не упоминается, но считают, что в рассказе о Моисее и его таинственном спутнике (Кор., XVIII, 64) имеется в виду Хызр, когда говорится: «И встретили они некоего раба из рабов наших, которому ниспослали мы от нас милости и научили его мудрости нашей».

Хырка — власяница, облачение дервиша, которое он получал от своего пира (старца) при вступлении в дервишский орден. Под условным термином «орден» мы понимаем объединение дервишей вокруг од-

ного «старца», возводящего свою духовную родословную к какому-нибудь знаменитому пиру.

Човган (чоуган) — конное поло. Човганом называется также и клюшка для этой игры. В поэзии човган (клюшка) — синоним всего изогнутого, например, кудрей красавицы.

Шам — Сирия.

Шариат — совокупность установлений ислама, как нормирующих религиозные обязанности, так и регулирующих гражданские и бытовые взаимоотношения.

Шейх — старец, ученый человек, часто — глава суфийского братства.

Шихна — начальник городской полиции.

Эрпат — зороастрийский жрец; у Низами — часто жрец-идолопоклонник вообще. Эрпаты у Низами поклоняются огню, солнцу. Упоминаются в поэме «индийские эрпаты», то есть индийские жрецы.

Юсуф — см. Иосиф.

А. Е. БЕРТЕЛЬС.

СОДЕРЖАНИЕ

Низами и его поэма «Сокровищница тайн». Рустам Алиев	5
Вступление. Перев. С. Шервинский	23
Первое моление. О наказании и гневе божием. Перев. С. Шервинский	28
Второе моление. О милосердии и всепрощении божием. Перев. С. Шервинский	31
В похвалу благороднейшего посланника. Перев. С. Шервинский	33
О вознесении пророка. Перев. С. Шервинский	35
Восхваление первое. Перев. С. Шервинский	41
Восхваление второе. Перев. С. Шервинский	43
Восхваление третье. Перев. С. Шервинский	46
Восхваление четвертое. Перев. С. Шервинский	48
Прославление царя Фахрадина Бахрамшаха сына Дауда. Перев. С. Шервинский	51
О положении и достоинстве этой книги. Перев. К. Липскеров	57
Речь о превосходстве слова. Перев. К. Липскеров	60
Превосходство речи, названной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам. Перев. К. Липскеров	63
О наступлении ночи и познании сердца. Перев. К. Липскеров	69
Первое тайное собеседование (о воспитании сердца). Перев. К. Липскеров	76
Плод первого тайного собеседования. Перев. К. Липскеров	83
Второе тайное собеседование (о ночном наслаждении). Перев. К. Липскеров	85
Плод второго тайного собеседования. Перев. К. Липскеров	90
Речь первая. О сотворении человека. Перев. К. Липскеров	94
Повесть о падишахе, потерявшем надежду и получившем прощение. Перев. К. Липскеров	101
Речь вторая. Наставление шаху о справедливости. Перев. К. Липскеров	103
Повесть о Нуширване и его визире. Перев. К. Липскеров	107
Речь третья. О свойстве мира. Перев. К. Липскеров	111
Повесть о Соломоне и поселянине. Перев. К. Липскеров	115
Речь четвертая. О благожелательном отношении шаха к подданным. Перев. К. Липскеров	117

Повесть о старухе и султানে Санджаре. Перев. К. Липскеров	119
Речь пятая. О старости. Перев. К. Липскеров	123
Повесть о старике кирпичнике. Перев. К. Липскеров	127
Речь шестая. О свойствах сотворенного. Перев. К. Липскеров	128
Повесть о собаке, охотнике и лисице. Перев. К. Липскеров	132
Речь седьмая. О превосходстве человека над животными. Перев. К. Липскеров	136
Повесть о Фаридуне и газели. Перев. К. Липскеров	139
Речь восьмая. О сотворении. Перев. К. Липскеров	141
Повесть о воре и лисице. Перев. К. Липскеров	146
Речь девятая. Об оставлении мирских дел. Перев. К. Липскеров	147
Повесть о подвижнике, нарушившем зарок. Перев. К. Липскеров	151
Речь десятая. О конце мира. Перев. К. Липскеров	153
Повесть об Исе. Перев. К. Липскеров	158
Речь одиннадцатая. О неверности мира. Перев. К. Липскеров	159
Повесть о прозорливом мобеде. Перев. К. Липскеров	162
Речь двенадцатая. О прощании со стойкой праха. Перев. К. Липскеров	164
Повесть о двух поспоривших мудрецах. Перев. К. Липскеров	167
Речь тринадцатая. О порицании мира. Перев. К. Липскеров	170
Повесть о хаджи и суфий. Перев. К. Липскеров	173
Речь четырнадцатая. Порицание беспечности. Перев. К. Липскеров	176
Повесть о царе-притеснителе и правдивом человеке. Перев. К. Липскеров	180
Речь пятнадцатая. Порицание завистников. Перев. К. Липскеров	183
Повесть о молодом царевиче и его старых врагах. Перев. К. Липскеров	186
Речь шестнадцатая. О быстрейшем прохождении пути. Перев. С. Шервинский	188
Повесть о раненом ребенке. Перев. К. Липскеров	192
Речь семнадцатая. О поклонении и уединении. Перев. С. Шервинский	194
Повесть о старце и мюриде. Перев. С. Шервинский	198
Речь восемнадцатая. В осуждение двуличных. Перев. С. Шервинский	199
Повесть о Джемшиде и его приближенном. Перев. С. Шервинский	202
Речь девятнадцатая. О принятии загробной жизни. Перев. С. Шервинский	206
Повесть о Харун ар-Рашиде и цирюльнике. Перев. С. Шервинский	210
Речь двадцатая. О заносчивости современников. Перев. С. Шервинский	213
Повесть о соловье в соколе. Перев. С. Шервинский	216
Заключенные книги. Перев. С. Шервинский	218
Примечания. Р. М. Алиев	221
Словарь собственных имен, географических названий и непереведенных слов. А. Е. Бертельс	240

Низами Гянджеви

Н61 Сокровищница тайн. Поэма. Перевод с фарси Липскерова и Шервинского. Научный редактор, автор вступительной статьи и примечаний Р. Алиев. 259 с. порт.

«Сокровищница тайн» — первая поэма знаменитой «Хамсы» («Пятерцы») гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви. В этом произведении поэт излагает свои гуманистические концепции, иллюстрируя их правоучительными повествованиями. В таких притчах, как «Повесть о падишахе, потерявшем надежду и получившем прощение», «Повесть о старухе и султани Сан-джаре», «Повесть о даре-притеснителе и правдивом человеке», «Повесть о Нуширване и его визире», Низами остро критикует деспотизм и произвол властителей, осуждает разврат, лень, ханжество и лицемерие власть имущих и в то же время высоко оценивает мораль простых, честных людей, живущих своим трудом.

Н 70403-118 Решение кол. № 83, от 31.05.82. 4702060100 С(Аз)1
М-656-82

Низами Кэнчэви

СИРЛЭР ХЭЗИНЭСИ

Поэма

Ба кы—1982

Издательский редактор *Н. Хатунцев* Технический редактор *В. Плиткина*
Художник *Н. Бабаев* — Корректоры *Т. Кязимова,*
Художественный редактор *А. Мамедов* *Г. Монина*

ИБ № 696

Сдано в набор 31.05.1982 г. Подписано к печати 23.08.1982 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 2 Литературная гарнитура. Высокая печать. Физ. и услови. п. л. 16,25+1 вкл. Учетн.-изд. л. 11,06. Заказ № 1700. Тираж 15000. Цена 1 руб. 30 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы», 370088, Баку, проспект Кирова, 18.

Новая Книжная типография, 370102, Баку,
ул. А. Тагизаде, 4.

